

М 79
308

ПАРВУСЪ.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И
КРУШЕНИЕ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКАГО СТРОЯ.

Переводъ Е. ГРАУ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„Новый Миръ“

СПБ., Невскій пр. № 92.

Цѣна 1 руб.

ПАТЕНТ

79
308.

Парвусъ.

801-15
636

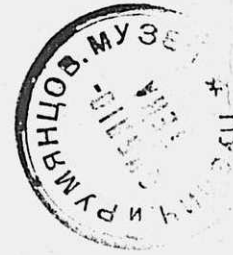
КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

..... И

КРУШЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАГО СТРОЯ.

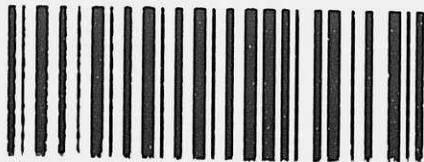
Переводъ Е. ГРАУ.

Оглавление.

Предисловіе.

	Стр.
Часть первая. Предъ имперскими выборами 1907 года.	
Центръ, какъ правительственная партія и рос- пускъ рейхстага	1
Стремленіе капитализма въ колоніи	16
Торговая политика Германіи и конкуренція Америки	25
Внѣшняя политика Германіи	36
Искусственно вызванная дороговизна	43
Рабочая политика и классовая организація гер- манскаго пролетаріата	53
Часть вторая. Избирательная кампанія и результаты выборовъ.	
Избирательная кампанія	65
Мобилизація капиталистовъ и страхъ предъ про- летаріатомъ	73
Нео-либерализмъ	79
Часть третья. Колоніи и капитализмъ въ XX столѣтіи.	
Культурная работа въ Южной Африкѣ	87
Колоніи и развитіе капитализма въ Европѣ	109
Колоніи и развитіе капиталистическаго мірового рынка	118
Движущія силы современной колониальной политики	132
Англійскій имперіализмъ	140
Банки, картели и колониальная политика въ Африкѣ	145
Колоніи, развитіе техники и заработная плата	172
Часть четвертая. Эра обмановъ въ имперской политикѣ.	
Новый рейхстагъ.	191
Аграрныя противорѣчія	194
Аграріи и промышленность	203
Милитаризмъ и бюрократія	212
Политическій азартъ	221

2014141457

С.-Петербургъ.

Типографія Д. П. Вейсбрута, Троицкій пр., 5.

1908.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Германскія коронованныя особы и германскіе капиталисты, а вмѣстѣ съ ними также правительства и правящіе классы всего міра празднуютъ имперскіе выборы 1907 года, какъ величайшую побѣду надъ социализмомъ. Доходящая до безумія радость побѣдителей показываетъ, въ какомъ безграничномъ страхѣ находились правящіе классы предъ выборами. На картѣ стояло гораздо больше, чѣмъ воображала даже сама социалдемократія.

Это хорошо запомнятъ нѣмецкіе рабочіе. Во время выборовъ пролетаріатъ подводитъ счетъ своимъ количественнымъ силамъ, но по страху правящихъ классовъ рабочіе познаютъ, какая громадная политическая мощь въ нихъ скрывается.

Все ли однако сдѣлано побѣдой, которую на этотъ разъ германской буржуазіи удалось одержать надъ рабочими при выборахъ? Какой характеръ приметъ дальнѣйшій ходъ политическаго развитія Германіи? Отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только изслѣдованіе движущихъ силъ германской имперской политики. Попыткой дать такое изслѣдованіе является настоящая книга.

Первая ея часть вышла въ свѣтъ еще во время избирательной борьбы подъ заглавіемъ „Имперскіе выборы и рабочій классъ“. Хотя авторъ тогда и допускалъ возможность потери мандатовъ со стороны социалдемократіи, но въ общемъ онъ рассчитывалъ на побѣду, а не на поражение во время выборовъ. Тѣмъ не менѣе онъ не видитъ теперь ни малѣйшаго основанія вносить какія-либо измѣненія и поправки къ тому, что говорилъ тогда о движущихъ силахъ и характерѣ имперской политики. Напротивъ. Какъ читателю легко убѣдиться, избирательная кампанія и исходъ выборовъ только подтвердили въ существенныхъ чертахъ все, что говорилъ авторъ. Но и теперь будетъ небезполезно критически освѣтить ходъ избирательной кампаніи и выяснить

политическое значеніе исхода выборовъ и состава будущаго рейхстага.

Важнѣ всего автору кажется подвергнуть обстоятельной критикѣ капиталистическую колониальную политику и выяснить будущее колоній.

Задачи настоящаго изслѣдованія заставляютъ автора обращаться къ анализу интернаціональных отношеній капиталистическаго строя. Но и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ одной только Германіи, ея экономическое развитіе можетъ быть разсматриваемо, какъ типичное для всѣхъ капиталистически-индустріальныхъ государствъ Западной Европы, при разсмотрѣніи же политическихъ отношеній различіе въ формѣ правленія должно быть принимаемо въ расчетъ, какъ своего рода коррективъ.

Капиталисты основываютъ всѣ свои надежды на парламентской побѣдѣ германской буржуазіи надъ пролетариатомъ. Что же? Мы только раскрываемъ предъ капиталистами законы капиталистической эволюціи производства, которые находятся въ непримиримомъ, возрастающемъ антагонизмѣ къ капиталистической формѣ собственности и ведутъ къ экономическимъ катастрофамъ, къ войнамъ и революціямъ.

Безъ сомнѣнія, пролетариатъ является могильщикомъ капиталистическаго міропорядка. Но объ ускореніи разрушительнаго процесса заботится самое развитіе капиталистическаго производства. И этого разрушительнаго процесса не парализовать никакими голосованіями, никакими уголовными законами въ мірѣ.

Часть первая.

Предъ имперскими выбо- рами 1907 года.

Центръ, какъ правительственная партія и ропускъ рейхстага.

Центръ всегда стремился *приобрести вліяніе на правительство*. Даже во времена самой рѣзкой своей оппозиціи центръ никогда не переставалъ доказывать правительству, что громадную цѣну могла бы имѣть для послѣдняго его дружба. Глубоко ошибаются поэтому тѣ, которые думаютъ, что политика центра въ настоящее время была бы иной, если бъ въ живыхъ оставались его старые вожди. Измѣнились только условія: то, что Виндгорстъ поставилъ себѣ задачей—поддержкой оппозиціи заставить правительство искать поддержки въ центръ—теперь уже осуществилось. Виндгорстъ, который, какъ извѣстно, уже самъ вступилъ въ переговоры съ Бисмаркомъ, безъ сомнѣнія, использовалъ бы измѣнившіяся условія болѣе разумно, и съ большею энергіей, но использовалъ бы ихъ, навѣрное, въ томъ же направленіи, въ которомъ стараются использовать ихъ и нынѣшніе вожди центра. Недаромъ же ссылаются на Виндгорста и другихъ старыхъ вождей гг. Спанъ, Шёдлеръ и проч. при каждомъ своемъ голосованіи—положительномъ и отрицательномъ. Въ этихъ заявленіяхъ можно найти все: аргументы и за, и противъ—смотря по обстоятельствамъ.

Два обстоятельства имѣли большое значеніе въ исторіи центра. Во первыхъ, то, что центръ не далъ Бисмарку разбить себя, во вторыхъ—сильный ростъ социалдемократіи. Оба эти обстоятельства создали ту перемѣну въ взаимоотношеніи политическихъ силъ въ рейхстагѣ, которой центръ обязанъ своимъ господствующимъ положеніемъ въ рейхстагѣ. Число мандатовъ центра въ рейхстагѣ не подвергалось большимъ колебаніямъ: максимума, 106 мандатовъ, оно достигло въ 1890 г. Слѣдовательно, если бъ все зависѣло отъ одного центра, въ рейхстагѣ все оставалось бы неизмѣннымъ и по настоящій день. Количество голосовъ, подаваемыхъ за центръ, тоже поднялось только соотвѣтственно увеличенію числа голосующихъ.

Если не считать искусственно вызванного повышения голосов центра при послѣднихъ выборахъ, 1903 г., то можно даже констатировать значительное уменьшеніе числа избирателей центра. Но за это время развитіе *соціалдемократіи* приняло гигантскіе размѣры. Уже одного роста *соціалдемократіи* было достаточно, чтобы разбить консервативно-національ-либеральное большинство рейхстага. Для правительства, благодаря этому, не оставалось иного пути, кромѣ пути сдѣлокъ съ центромъ. Господствующимъ положеніемъ въ рейхстагѣ центръ обязанъ не своимъ побѣдамъ, а *побѣдамъ соціалдемократіи*. Однако тотъ же ростъ *соціалдемократіи* заставилъ центръ разстаться съ позиціей оппозиціонной партіи, которую онъ занималъ. По мѣрѣ того, какъ увеличивалась *соціалдемократическая* фракція и голоса центра пріобрѣтали, благодаря этому, рѣшающее значеніе при голосованіи, центръ терялъ почву для своей двусмысленной оппозиціонной тактики. Яснѣ всего это обнаружилось при послѣднемъ голосованіи, послужившемъ поводомъ для роспуска рейхстага.

Если бъ въ какомъ-нибудь изъ прежнихъ рейхстаговъ образовался такой же консервативно-либерально-свободо-мыслящій блокъ, какъ въ послѣдній разъ, центръ спокойно могъ бы голосовать *противъ* правительственнаго проекта, зная, что своимъ голосованіемъ не помѣшаетъ принятію проекта. Совершенно не то теперь—при семидесяти девяти *соціалдемократическихъ* голосахъ въ рейхстагѣ! Въ настоящее время центръ при каждомъ голосованіи рискуетъ отрицательнымъ вотумомъ послужить дѣлу *соціалдемократіи*, остающейся неизмѣнно оппозиціонной. Одно, впрочемъ, мы должны твердо помнить: *правительственный колониальный проектъ потерпѣлъ крушеніе не благодаря центру, а благодаря соціалдемократіи, за которую центръ послѣдовалъ лишь очень не охотно.*

Германская *соціалдемократія*—представительница германскаго пролетаріата, классовую политику котораго она проводить. Разсматривая положеніе съ болѣе общей точки зрѣнія, мы придемъ къ слѣдующимъ выводамъ: нѣмецкіе рабочіе своей политической солидарностью разбили большинство рейхстага, на которое опиралась политика Бисмарка; они принудили правительство прекратить репрессіи противъ католическаго населенія, а равно и отказаться отъ исключительнаго закона о *соціалистахъ*, направленно

противъ самихъ рабочихъ; своей сплоченностью и рѣшительностью выступленій они принудили и буржуазныя партіи къ болѣе опредѣленности и рѣшительности. Такимъ образомъ нѣмецкіе рабочіе содѣйствовали тому, что центръ покинулъ позицію, которую занялъ по разнымъ косвеннымъ соображеніямъ.

Стоитъ только вычеркнуть *соціалдемократію* изъ избирательныхъ списковъ,—и могущество центра сломлено, консервативно-національ-либеральный режимъ возстановленъ. *Соціалдемократія* ставитъ центру такую альтернативу: *сохраниться въ качествѣ оппозиціонной партіи, или погибнуть въ качествѣ правительственной партіи.*

Пока въ Германіи нѣтъ *парламентскаго правительства*, т. е. правительства, избираемаго рейхстагомъ, до тѣхъ поръ здѣсь не можетъ быть и парламентской правительственной партіи. Всякая партія, которая пожелаетъ итти рука объ руку съ правительствомъ, должна выбрать позицію гдѣ-нибудь внѣ парламента и оттуда дѣйствовать *противъ* парламента. Надѣленное громадной политической и матеріальной силой, независимое отъ народа и неотвѣтственное предъ народомъ, германское правительство продолжаетъ еще представлять нетронутое сильное ядро абсолютизма. Оно проводитъ политику своихъ собственныхъ интересовъ. Эта политика вырабатывается не въ рейхстагѣ, а въ придворныхъ кругахъ и на частныхъ совѣщаніяхъ. Обнародованная въ рейхстагѣ переписка между Бюловымъ и Рёре-номъ показываетъ, что руководящіе мужи центра уже довольно далеко пошли въ *политикѣ задняго крыльца*. Они годами ведутъ политику покровительства, уславливаются съ правительствомъ, какъ лучше обойти рейхстагъ, скрыть отъ него колониальные скандалы,—словомъ, вожди центра конспирируютъ съ правительствомъ противъ рейхстага. Но здѣсь-то они и столкнулись съ опаснымъ противникомъ, съ сильнымъ конкурентомъ, который вызвалъ ихъ паденіе.

Правительство съ самаго начала должно было дѣлать надъ собою большія усилія, чтобы вступить въ тѣсное сближеніе съ центромъ. Это противорѣчило традиціямъ прусскаго правительства, привыкшаго всегда и во всемъ опираться только на восточно-прусское юнкерство. А юнкер-

ство не любить шутить, когда рѣчь идетъ объ искони принадлежащихъ ему высшихъ чиновничьихъ мѣстахъ или о сохраненіи его вліянія на правительство. Кромѣ того, центръ но могъ бы такъ открыто и рѣзко выступать въ роли правительственной партіи, какъ это дѣлаетъ юнкерство.

Не слѣдуетъ забывать, что ультрамонтанизмъ не создалъ оппозиціоннаго теченія, а нашелъ его уже вполне готовымъ и—въ формѣ народнаго движенія. Крупная буржуазія прирейнскихъ провинцій, за весьма малыми исключеніями, была либеральна и сдѣлалась національ-либеральной въ бисмарковскомъ духѣ. Но остальное городское население и крестьянство тѣхъ же провинцій образовали оппозиціонную народную массу, которая имѣла такъ же мало склонности мириться съ прусскимъ режимомъ (между восточной пруссіей и прирейнскими провинціями существовалъ и классовый антагонизмъ), какъ и съ оранжерейно выращиваемымъ капитализмомъ, разлагавшимъ всѣ старые социальныя устои. Тоже самое имѣло мѣсто и въ Баваріи. Кстати, началась и бисмарковская „борьба за культуру“, превратившая католическихъ священниковъ въ политическихъ агитаторовъ. Такимъ образомъ, въ глухое массовое броженіе внесены были организованность и планомѣрность. И теперь, когда позиціи католическаго духовенства укрѣплены, а центръ готовится стать правительственной партіей, онъ не можетъ же оторваться отъ той социальной почвы, на которой выросъ. Само собою понятно, что и католическое население не осталось не тронутымъ внутренней эволюціей, которая въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій такъ рѣзко измѣнила картину социальныхъ отношеній во всей Германіи. Мелкая торговля и ремесла—раздавленные капитализмомъ, въ мѣстахъ съ консервативнымъ и національ-либеральнымъ представительствомъ создали, какъ извѣстно, антисемитическую смуту. Въ мучительныхъ судорогахъ своей политической агоніи средній городской классъ то готовъ былъ идти вмѣстѣ съ правительствомъ противъ народнаго представительства, то бросался возбуждать народныя массы противъ правительства. Иногда дѣлалъ то и другое сразу. Это была борьба отчаянья. Въ мѣстностяхъ съ католическимъ населеніемъ всеобщее недовольство вылилось въ потокъ ультрамонтанской оппозиціи центра. Больше хлопотъ причинило центру баварское крестьянство потому, что

здѣсь рѣзко выступалъ антагонизмъ между городомъ и деревней. Но и движеніе баварскаго крестьянства заглохло, благодаря своей экономической безнадежности. Всѣ упомянутыя здѣсь явленія были только симптомами социального разложенія. Конечнымъ результатомъ процесса было: выдѣленіе крупно-капиталистической буржуазіи, съ одной стороны, и ростъ пролетаріата, съ другой стороны. *Крупно-капиталистическая часть центра настроена дружелюбно къ правительству*, одушевляется морской и колониальной политикой, — *короче, ничѣмъ не отличается отъ капиталистической буржуазіи* прирейнскихъ провинцій и остальной Германіи. Рабочія-же массы, не имѣющія паевъ въ колониальныхъ товариществахъ и притязаній на чиновничьи мѣста,—эти массы составляютъ крайне оппозиціонный элементъ. Хотя центру и удалось предупредить выдѣленіе католическихъ рабочихъ въ пролетарскую партію, но помѣшать классовой борьбѣ католическихъ рабочихъ онъ не можетъ. А благодаря этой классовой борьбѣ обостряется политическій антагонизмъ внутри самой партіи. Что касается католическаго средняго слоя населенія, то его политическое значеніе сильно пало, но его политическая озлобленность осталась. Наконецъ, въ восточныхъ провинціяхъ центру приходится имѣть дѣло съ поляками и, слѣдовательно, быть оппозиціонной партіей. Со всѣми этими разнообразными условіями центру приходится считаться, всѣмъ этимъ обусловливается *стыдливость его правительственной политики*.

По тѣмъ же причинамъ и правительство не можетъ чувствовать настоящаго довѣрія къ центру. Оно не можетъ положиться на центръ потому, что центръ долженъ всегда считаться съ слишкомъ многочисленными и разнообразными обстоятельствами. Какъ бы дружелюбно фракція центра ни была настроена по отношенію къ правительству, все же нельзя знать, не окажется ли она въ томъ или иномъ случаѣ, подъ давленіемъ извнѣ, вынужденной голосовать наперекоръ своимъ собственнымъ желаніямъ.

Въ то время какъ въ правительственныхъ сферахъ продолжали еще косо поглядывать на центръ, эта партія уже начала считать себя правительственной, а ея вожди начали предъявлять правительству соответствующія требованія. Они начали вмѣшиваться въ дѣла правительства. Впрочемъ, далеко пойти по этому пути имъ не пришлось.

Придворные круги, въ которыхъ принимаются всѣ важнѣйшія рѣшенія, продолжали оставаться почти совершенно закрытыми для вождей центра. Правда, круги высшей аристократіи въ настоящее время не отличаются такой замкнутостью, какъ въ прежнія времена, но исключенія дѣлаются только для представителей международного крупнаго капитала. Въ этихъ кругахъ наибольшимъ вліяніемъ пользуются американцы и юнкера, а не высшіе чиновники судебного вѣдомства и католическіе священники.

Люди центра обдѣлывали свои дѣлишки въ канцеляріяхъ съ чиновниками, въ главѣ которыхъ стоялъ имперскій канцлеръ фонъ Бюловъ. Но и здѣсь ихъ едва терпѣли и относились къ нимъ, какъ къ назойливымъ выскочкамъ. Консерваторы, которые пользуются испоконъ вѣка вліяніемъ на правительство и искони же занимаютъ высшія правительственныя мѣста, энергично боролись противъ соперничества центра.

Производитъ очень странное впечатлѣніе, когда консерваторы теперь бьютъ тревогу по поводу политики вымогательства центра только потому, что эта политика должна была спасти іезуитскаго питомца Вистубу. Не говоря уже о директорѣ колоній д-ръ Кайзеръ, который долженъ былъ уйти въ угодку консервативной камарилы, въ Германіи не можетъ удержаться ни одинъ министръ земледѣлія, если онъ только непріятенъ юнкерамъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ національ-либераловъ, нивъ имперіи, ни въ Пруссіи не было еще ни одного министра, который не принадлежалъ бы къ консервативной партіи и къ дворянству. Консерваторы рьяно отстаиваютъ свое господствующее положеніе. Они знаютъ, что дѣло можетъ начаться съ какого-нибудь Вистуба, а закончиться министерскими портфелями.

Эти отношенія между центромъ, правительствомъ и наслѣдственной правительственной партіей консерваторовъ еще болѣе запутались, благодаря *колоніальнымъ скандаламъ*.

Если уже по поводу злополучной герерской войны въ массахъ царило крайнее недовольство, то разоблаченіе колоніальныхъ безобразій вызвало настоящій взрывъ общественнаго негодованія. Центръ продолжалъ при этомъ свою двойственную игру. Да иначе онъ и не могъ поступать, разъ даже правительство оказалось вынужденнымъ для успокоенія общественнаго мнѣнія произвести быстрое смѣ-

щеніе чиновниковъ. Фракція центра не оказалась даже въ силахъ удержать въ должныхъ рамкахъ болѣе горячихъ изъ своихъ молодыхъ членовъ. Она вынуждена была къ открытой оппозиціи, но думала, что это еще не должно разстроить тайныхъ сдѣлокъ, что со временемъ можно будетъ еще все привести въ прежнее положеніе.

Однако вышло не то. Отношенія между центромъ и правительствомъ были натянутыми уже въ то время, когда предъ широкими общественными кругами раскрыты были колоніальные скандалы. Поэтому копаніе въ колоніальныхъ безобразіяхъ со стороны центра отчасти было дѣломъ хорошо продуманной тактики. Центръ, по своему старому обычаю, хотѣлъ еще разъ наглядно показать правительству, насколько для послѣдняго важно сохранить добрыя отношенія съ нимъ. Какъ всегда, центръ свои тайныя вождѣлѣнія вплелъ въ политику, навязанную его партіи внѣшними обстоятельствами. Подъ напоромъ общественнаго мнѣнія центръ открыто напалъ на правительство. Но наступательными дѣйствіями онъ старался только лучше обезпечить свою политику задняго крыльца.

Натянутыя отношенія между центромъ и правительствомъ создались на почвѣ конфликта между миссіонерами и колоніальными чиновниками.

Тренія между миссіонерами и чиновниками въ колоніяхъ не представляютъ случайности. Они являются результатомъ нѣкоторыхъ особенностей обѣихъ группъ.

Чиновники направляются въ колоніи для того, чтобы установить тамъ *государство*; миссіонеры—для того, чтобы воздвигнуть тамъ *церковь*. И тѣ, и другіе, въ послѣднемъ счетѣ, преслѣдуютъ одну и ту же цѣль—открыть „капиталистической культурѣ“ доступъ въ новую страну, т. е. расхитить естественныя богатства этой новой страны и превратить ея населеніе въ домашнюю челядь, въ рабовъ въ имѣніяхъ, въ копияхъ и рудникахъ капиталистовъ. Но приемы чиновниковъ и миссіонеровъ различны. Чиновники являются съ оружіемъ и резиновыми нагайками; они носятъ закрученные кверху усы и говорятъ грубымъ начальническимъ тономъ. Миссіонеры приходятъ съ библіей и распятіемъ. У нихъ на лицѣ всегда пріятная улыбка, ихъ

глаза скромно опущены долу, волосы гладко прилизаны. Первые идутъ къ своей цѣли прямо, на проломъ, военной силой принуждаютъ туземцевъ къ послушанію; вторые стараются войти въ довѣріе къ туземцамъ, чтобы по тропинкамъ христіанскаго самоуничтоженія привести ихъ къ признанію благодати капиталистическаго живодерства. Чиновники косо поглядываютъ на святыхъ отцовъ. Во-первыхъ, потому что они имъ вообще не нужны; во-вторыхъ, потому что они отлично знаютъ, къ чему стремятся священники съ своей христіанской любовью къ ближнему, и не нуждаются въ конкурентахъ; въ-третьихъ, наконецъ, потому что чиновники вообще не желаютъ имѣть стороннихъ свидѣтелей своего колоніальнаго владычества. А такъ какъ чиновники пользуются властью, то они и даютъ ее чувствовать священникамъ. Священники, съ своей стороны, смотря на чиновниковъ съ завистью: тамъ, гдѣ чиновники, опираясь на авторитетъ государства, совершаютъ триумфальное шествіе, священники вынуждены добиваться своего благополучія мольбами и хитростью. Однако, чтобы поднять свой престижъ въ глазахъ туземцевъ, они иногда оказываютъ противодѣйствіе чиновникамъ. Это лучше всего можно видѣть по рассказанному въ рейхстагѣ случаю, когда чернокожимъ дѣвушкамъ подъ угрозой наказанія приказано было явиться на увеселительный вечеръ, а миссіонеры заявили, что „христіанскія дѣвушки“ не должны пойти на этотъ вечеръ, и одержали побѣду. Этотъ случай наглядно показалъ негритянкамъ, насколько выгодно быть христіанкой. Миссіонеры здѣсь одержали побѣду не въ отвлеченномъ спорѣ о спасеніи души, а въ вопросѣ о вполнѣ конкретныхъ плетяхъ, которыя грозили дѣвушкамъ за отказъ явиться на вечеръ. Такъ миссіонеры уловляютъ души. Ихъ труды во имя неба пользуются тѣмъ большимъ преуспѣяніемъ, чѣмъ ревностиѣ чиновники работаютъ для ада. Слишкомъ далеко, однако, заботливость святыхъ отцовъ не заходитъ, такъ какъ они боятся излишнимъ усердіемъ повредить священнымъ интересамъ эксплуатирующихъ.

Впрочемъ, почвой для треній служатъ не однѣ только отношенія въ самихъ колоніяхъ, а также вліяніе той среды, съ которою связана на родинѣ каждая изъ колоніальныхъ группъ.

Военные герои колоніальной политики и святые ея церкви иногда связаны съ различными социальными слоями, чаще же еще должны угождать различнымъ инстинктамъ одной и той же среды. Военные и чиновничьи герои проявляютъ себя насильниками и этимъ импонируютъ. Нельзя же серьезно вѣрить, что тѣ сферы, которыя занимаются колоніальной политикой, могутъ быть дѣйствительно тронуты страданіями бѣдныхъ негровъ и искренне возмущаться по поводу колоніальныхъ жестокостей. Ничего этого нѣтъ и въ поминѣ. Въ рейхстагѣ, конечно, приходится притворяться и тронутымъ, и возмущеннымъ, потому что такъ уже благодущна и сантиментальна *misera contribuens plebs* (бѣдная платящая чернь). Но все это было и остается чистѣйшимъ лицемеріемъ. Въ салонѣ, въ особенности за ужиномъ, за блюдомъ устрицъ и бутылкой шампанскаго, колоніальныя исторіи рассказываются въ совершенно другомъ тонѣ. Здѣсь восторгаются ими, смакуютъ подробности, изумляются героизму тѣхъ, которые отваживаются на подобные подвиги. Въ этихъ кругахъ господа въ родѣ доктора Петерса находятъ себѣ вполнѣ искреннихъ поклонниковъ. Въ этихъ кругахъ желаютъ имѣть не какихъ-либо иныхъ, а именно такихъ колоніальныхъ дѣятелей—грубыхъ, жестокихъ, кровавыхъ, ни предъ чѣмъ не останавливающихся. Святые же отцы постоянно имѣютъ дѣло съ благочестивыми моельщиками; они вынуждены постоянно сохранять елейность. Даже господа, которые, можетъ быть, только накануне вечеромъ восторгались по поводу какой-нибудь „безумной аттоманской исторіи“, при встрѣчѣ съ миссіонерами, говорятъ совершенно инымъ тономъ. Святые отцы не могутъ оперировать трупами негровъ, они должны пристраивать крещеныхъ негритянскихъ дѣтей, бѣдныхъ сиротъ и т. д. Чтобы произвести впечатлѣніе, миссіонеры должны имѣть въ своемъ распоряженіи цѣлую кунсткамеру калѣкъ и убогихъ, страданія которыхъ они утишали бы.

Во всякомъ случаѣ, это должны быть страданія, которыя уже смягчены или могутъ быть смягчены деньгами патроновъ миссіи, а не такія страданія, источники которыхъ лежатъ въ самой колоніальной политикѣ и которыя поэтому не искоренимы. „Безъ пользы“ отдавать свои

деньги патроны и патронессы тоже вѣдь не пожелаютъ,— въ особенности, когда это можетъ содѣйствовать подготовкѣ почвы для социалдемократической пропаганды. Какъ африканскіе дѣятели въ военныхъ и чиновническихъ мундирахъ оперируютъ кровью туземнаго населенія, такъ африканскіе дѣятели въ сутанахъ оперируютъ слезами того же бѣднаго туземнаго населенія.

Въ тренія между миссіонерами и чиновниками не втянулись бы такіе широкіе общественные слои, если бѣ борьба въ дикой Африкѣ не была *только отраженіемъ* борьбы между центромъ и консерваторами *изъ-за эксплуатированія правительственной власти*. Консерваторы поставляютъ въ колоніи чиновниковъ; это до сихъ поръ было ихъ неограниченной привилегіей. Центръ же покровительствуетъ миссіонерамъ. Но по мѣрѣ того, какъ центръ превращался въ правительственную партію, на его сторону начали переходить и нѣкоторые чиновники,— правда не высшіе, а мелкіе. Во всякомъ случаѣ, часть чиновниковъ откололась и пошла за миссіонерами. На этой почвѣ и разыгралась исторія съ Вистубой. *)

Разрывъ между правительствомъ и центромъ произошелъ не изъ-за колоніальныхъ жестокостей или колоніальной коррумпціи, не изъ-за герерской войны, которая стоила народу такъ много денегъ и крови, а *изъ-за исторіи съ Вистубой*. Дебаты по поводу колоніальныхъ скандаловъ приняла въ рейхстагѣ очень благодушный характеръ. Послѣ первыхъ рѣчей Бюлова и Дербурга всѣ партіи, за исключеніемъ социалдемократіи, проявили чрезвычайно примирительное настроеніе. Но вдругъ, послѣ рѣчи Ререна, правительство совершенно неожиданно само перешло въ рѣзкое наступленіе. Весь конфликтъ между Ререномъ и правительствомъ вертѣлся вокругъ вопроса о *Вистубѣ*.

*) Вистуба—колоніальный чиновникъ, католикъ, который сообщилъ депутатамъ центра нѣкоторыя свѣдѣнія о скандалахъ и жестокостяхъ совершаемыхъ въ колоніяхъ. За „нарушеніе служебной тайны“ Вистуба былъ лишенъ мѣста и преданъ суду. Заступничество за Вистубу и привело центръ сначала къ переговорамъ, а потомъ и къ конфликту съ Бюловымъ.

Прим. перев.

Природа всякой бюрократіи требуетъ, чтобы чиновничество, съ правительствомъ во главѣ, составляло замкнутый кругъ, совершенно изолированный отъ всего народа. Все, что совершается въ бюрократической средѣ, не должно оглашаться. Чиновники составляютъ тайную организацию, управляющую государствомъ. Имперское правительство всѣми силами старается сохранить неизмѣннымъ такое положеніе бюрократіи. Для этой цѣли оно, съ одной стороны, всячески покрываетъ и постоянно защищаетъ чиновниковъ отъ общественнаго мнѣнія и рейхстага, а съ другой стороны, безжалостно преслѣдуетъ каждого чиновника который „болтаетъ о томъ, что дѣлается въ школѣ“. Поэтому-то правительство и исторію съ Вистубой превратило въ принципиальный вопросъ. Вистубу необходимо было наказать именно за то, что онъ началъ являться съ центромъ. Съ своей стороны, и центръ не могъ предоставить Вистубу на произволъ судьбы, не нанеся значительнаго ущерба своему вліянію на чиновничество. Такъ вопросъ о Вистубѣ превратился въ вопросъ о „*неласномъ правительствѣ*“. Другими словами: *правительство отказалось продолжать связь съ центромъ*.

Въ рѣзкости, съ которою правительство напало на центръ, можетъ быть, нѣкоторую роль сыграло и желаніе перевести раздраженіе народа съ себя на эту партію. Правительство вдругъ оказалось суровымъ Катонемъ, а центръ оказался сильно скомпрометированнымъ. Исторія дѣйствительно приняла очень тягостный для центра характеръ; въ рядахъ самаго центра началось сильное броженіе. Сначала центръ сдѣлалъ попытку принести въ жертву Ререна и объявить всю исторію совершенно личнымъ его дѣломъ. Но это не легко было выполнить; можно было повѣрить, что переписка между Ререномъ и Бюловымъ до ея обнародованія въ рейхстагѣ не была извѣстна и самой фракціи центра. Но за такія политическія дѣла могутъ браться только видные люди, вожди партій. *Политика задняя крыльца неотдѣлима отъ хозяйничанья клки*. Для всякаго было ясно, что за роль посредника между миссіонерами и правительствомъ Реренъ могъ взяться не самъ по себѣ, а только, какъ вліятельный вождь центра, что и для этой роли „честнаго маклера“ и вообще для личныхъ сношеній Ререна съ имперскимъ канцлеромъ почва была

создана и обусловлена исключительно правительственнымъ направлениемъ центра. Случай съ Ререномъ показалъ всему міру, въ какомъ фарватерѣ плаваютъ центръ и какія цѣли онъ преслѣдуетъ. Наконецъ, центръ понялъ, что не можетъ же онъ просто стряхнуть съ себя Ререна, а долженъ скорѣе подумать о томъ, какъ реабилитировать этого чело-вѣка въ глазахъ народа. Центръ *вынужденъ былъ* придать своей оппозиціи болѣе рѣзкій характеръ. *Къ рѣзкой оппозиціи принудили центръ нападкы правительства.* Кромѣ того, центръ раздраженъ былъ противъ правительства, поведеніе котораго относительно себя онъ считалъ, и вполне справедливо, предательскимъ. Таковы условія, вызвавшія голосованіе центра въ бюджетной комиссіи.

Вотумъ центра вызванъ не желаніемъ нанести ударъ колоніальной политикѣ, не желаніемъ въ какомъ бы то ни было отношеніи считаться съ интересами народа, а исключительно *фракціонными интересами.* Своимъ вотумомъ центръ хотѣлъ, съ одной стороны, вновь выступить въ глазахъ народа оппозиціонной партіей, съ другой стороны, заставить правительство вновь искать его дружбы. Вся тактика центра сводилась къ одному: центръ желалъ, *чтобы правительство вновь его призвало.* Газета центра „Germania“ много разъ повторяла, что голосованіе въ бюджетной комиссіи не имѣетъ окончательнаго характера, что въ plenum'ѣ еще можно будетъ придти къ соглашенію. Но *правительство не* желало больше соглашенія. Оно пошло на открытый разрывъ и отрѣзало центру путь къ отступленію въ plenum'ѣ.

Физиономія германскаго правительства такъ хорошо выяснена его прошлымъ, что *не можетъ быть ни малѣйшаго основанія предположить у этого правительства какіе нибудь широко задуманные планы.* Все, что угодно, — только не это! Нельзя также предположить у него стойкости въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Правительство порывисто бросается въ огонь, но съ жалобнымъ стономъ отскакиваетъ, обжегши себѣ пальцы. Подобныя сцены не разъ повторялись при „новомъ курсѣ“, успѣвшемъ, впрочемъ, уже порядкомъ устарѣть. Но метанія правительства изъ стороны въ сторону представляютъ *симптоматическій интересъ:* они показываютъ, какія силы дѣйствуютъ за спиной правительства, толкаютъ его въ ту или другую сторону.

Патологическимъ было уже то, что базисомъ для имперской политики должна была служить католическая партія, чрезвычайно пестрая по своему социальному и національному составу. Какъ уже упомянуто выше, вызвано это болѣзненное явленіе тѣмъ, что социалдемократія широкимъ клиномъ врѣзалась въ рейхстагъ и совершенно измѣнила соотношение силъ буржуазныхъ партій въ немъ. До этого момента центръ держалъ себя уклончиво, неувѣренно, по возможности избѣгалъ открыто высказываться, при каждомъ вопросѣ расплывался въ рѣчахъ и за и противъ, жеманился. Но при этомъ въ своихъ претензіяхъ не отличался особенной скромностью. Чтобы выйти изъ такого невыносимаго положенія, съ одной стороны, съ другой стороны — подъ давленіемъ консерваторовъ, которые не хотѣли терпѣть никакого „негласнаго правительства“, кромѣ самихъ себя, правительство рѣшило порвать съ центромъ и попытаться — создать новое большинство въ рейхстагѣ. Рѣшеніе правительства вызвано полной безнадежностью политическаго положенія. На этотъ разъ еще можно было добиться принятія колоніальныхъ проектовъ. Но что предстояло впереди? Правительство озабочено было мыслью о ближайшемъ будущемъ, такъ какъ оно теперь только намѣревалось *во всей силѣ развернуть свою колоніальную политику.* Недовольство въ народныхъ массахъ растетъ, и правительство хорошо понимало, что черезъ два года, при новыхъ выборахъ, это недовольство приметъ еще болѣе широкіе размѣры и проявится съ особенною рѣзкостью. Лучше поэтому сейчасъ же распустить рейхстагъ и попытаться, не удастся ли создать сомкнутое и рѣшительное *капиталистическое большинство для рейхстага.*

Избравъ боевымъ избирательнымъ лозунгомъ *колоніальную политику,* правительство рассчитывало использовать крупно-буржуазные элементы центра противъ остальныхъ его элементовъ. Такимъ ходомъ правительство очень ловко вмѣшалось бы въ борьбу различныхъ элементовъ внутри самого центра. Общая политическая тенденція правительства заключается, безъ сомнѣнія, въ стремленіи объединить въ правительственный блокъ крупную буржуазію всѣхъ партій. Если при выборахъ центръ пока еще держится вмѣстѣ, то въ рейхстагѣ группы съ различными интересами въ его средѣ обособятся. Вотъ чего добивается правительство роспускомъ

рейхстага и вмѣшательствомъ въ избирательную борьбу, поскольку такое вмѣшательство имѣетъ мѣсто.

Либералы охотно провели бы выборы въ выгодномъ союзѣ съ правительствомъ. Но правительство нѣмымъ движеніемъ руки холодно и выразительно отклонило предложенную ему роль знаменосца либерализма. Прусско-германское правительство, распустившее рейхстагъ для охраны бюрократическаго режима, правительство, считающее даже центръ слишкомъ оппозиціонной и демократической партіей,—это правительство „личнаго режима“ германскіе либералы захотѣли сразу провозгласить носителемъ культурнаго и политическаго прогресса. И этимъ либерализмъ самъ лишилъ себя послѣднюю кредитъ въ глазахъ народа.

Консерваторы готовы поддержать національ-либераловъ, чтобы такимъ путемъ ослабить центръ, конкурирующий съ ними у правительства. Но консерваторамъ, прежде всего, надо позаботиться о сохраненіи собственныхъ мѣстъ въ рейхстагѣ. Затѣмъ, уже съ первыхъ дней борьбы они потеряли вѣру въ дѣло. Поэтому они уже теперь отвиливаютъ и готовятся къ сдѣлкамъ съ центромъ.

Правительство, вызвавшее всю бурю, очень далеко отъ мысли взять на себя руководство борьбой. Оно скромно отступило къ сторонкѣ и заняло выжидательную позицію. Удастся создать большинство безъ центра—хорошо. Если же не удастся, то всегда можно еще вернуться въ старое русло. *Новое большинство безъ центра или большинство съ центромъ означаетъ не радикальное измѣненіе государственной политики, а лишь измѣненіе парламентской комбинаціи, на которую правительство опирается*

Если при помощи консервативно-либеральной картели и мобилизации буржуазныхъ резервовъ,—пресловутой „партіи индифферентныхъ“,—удастся отвоевать у центра и социалдемократіи извѣстное число мандатовъ, то создается капиталистическое крикливо-патріотическое большинство, которое безъ удержу поведетъ колониально-флотскую и военную политику. Это большинство дастъ правительству все, чего правительство пожелаетъ, даже будетъ поощрять правительству къ болѣе широкимъ требованіямъ. Явленіе общеизвѣстное, что чѣмъ легче и быстрѣе удовлетворяются желанія правительства, тѣмъ быстрѣе оно выступаетъ съ новыми, болѣе широкими требованіями.

Если же, наоборотъ, изъ выборовъ центръ выйдетъ болѣе сильнымъ, то вся исторія этой партіи служить ручательствомъ въ томъ, что его оппозиція въ рейхстагѣ приметъ не болѣе рѣзкій, а болѣе мягкій характеръ. Такъ было съ центромъ до сихъ поръ: чѣмъ болѣе росло его вліяніе въ рейхстагѣ, тѣмъ скорѣе оно дѣлалось, пока, наконецъ, не превратилось въ правительственную партію. Онъ и остался бы правительственной партіей, если бы правительство само не выставило его за дверь. Но маленькую размолвку не трудно будетъ сгладить, такъ какъ въ добромъ желаніи недостатка не будетъ ни на той, ни на другой сторонѣ. Принципіальной враждебности между правительствомъ и центромъ не существуетъ: центръ по существу за колониальную политику. Онъ былъ вѣрнымъ спутникомъ правительства во всей его флотской и міровой политикѣ, онъ по существу служитъ политикѣ капитализма. Это не очень выгодно для католическихъ рабочихъ, но зато вполне соответствуетъ интересамъ католической крупной буржуазіи, которая играетъ руководящую роль въ центрѣ съ тѣхъ поръ, какъ средній слой оттѣсненъ экономической эволюціи и социальному разложенію. Чѣмъ сильнѣе будетъ фракція центра, тѣмъ откровеннѣе она будетъ выступать за колониальную и вообще крупнокапиталистическую политику правительства. Поэтому то руководящимъ мужамъ центра такъ легко будетъ вновь снискать милость правительства; политика чернаго хода и хозяйничанье клики расцвѣтетъ еще болѣе пышнымъ цвѣтомъ. На выборы центръ отправляется оппозиціонной партіей, въ рейхстагъ онъ вступаетъ правительственной партіей. Этимъ центръ, правда, оттолкнетъ отъ себя рабочихъ избирателей, но выгоды, соблазнительно обрисовывающіяся на противоположномъ берегу, достаточно велики, чтобы стоило рискнуть. Да, наконецъ, здѣсь и нѣтъ средняго пути: или политика пролетаріата, или политика его эксплуататоровъ! Первое, понятно,—не дѣло центра.

Усиленіе центра приведетъ къ консервативно-ультрамонтанскому (католическому) союзу, который будетъ созданъ за счетъ либераловъ.

Допустима, наконецъ, еще и третья возможность—что выборы приведутъ къ ослабленію или къ большому еще раздробленію буржуазныхъ партій. Въ этомъ случаѣ важ-

нѣйшимъ факторомъ въ рейхстагѣ сдѣлалась бы *соціалдемократія*, борьба противъ нея объединила бы всѣ буржуазныя партіи и кинула бы ихъ въ объятія правительства.

Мы, такимъ образомъ, приходимъ къ заключенію, что каковъ бы ни былъ исходъ выборовъ, но въ новомъ рейхстагѣ *классовой антагонизмъ* будетъ еще болѣе рѣзокъ и классъ капиталистовъ еще тѣнѣе прикинется къ правительству.

На одной сторонѣ—правительство и капитализмъ, на другой—соціалдемократія и оппозиція.

Правительство такъ же мало играетъ творческую роль въ своей политикѣ, какъ и буржуазныя партіи. Они тѣснятъ другъ друга, и сами всѣ тѣснимы капиталистической эволюціей. Подъ бурнымъ натискомъ этой эволюціи они подвергаютъ страну самымъ тяжелымъ экономическимъ и политическимъ испытаніямъ, но сами не могутъ спастись отъ бури. И правительство, и буржуазныя партіи, въ конечномъ счетѣ, только приказчики капитала, слѣпое орудіе въ его рукахъ. Чтобы опредѣлить, куда ведетъ эта эволюція, необходимо изслѣдовать ея творческія силы. Къ этой задачѣ мы теперь и перейдемъ. Мы покинемъ кукольный театръ парламентскихъ сраженій, чтобы ознакомиться съ внутренними мотивами германской имперской политики.

Стремленіе капитализма въ колоніи.

Въ германской имперской политикѣ уже много лѣтъ на первомъ планѣ вырисовывается стремленіе расширить морскія силы и колоніи имперіи. Конечная цѣль—создать германскую колоніальную имперію. Но точно такое же стремленіе приобрѣтать колоніи обнаруживаютъ и всѣ остальные капиталистическія индустріальныя государства. Ясно, что для этихъ стремленій должна быть какая-нибудь общая причина. Она и существуетъ въ дѣйствительности: это—*капиталистическое перепроизводство и капиталистическая конкуренція*.

Въ литературѣ много споровъ вызвалъ вопросъ, существуетъ ли въ дѣйствительности перепроизводство. Многіе утверждали, что перепроизводства нѣтъ, а есть, напротивъ, недостаточное потребленіе, такъ какъ народъ далеко еще

не потребляетъ столько, сколько ему нужно. Въ сущности это былъ споръ только о словахъ. Если подъ перепроизводствомъ понимать излишекъ товаровъ въ сравненіи съ *потребностями народа*, то никакого перепроизводства нѣтъ, такъ какъ широкія народныя массы далеко не удовлетворяютъ еще самыхъ насущнѣйшихъ своихъ жизненныхъ потребностей. Но это невѣрное пониманіе. Капиталистическое перепроизводство овытекаетъ изъ *излишка доходовъ богатыхъ классовъ надъ ихъ расходами*. Этотъ излишекъ, во всякомъ случаѣ, очень великъ. Въ этомъ то и заключается самое ужасное противорѣчіе: *въ то время, какъ народныя массы лишаются послѣдняго куска хлѣба, немногочисленные капиталисты имѣютъ такъ много, что не знаютъ, куда дѣвать свои богатства*.

Рабочіе нуждаются въ товарахъ, но не имѣютъ денегъ для ихъ покупки; капиталисты имѣютъ деньги, но не нуждаются въ товарахъ. Такимъ образомъ часть ежегодно производимыхъ товаровъ остается безъ потребленія. Куда дѣваться?

На первой стадіи капиталистической эволюціи, когда централизація капиталовъ еще не такъ велика, это противорѣчіе, понятно, не такъ замѣтно; оно не проявляется особенно рѣзко во весь періодъ, пока индустрія имѣетъ предъ собой еще значительное количество ремесленниковъ, за счетъ которыхъ индустріальная промышленность развивается. Капиталистическій излишекъ уходитъ на расширение производства, которое создаетъ себѣ рынокъ путемъ систематическаго вытѣсненія мелкихъ производителей. Еще больше мѣста завоевываетъ на этой стадіи капиталистическая промышленность тѣмъ, что разлагаетъ натуральное хозяйство въ деревнѣ и превращаетъ крестьянина въ покупателя своихъ товаровъ, а въ соотвѣтствующей степени также и въ продавца собственныхъ товаровъ. Прядильная комната должна уступить мѣсто хлопчатобумажной фабрикѣ; ремесленникъ долженъ уступить мѣсто суконной фабрикѣ, точно такъ же въ послѣдствіи сапожникъ и портной вынуждены уступить мѣсто фабрикамъ сапожнымъ и готового платья. За это время развивается производство и растетъ его излишекъ, который требуетъ все большаго и большаго сбыта.

Въ дѣло начинаютъ употребляться громадныя средства производства. Колоссальныя единовременныя вклады капи-

таловъ, которыхъ требуетъ мощно развивающееся производство, на нѣкоторое время маскируютъ присущее капиталистическому производству противорѣчіе перепроизводства. Нагляднѣйшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить постройка желѣзныхъ дорогъ. Пока съѣтъ желѣзныхъ дорогъ только еще создается, капиталистическій излишекъ легко находитъ себѣ потребленіе,—для дальнѣйшаго развитія желѣзнодорожной сѣти каждая страна даже привлекаетъ еще новые капиталы извнѣ. Въ связи съ желѣзными дорогами развиваются цѣлыя новыя отрасли промышленности. Но, какъ только страна насыщена желѣзными дорогами, вездѣ и всюду наступаетъ торговый кризисъ, потому что капиталистическій излишекъ не находитъ себѣ уже больше потребленія.

Отсюда стремленіе индустріальной промышленности на *чужіе рынки для сбыта товаровъ*,—стремленіе, которое начинается проявляться уже на сравнительно низкой стадіи индустріальнаго производства. *Вмѣсто того, чтобы повышеніемъ заработной платы дать мѣстному населенію возможность удовлетворять свои нужды, капитализмъ всеми силами старается вывезти излишекъ товаровъ изъ страны.*

Только что описанная эволюція регулярно повторяется въ каждой странѣ, которую капиталистическая промышленность разъ избрала своимъ рынкомъ. Такъ было въ Англіи, во Франціи, въ Германіи и т. д.—во всей Европѣ, въ Россіи, въ сѣверной Америкѣ. Вездѣ капиталъ пробудилъ къ жизни колоссальныя производительныя силы, и вездѣ результатомъ является — все растущее перепроизводство. Всѣ индустріальныя государства тѣснятъ другъ друга и ищутъ новыхъ рынковъ.

Германія — мощное капиталистическое государство. Концентрація капиталовъ достигла здѣсь громаднѣхъ размѣровъ; соотвѣтственно громаднѣхъ размѣровъ достигло и перепроизводство. Магнаты капитала строятъ себѣ дворцы, по пышности и богатству не уступающіе княжескимъ палатамъ; въ сравненіи съ ними старыя рыцарскіе замки кажутся лишь жалкими лачугами. Производство предметовъ роскоши приняло размѣры, заставляющіе блѣднѣть все, что нѣкогда можно было себѣ представлять даже въ грезахъ. Международная денежная аристократія имѣетъ въ своемъ распоряженіи мѣста для развлеченія во всѣхъ частяхъ свѣ-

та, особое желѣзнодорожное и пароходное сообщеніе, цѣлое населеніе лакеевъ, кельнеровъ и содержателей отелей. Однако все, что расходуетъ классъ капиталистовъ, ничтожно въ сравненіи съ тѣми излишками, которые этотъ классъ ежегодно извлекаетъ изъ эксплуатаціи рабочихъ.

Часть этихъ излишковъ уходитъ на налоги въ пользу государства и мѣстныхъ общинъ,—поскольку капиталисты вообще платятъ налоги. Гораздо больше уплачиваютъ народныя массы въ формѣ косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія. Если сложить ежегодные доходы имперіи и четырехъ крупнѣйшихъ союзныхъ государствъ — Пруссіи, Баваріи, Саксоніи и Вюртенберга—то получится слѣдующая картина:

Прямыхъ налоговъ	341	милліонъ марокъ
Косвенныхъ налоговъ	1205	" "
Чистаго дохода съ желѣзныхъ		
дорогъ	627	" "
Чистаго дохода съ другихъ госу-		
дарственныхъ предпріятій .	261	" "

Чистый доходъ государства съ его желѣзныхъ дорогъ и другихъ казенныхъ предпріятій въ значительной своей части составляется путемъ непосредственной эксплуатаціи рабочихъ и служащихъ государственныхъ предпріятій; остальное добывается путемъ обремененія народа непомѣрно высокими желѣзнодорожными тарифами. А такъ какъ и прямые налоги далеко не въ полномъ своемъ объемѣ уплачиваются капиталистической буржуазіей, то безъ преувеличенія можно сказать: въ то время, какъ классъ капиталистовъ не уплачиваетъ въ налогахъ и 300 милліоновъ марокъ, народныя массы уплачиваютъ ежегодно государству свыше 2000 милліоновъ марокъ. Это означаетъ сокращеніе доходовъ народа, пониженіе его покупательной силы и, слѣдовательно, соотвѣтственное увеличеніе количества непроданныхъ товаровъ, увеличеніе перепроизводства.

Чѣмъ труднѣе капиталистамъ найти въ производствѣ примѣненіе излишкамъ своихъ капиталовъ, тѣмъ охотнѣе они начинаютъ вступать въ кредитныя сдѣлки съ государствомъ. Страшный ростъ государственныхъ долговъ до извѣстной степени является поэтому доказательствомъ роста капиталистическаго перепроизводства. Государственные

долги имперіи и упомянутыхъ выше четырехъ союзныхъ государствъ составляютъ въ настоящее время 13556 милліоновъ марокъ. Если часть этихъ долговъ и реализована за границей, то, съ другой стороны, неизмѣримо большіе германскіе капиталы помѣщены въ иностранныхъ государственныхъ займахъ. *Въ то время, какъ германскія народныя массы ведутъ жалкое нищенское существованіе, золото потокомъ разливается изъ Германіи по всему миру.*

По государственнымъ долгамъ приходится платить проценты. Указанныя четыре государства вмѣстѣ съ имперіей уплачиваютъ ежегодно 464 милліона марокъ однихъ процентовъ. Эти деньги текутъ въ карманы капиталистовъ и вновь увеличиваютъ излишекъ ихъ богатствъ. Правда, благодаря налогамъ и долгамъ, увеличивается и спросъ государства на товары, и, если бы государство употребляло свои деньги на удовлетвореніе народныхъ нуждъ, противъ этого ничего нельзя было бы имѣть. Но на такія цѣли государство тратитъ меньше всего: его деньги уходятъ, главнымъ образомъ, на войны, приготовленія къ войнѣ, постройку флота и на колоніальную политику. Бюджетъ на 1906 годъ даетъ слѣдующія цифры о тратахъ имперскаго правительства:

По сметѣ ординарныхъ расходовъ.

Армія, включая и военные суды	617 милліон. марокъ
Флотъ	113 " "

По сметѣ чрезвычайныхъ расходовъ.

Колоніи	19 милліон. марокъ
Армія	87 " "
Флотъ и дополнительная сумма на	102 " "
Кіаотчау	102 " "

Всего . . . 939 милліон. марокъ

Итакъ, почти миллиардъ въ одинъ годъ!

Кромѣ того, надо себѣ представить, какая масса человѣческой силы тратится совершенно непроизводительно для страны въ арміи и во флотѣ. Въ отчетномъ 1906 году въ германской арміи, согласно бюджету, было 614363 человека, во флотѣ—43669. Это значитъ, 658032 человека въ лучшемъ рабочемъ возрастѣ не только были отняты у страны, какъ рабочая сила, но остальное населеніе должно еще ихъ содержать.

Такого страшнаго расточительства людей и денегъ требуетъ капитализмъ. Онъ силой толкаетъ государство къ такому мотовству, заманиваетъ и соблазняетъ его дешевыми займами. И все это только потому, что капитализмъ не въ состояніи болѣе справляться съ тѣми производственными силами, которыя самъ же призвалъ къ жизни.

Въ то время, какъ классъ капиталистовъ въ Германіи терзается непрерывными заботами о томъ, куда дѣвать излишекъ своихъ богатствъ, на противоположномъ концѣ соціальной лѣстницы обнаруживается постоянный излишекъ людей. За послѣдніе 20 лѣтъ изъ Германіи выселилось *значительно болѣе, чѣмъ милліонъ человекъ*, именно—1.063,000. *Одни не знаютъ, куда дѣвать свои деньги, другіе не знаютъ, чѣмъ поддержать свое существованіе.*

А перепроизводство все растетъ. Нужны рынки для сбыта излишка товаровъ, этой цѣли и должны, прежде всего, служить *колоніи*.

Стремленіе въ колоніи, вырастающее на почвѣ капиталистическаго перепроизводства, принимаетъ еще болѣе рѣзкій характеръ, благодаря *капиталистической конкуренціи*. Если эксплуатаціей рабочихъ капиталистическая промышленность отдѣльной страны сама подкапывается подъ свой собственный рынокъ, то внѣшній рынокъ для сбыта кажется промышленности каждой страны безграничнымъ, такъ какъ каждая страна разсчитываетъ вытѣснить съ этого рынка всѣ остальные, устроиться на этомъ рынкѣ за счетъ другихъ. Поэтому промышленность каждой страны постоянно стремится принимать болѣе *широкіе размѣры*. Она и не можетъ не имѣть стремленій, побуждаемая конкуренціей, главнымъ оружіемъ которой являются дешевыя цѣны. Поэтому производство не можетъ имѣть разъ на всегда опредѣленныхъ размѣровъ: промышленность или развивается дальше, или прекращается. Постоянное расширеніе производства или—торговый кризисъ! Торговый рынокъ напоминаетъ бурный ледоходъ: льдины напираютъ одна на другую, однѣ разбиваются въ дребезги, другія нагромождаются въ громадныя горы, но сзади напираютъ все новыя и новыя массы и все вмѣстѣ уносятся въ бѣшеноемъ потокѣ.

Итакъ, капитализмъ стремится въ колоніи не для того, чтобы получить что-нибудь (это является въ послѣдствіи), а

потому, что капиталистическая эволюція заставляет вывозить излишекъ капитала изъ страны. Капиталъ ищетъ для себя точки приложенія. Отыскиваютъ гдѣ-нибудь на океанѣ пунктъ, который можетъ служить мѣстомъ сбыта для тѣхъ богатствъ, которыя отнимаются у рабочихъ. Колоніи существуютъ не для того, чтобы съ нихъ получать деньги, а для того, чтобы въ нихъ пристраивать деньги. Это сущность современной капиталистической колоніальной политики. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на германскія колоніи въ Африкѣ. Это—сплошь непроходимыя дебри или бесплодныя пустыни. Ничего не значить! Тѣмъ большій капиталъ можно будетъ тамъ вложить. Непроходимые лѣса будутъ прорѣзаны хорошими дорогами, крутыя каменистыя горы будутъ превращены въ плодородныя поля. Нѣмецкій капиталъ создастъ въ Африкѣ чудеса, чтобы только не оставить въ рукахъ нѣмецкаго рабочаго богатство, созданное его руками.

Само собою понятно, что колоніальной политикѣ прежде всего должно служить государство. Начинается всегда съ того, что государство посылаетъ въ колоніи *чиновниковъ и войска*, но оплачивать ихъ долженъ народъ. Затѣмъ начинаютъ возникать пароходныя компаніи, *пользующіяся государственными субсидіями*. Представители индустріальнаго государства начинаютъ проникать дальше въ новую страну, а чѣмъ дальше они проникаютъ, тѣмъ болѣе жестокое сопротивленіе они вызываютъ со стороны туземнаго населенія; не было еще ни одного примѣра добровольнаго подчиненія дикарей капиталистической эксплуатаціи. Начинаются *колоніальныя войны*. Этого момента еще не доставало въ эволюціи: войны сразу поднимаютъ колоніи на высшую стадію, такъ какъ государственные расходы страшно увеличиваются, денегъ на колоніи тратится масса.

Этотъ именно моментъ переживаютъ теперь германскія колоніи въ Америкѣ. Только послѣ того, какъ новая земля будетъ облита нѣмецкой кровью и вымощена нѣмецкимъ золотомъ, можно будетъ развить, широко развить *капиталистическую колоніальную политику*. Она начинается съ *постройки желѣзныхъ дорогъ*. Докладная записка Дернабурга по всѣмъ правиламъ открываетъ новую эру. Она приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „Жертвы, которыя мы до сихъ поръ вынуждены были приносить въ находящихся подъ на-

шимъ протекторатомъ странахъ, только въ незначительной степени связаны съ экономическими интересами; главнымъ образомъ приносились жертвы на почвѣ стратегической... Но опытъ всѣхъ колоніальныхъ государствъ показываетъ, что *безъ желѣзныхъ дорогъ большія колоніальныя владѣнія остаются непроцно завоеванными, экономически мало доступными*“. Итакъ, безъ желѣзныхъ дорогъ нельзя обойтись. Начало, впрочемъ, уже положено. Теперь требуютъ продолженія желѣзныхъ дорогъ, и ассигновка на нихъ уже обѣщана всѣми партіями большинства, не исключая и центра. Теперь одна желѣзная дорога послѣдуетъ за другой. Это непрерывно будетъ продолжаться долгое время и поглотитъ миллиарды.

Вполнѣ естественно, что въ связи съ громадными тратами, которыя производитъ государство, находится, до известной степени, и развитіе торговли и промышленности. Однако въ общемъ колоніальная политика невыгодна для народа, такъ какъ она обходится ему слишкомъ дорого. Уже и теперь въ южной Африкѣ есть нѣмецкія фермы. Но каждый стаканъ молока, добываемый въ африканской фермѣ, обходится германскимъ плательщикамъ налоговъ дороже бутылки шампанскаго. Весь вопросъ въ томъ: слѣдуетъ ли употребить энергію и средства германскаго народа на насильственное насажденіе въ Африкѣ капиталистическаго производства, что дастъ классу капиталистовъ возможность еще больше увеличить излишки ихъ богатствъ, или же лучше употребить эти средства и энергію на *улучшеніе положенія народа внутри самой страны?*

Что колоніи никогда не будутъ окупаться, что народу, слѣдовательно, всегда придется приплачивать на ихъ содержаніе,—это признаетъ и само правительство. Единственное, на что, въ лучшемъ случаѣ, можно надѣяться, по увѣреніямъ правительства,—это то, что колоніи со временемъ будутъ покрывать расходы *по управленію ими*, но не военные расходы и предварительныя затраты. Что это означаетъ, мы покажемъ на примѣрѣ, который само правительство называетъ типичнымъ. Этотъ примѣръ—французская колонія *Алжиръ*, которую Дернабургъ въ своемъ докладѣ выставляетъ, какъ образецъ. Въ періодъ съ 1830 до 1900 года французское государство потратило на Алжиръ:

Въ общемъ	6669	милл. марокъ
На расходы по управленію колоніей	1893	" "
" " военные	4070	" "
" гарантіи и субсидіи желѣзн. дорог.	706	" "

Ясно, какъ ничтожны расходы по управленію въ сравненіи съ расходами военными и желѣзнодорожными. А что далъ Алжиръ своей метрополіи за этотъ же періодъ? Ровно 1897 милл. марокъ. Покрѣты были дѣйствительно только расходы по управленію, а 4772 милл. марокъ государство вынуждено было приплатить. Это—результатъ семидесятилѣтней колоніально-политической практики, слѣдовательно, нѣчто такое, на чемъ можно увѣренно строить. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что военные расходы были велики только вначалѣ: „періодомъ завоеванія—поясняетъ правительственная записка—можно считать 1830—1857 гг.“ Но, „кромѣ оккупационнаго времени, военные расходы пришлось особенно повышать также въ семидесятые и восьмидесятые годы“. Нисколько не измѣнились къ лучшему финансовыя отношенія между Франціей и Алжиромъ и послѣ 1900 года. Напротивъ, за послѣдніе шесть лѣтъ метрополіи пришлось приплатить еще *новыхъ полтора миллиарда*.

Таковы колоніальныя финансовыя перспективы въ изображеніи самого правительства.

Вычислено, что Германія *уже* потратила на свои колоніи *около миллиарда*, при чемъ расходы на флотъ не приняты въ расчетъ. Этотъ миллиардъ ѣскорѣ поблѣднѣетъ предъ тѣми многими миллиардами, которыхъ еще потребуетъ германская колоніальная политика. Въ этомъ направленіи мы уже плывемъ.

Продолженіе колоніальной политики стараются изобразить еще „дѣломъ чести“.

Чему служитъ колоніальная политика?

Во первыхъ тому, чтобы вывезти изъ страны и промотать богатство, которое создалъ народъ и въ которомъ онъ нуждается для покрытія своихъ собственныхъ нуждъ.

Во вторыхъ,—эксплуатаціи собственнаго народа.

Въ третьихъ,—эксплуатаціи чужого народа.

Если тутъ можно говорить о національной чести, то она, по нашему мнѣнію, требуетъ, прежде всего, немедленнаго прекращенія всего этого позорнаго дѣла.

Торговая политика Германіи и конкуренція Америки.

Кромѣ общихъ причинъ стремленія капитализма въ колоніи, существуютъ и частныя, обусловливаемые хозяйственной политикой индустріальныхъ государствъ. Особенно большое значеніе имѣютъ эти частныя причины въ Германіи. Здѣсь мы, прежде всего, должны указать на *охранительную таможенную политику*. Въ то время, какъ индустріальная промышленность добивается насильственного расширенія рынка, охранительныя пошлины, напротивъ, суживаютъ рынокъ. Капиталистическія государства замыкаются другъ отъ друга и, чтобы освободиться отъ этихъ взаимныхъ отгораживаній и замыканій, всѣ стремятся въ колоніи, гдѣ еще нѣтъ капиталистическихъ государствъ. Но тутъ же у каждаго капиталистическаго государства возникаетъ желаніе включить колоніи въ свою таможенную систему. Это и есть *империализмъ*. Каждое индустріальное государство хочетъ имѣть свою *колониальную имперію*, изъ которой оно могло бы исключить или вытѣснить всѣ остальные индустріальныя государства.

Въ Германіи охранительно-таможенная система, какъ извѣстно, аграрнаго происхожденія, Германская промышленность не нуждается въ таможенныхъ и долгое время довольствовалась очень умѣренными пошлинами. Но восточно-прусскіе юнкера, пользуясь своимъ вліяніемъ на правительство, направили его на путь охранительной системы. Впослѣдствіи имъ удалось привлечь на свою сторону королей желѣзодѣлательной и нѣкоторыхъ другихъ отраслей промышленности, которые подъ прикрытіемъ охранительныхъ пошлинъ страшно подняли цѣны внутри страны. Такъ возникли въ Германіи охранительныя пошлины и такъ онѣ развивались дальше. Сначала, въ 1885 и 1887 годахъ, повышены были только аграрныя пошлины, затѣмъ оказалось необходимымъ опять понизить ихъ и, наконецъ, перейти къ торговымъ трактатамъ 1892 и 1893 гг. Но, вмѣсто того, чтобы продолжать политику торговыхъ договоровъ, пошли по иному пути. Отчасти подъ да-

влениемъ аграріевъ, которые успѣли покрыть всю страну сильной организаціей, отчасти въ интересахъ промышленныхъ синдикатовъ, отчасти, наконецъ, чтобы открыть новый источникъ денегъ для правительства, — созданы были *новые таможенные тарифы*. Систему высокихъ охранительныхъ пошлинъ распространили не только на хлѣбъ и мясо, но на всѣ продукты, не исключая и ввозимыхъ индустріальныхъ товаровъ.

Эта торговая политика можетъ сдѣлаться прямо роковой для дальнѣйшаго экономического развитія Германіи.

Свободныя торговыя сношенія съ Америкой давали Германіи дешевый хлѣбъ и дешевое мясо. Это улучшало положеніе народныхъ массъ: улучшалось ихъ питаніе, увеличивалась трудоспособность. Высокія охранительныя пошлины положили всему конецъ. Нельзя же было допустить, чтобы въ супѣ рабочихъ было больше мяса, за его столомъ больше хлѣба, — если благодаря этому рента крупнаго помѣщика хотя бы на самую малость сократилась.

Въ Америкѣ выросло новое поколѣніе рабочихъ, которые лучше питаются, работаютъ продуктивнѣе и, не смотря на болѣе высокую заработную плату, даютъ предпринимателямъ больше, чѣмъ германскіе рабочіе. Замѣтимъ, что выработкѣ новаго типа американскаго рабочаго сильно содѣйствовала эмиграція изъ Германіи.

Свободныя торговыя сношенія съ Америкой облегчали не только ввозъ зернового хлѣба въ Германію, но также и *вывозъ продуктовъ германской индустріи въ Америку*. Пароходы, привозившіе изъ Америки хлѣбъ, уходили обратно въ Америку, нагруженные германскими индустріальными товарами. Далѣе, если пароходное сообщеніе сдѣлало возможной колоссальную заокеаническую торговлю, то эта торговля, въ свою очередь, содѣйствовала дальнѣйшему развитію *заокеаническаго пароходства*. Въ связи съ заокеаническимъ мореплаваніемъ возникли въ Германіи громадныя пароходныя компаніи. Такимъ образомъ, на широкомъ базисѣ ввоза американскаго зерна мощно развивались германская торговля и германская промышленность.

Америка доставляла Германіи дешевые пищевые продукты и открывала для Германіи міровой рынокъ. Но германскія охранительныя пошлины стѣснили создавшіяся на этой почвѣ отношенія. Правда, цифры германско-амери-

канской торговли продолжаютъ и теперь еще повышаться, но это не должно вводить насъ въ заблужденіе. Тотъ фактъ, что германская торговля съ Америкой продолжаетъ развиваться, не смотря на охранительныя пошлины, показываетъ лишь, какъ велика взаимная экономическая связь между обѣими странами, и даетъ возможность заключать, какіе колоссальные размѣры приняли бы торговыя сношенія между ними, если бы на пути не стали охранительныя пошлины.

Германскія охранительныя пошлины содѣйствовали развитію охранительно-таможеннаго движенія и въ Америкѣ. Америка очень заинтересована въ вывозѣ своего зерна. Поэтому американскія охранительно-таможенныя стремленія можно было бы въ значительной степени парализовать, оставивъ открытымъ для Америки сельско-хозяйственный рынокъ въ Европѣ. Германскія аграрныя пошлины оказались водой на мельницу американскихъ приверженцевъ индустріальныхъ пошлинъ. Такъ созданы были крѣпкія пергородки въ торговыхъ сношеніяхъ обѣихъ странъ. *Еще и теперь можно было бы добиться у Соединенныхъ Штатовъ благоприятнаго торговаго договора, т. е. пониженія пошлинъ, если бы Германія рѣшилась понизить свои хлѣбныя пошлины.* Но Германія этого не дѣлаетъ, и ей пока не удастся вообще заключить торговаго договора съ Соединенными Штатами.

Замѣчательно, что люди, которые готовы пожертвовать милліарды на развитіе торговли съ африканскими готтентотами, не хотятъ понять, какъ много теряетъ Германія, парализуя охранительными пошлинами торговлю съ Америкой, создавшую всю заокеаническую торговлю Германіи.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ германскихъ и вообще европейскихъ аграрныхъ пошлинъ было то, что американцы теперь изъ всѣхъ силъ стараются *удешевить производство и транспортировку зерноваго хлѣба*. Америка, слѣдовательно, дѣлаетъ діаметрально противоположное тому, что дѣлаетъ Германія. Въ Германіи — искусственное поднятіе цѣнъ и именно благодаря искусственности неустойчивость цѣнъ, сельско-хозяйственный застой, отсутствіе прогресса въ сельско-хозяйственной technikѣ; тамъ въ Америкѣ — усиленное примѣненіе машинъ къ земледѣлію и поразительное развитіе транспортныхъ средствъ въ связи съ удешевленіемъ стоимости перевозки. Еще въ 1880 г. доставка бушеля пшеницы изъ Чикаго черезъ Нью-Йоркъ въ Англію (Ливер-

пуль) обходилась въ 25 центовъ, а въ 1889г.—только въ 15 центовъ! Любопытный контрастъ этому представляетъ противодѣйствіе, которое нѣмецкіе аграріи оказываютъ проведенію *среднегерманскаго канала*. Въ Америкѣ—удешевленіе пищевыхъ продуктовъ и сообщенія; въ Германіи—повышеніе цѣнъ на пищевые продукты и перевозку.

Гигантское развитіе средствъ сообщенія содѣйствовало въ Америкѣ и развитію *индустріи*. Любопытнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить проведеніе желѣзной дороги, пересекающей всю сѣверную Америку съ востока на западъ и связывающей Атлантическій океанъ съ Тихимъ. Эта дорога построена для того, чтобы перестать сельско-хозяйственные продукты страны въ гавани Атлантическаго океана. Очень быстро возникла въ 80-ыхъ годахъ цѣлая сѣть побочныхъ и передаточныхъ линій, при-
мыкающихъ къ этой дорогѣ, такъ что въ одномъ изъ недавнихъ отчетовъ авторъ по праву могъ сказать: „весь американскій континентъ теперь покрытъ рельсами, питающими Атлантическую дорогу“. Эта система рельсъ сохраняетъ свое значеніе для вывоза сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, но въ то же время она служитъ и для доставки *индустріальныхъ продуктовъ Америки* на востокъ и черезъ Тихій океанъ.

Германія не пожелала пользоваться *дешевыми американскими пищевыми продуктами*, и Америка старается сама ихъ использовать, создавая собственную *индустрію*. Большую пользу при этомъ приносятъ ей и нѣмецкіе рабочіе, которые выселились потому, что на родинѣ не находили работы благодаря стѣсненію промышленности или не могли существовать при дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ и низкой заработной платѣ. Не менѣе охотно, чѣмъ трудъ, переселяется въ Америку и германскій капиталъ. Тѣ самые германскіе фабриканты, которые дома громко требуютъ высокихъ охранительныхъ пошлинъ, открываютъ въ Америкѣ филиальныя отдѣленія, чтобы оттуда конкурировать съ родиной. Больше еще въ этомъ отношеніи дѣлаютъ *банки, биржа*, скупающіе американскія акціи, и разнообразные синдикаты большихъ международныхъ предприятий. Такъ Америка превращается въ *индустріальное государство*.

Германія хотѣла освободиться отъ *сельско-хозяй-*

ественной конкуренціи Америки и навязала себѣ на шею *американскую индустріальную конкуренцію*.

Безъ сомнѣнія, индустріальная промышленность Америки развивалась бы и безъ нѣмецкихъ охранительныхъ пошлинъ, какъ, впрочемъ, и безъ американскихъ охранительныхъ пошлинъ. Но германскія охранительныя пошлины помѣшали Германіи извлечь изъ аграрнаго и индустріальнаго развитія Америки ту выгоду, которую она могла бы извлечь при свободныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ этой страной. Поэтому-то теперь, когда Америка на всѣхъ рынкахъ выступаетъ индустріальнымъ конкурентомъ Германіи, она такъ легко побѣждаетъ свою противницу. Слѣдующія цифры могутъ служить достаточной иллюстраціей.

Каменноугольное производство составляло (въ 1000-хъ тоннъ).

Годъ.	Германія.	Соединен. Штаты Сѣв. Америки.
1885	73676	100843
1890	89291	143127
1895	103957	175193
1900	149188	244563
1905	173797	338369

Желѣзо въ сыромъ видѣ (въ 1000-хъ тоннъ).

Годъ.	Германія.	Соединенные Штаты Сѣв. Ам.
1885	3687	4109
1890	4658	9350
1895	5465	9598
1900	8521	14011
1905	10875	23361

Каменный уголь и желѣзо составляютъ остоу современнѣйшей индустріи. Развитіе производства въ этихъ отрасляхъ даетъ поэтому представленіе объ общемъ развитіи промышленности. Приведенныя нами цифры такъ рѣзко подчеркиваютъ происшедшія перемены, что не нуждаются въ дальнѣйшихъ поясненій. Изъ этихъ цифръ ясно видно, что американская промышленность оставляетъ германскую за флагомъ.

Существуетъ мнѣніе, что охранительныя пошлины необходимы при слабо развитой промышленности. Говорятъ, что безъ

охранительныхъ пошлинъ зарождающаяся промышленность будетъ подавлена превосходящею ее промышленностью болѣе развитыхъ странъ. Что къ Германіи съ ея широко развитою индустріальною промышленностью это непримѣнимо — очевидно. Но и сама по себѣ эта теорія, основанная на слишкомъ одностороннемъ пониманіи эволюціи капиталистическаго производства, можетъ быть, находила себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ тѣ времена, когда еще очень мало развито было капиталистическое общеніе между отдельными странами. Въ настоящее же время, когда желѣзныя дороги и пароходы создали между различными странами большую близость, чѣмъ близость, нѣкогда существовавшая между отдельными провинціями одной и той же страны, когда непрерывно передвигаются такіе массы людей, когда различные народы находятся въ постоянномъ духовномъ и матеріальномъ общеніи, когда международное знаніе сдѣлало технику общедоступною для всѣхъ народовъ, когда международные рынки распредѣляютъ промышленность по всѣмъ частямъ свѣта, — въ настоящее время дѣйствительнымъ является другое начало, которое я выразилъ бы слѣдующимъ образомъ:

При свободѣ торговли экономическія силы каждой отдельной страны *утилизируются всеми другими странами*; при системѣ охранительныхъ пошлинъ каждая страна предоставлена *собственнымъ производственнымъ силамъ*. Само собою понятно, что, чѣмъ ниже при этомъ охранительныя пошлины, тѣмъ легче измѣнить эту систему въ направленіи свободной торговли.

Свобода торговли сглаживаетъ антагонизмъ между отдельными странами и служитъ лучшимъ средствомъ для привлеченія всѣхъ странъ къ участию въ міровомъ производствѣ; охранительныя пошлины раздробляютъ міровое производство, создаютъ борьбу между отдельными странами.

Все дальнѣйшее зависитъ отъ того, которая изъ соперничающихъ странъ окажется сильнѣе по своимъ производственнымъ средствамъ. Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты по своимъ естественнымъ богатствамъ, по размѣрамъ своей территоріи и по количеству населенія превосходятъ всѣ европейскія страны, за исключеніемъ Россіи, — и въ этомъ залогъ ея превосходства въ

промышленной конкуренціи. Предъ Америкой должна отступить не только Германія, но любая изъ европейскихъ странъ, не исключая и Великобританіи съ ея колоніями. Благодаря громадной аренѣ, которую находитъ промышленность въ этой необъятной, единой въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, странѣ, сѣверо-американскій союзъ можетъ оперировать такими громадными, уже сконцентрированными массами продуктовъ, какими не располагаетъ ни одна другая страна. Но мы видимъ пока только *зарожденіе* индустріальной промышленности въ Америкѣ. Въ дальнѣйшемъ ни одно изъ европейскихъ государствъ не въ силахъ будетъ спастись отъ ея конкуренціи. Противъ индустріальной конкуренціи Америки невозможно бороться тѣми средствами, которыми боролись противъ ея сельско-хозяйственной конкуренціи. Еслибъ европейскія государства и рѣшились, съ громаднымъ ущербомъ для себя, закрыть американской промышленности доступъ къ своимъ внутреннимъ рынкамъ, то съ тѣмъ большею неизбежностью этимъ государствамъ придется столкнуться съ Америкой на иностранныхъ рынкахъ, которыхъ имъ пока еще приходится искать.

Избѣгнуть американской конкуренціи можно только добровольнымъ исключеніемъ себя изъ мірового рынка, добровольнымъ отказомъ отъ міровыхъ сношеній. Очевидно, что это — нелѣпость, невозможность. Но именно на этой невозможности, въ конечномъ счетѣ, зиждется капиталистическій империализмъ: отдельное государство, хочетъ создать для себя собственный міровой рынокъ! Изолировать себя отъ міровыхъ сношеній и въ то же время захватить міровой рынокъ. Это — безумнѣйшій абсурдъ, къ которому привело развитіе капитализма.

Уже нѣсколько десятилѣтій въ Европѣ горько жалуется на сельско-хозяйственную конкуренцію Америки. Но все, что было — только дѣтская игра въ сравненіи съ той промышленной конкуренціей Америки, съ которою теперь придется имъ дѣло.

Чтобы устоять противъ Америки, для европейскихъ странъ остается только одно средство: это — *экономическое объединеніе всей Европы*. Картина тотчасъ же мѣняется, если сѣверо-американскому союзу противопоставить вмѣсто отдельныхъ странъ цѣлая группы европейскихъ госу-

дарствъ. Возьмемъ, для примѣра, четыре главныхъ европейскія государства: Германію, Францію, Великобританію, Австро-Венгрію. Отношеніе ихъ къ Соединеннымъ Штатамъ будетъ таково:

	Соедин. Штаты	4 европейскія.
	Съв. Америки.	государства.
Общее народонаселеніе . . .	76 мил.	195 мил.
Занято въ индустриальной и горной промышленности	7 „	26 „
Дыбывается каменного угля	339 „	тоннъ 489 „
Добывается желѣза	23 „	„ 25 „
Вмѣстительность паровыхъ	1,9 „	зарегис. 12,2 „
	тоннъ netto.	тоннъ netto.

Такимъ образомъ, *объединенная Европа* далеко превосходила бы своего американскаго конкурента. Но въ томъ то и дѣло, что Европа не объединена, ни экономически, ни политически.

Еслибъ сѣверо-американская федерація распадалась на отдѣльныя государства, забаррикадированныя другъ отъ друга охранительными пошлинами, то страна не могла бы развить той экономической силы, которую развиваетъ теперь, была бы слабой и безпомощной.

Главная болѣзнь Европы—*раздробленность на мелкія государства*. Въ средней Европѣ нельзя проѣхать сутки по желѣзной дорогѣ, чтобы не натолкнуться на одну или нѣсколько границъ съ неизбежными на нихъ таможенными. Мелкія государства представляютъ продуктъ политической исторіи Европы.

Политическое прошлое Европы—ея проклятіе. Ея политическая карта, какъ рубище нищаго, сплошь покрыта заплатами. Если вспомнить, какъ возникли эти политическія единицы, то можно только посмѣяться надъ глупымъ предразсудкомъ, будто государство составляетъ замкнутое національное и духовное цѣлое, которое должно быть отдѣлено отъ остальнаго міра. И на каждомъ политическомъ клочкѣ земли, именуемомъ себя государствомъ, существуютъ сильныя группы—клики, мѣшающія объедине-

нію Европы. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи *монархическіе властители*, которые могутъ еще существовать только благодаря тому, что поддерживаютъ рознь между народами.

Американская демократія представляетъ опять таки одно изъ громаднхъ экономическихъ преимуществъ этой страны. Демократія сдѣлала возможнымъ здѣсь политическое и экономическое единство; она дала достаточныя гарантіи различнымъ народностямъ, живущимъ бокъ о бокъ и не прибѣгающимъ къ вооруженной борьбѣ; она же является однимъ изъ условій лучшаго соціального положенія рабочаго класса, что, въ свою очередь, въ высшей степени благотворно отразилось на промышленномъ развитіи страны.

Какъ въ свое время экономическому развитію Германіи мѣшала ея раздробленность, такъ въ настоящее время политическая разорванность мѣшаетъ Европѣ развивать ея производительныя силы и парализуетъ ея способность къ конкуренціи. И по той же причинѣ, по которой *идея германскаго объединенія пробивала себѣ путь революціями и войнами*, пока она не осуществилась,—по той же причинѣ *идея политическаго и экономическаго объединенія Европы пробьетъ себѣ путь черезъ всякія препятствія*.

Необходимая оговорка. Здѣсь идетъ рѣчь не объ изоляціи Европы отъ остальнаго міра при помощи *единой таможенной системы*, а объ *отмнѣнъ всякихъ таможенныхъ перегородокъ* для объединенія и концентраціи производственныхъ силъ Европы и возможно болѣе тѣснаго сближенія ихъ съ мировымъ производствомъ.

Торговая политика Германской Имперіи упорно противится этимъ тенденціямъ, благодаря чему наталкивается на все большія препятствія, попадаетъ въ безвыходное положеніе. Побѣдоносное настроеніе, царившее при выработкѣ новаго таможеннаго тарифа, давно исчезло. Воспользовавшись безвыходнымъ политическимъ положеніемъ Россіи, Германія еще могла продиктовать ей торговый договоръ. Но и тутъ, вмѣсто пониженія русскихъ пошлинъ на германскіе продукты, пришлось мириться съ ихъ повышеніемъ. То же самое было и при заключеніи торговаго договора съ Австріей. При заключеніи договора съ Австріей особенно пострадало германское производство красокъ: авст-

рийская пошлина на анилиновые краски повышена съ 3,6 кронъ на 24 кроны со 100 килограммовъ. Съ Великобританіей и Соединенными Штатами вообще не удалось заключить торговыхъ договоровъ на почвѣ новаго германскаго таможеннаго тарифа. Здѣсь все не прочно, не надежно. Въ теченіе какого-нибудь одного года отношенія могутъ рѣзко измѣниться,—могутъ начать противъ Германіи таможенную войну, или отказать Германіи въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ. *Таможенная война*, которая съ 1903 года ведется между Германіей и Канадой, приняла особенно рѣзкій характеръ, благодаря новому германскому тарифу, такъ какъ вывозъ изъ Канады зерна все увеличивается. Какое дѣйствіе оказала эта таможенная война, очень краснорѣчиво выясняетъ маленькая табличка, которую мы заимствуемъ изъ коллективной работы „Die Weltwirtschaft“, изданной Э. фонъ Галле.

Ввозъ сахара въ Канаду составлялъ въ 1000 доллар.:

Годъ	Изъ Германіи	Изъ Великобританіи	Изъ Вестъ-Индіи	Изъ Британской Гвіаны
1900/1	1412	92	199	20
1904/5	13	456	4000	2500

Въ то время, какъ ввозъ сахара въ Канаду принялъ чрезвычайно большіе размѣры, Германія тамъ совершенно лишилась рынка для сбыта сахара.

А между тѣмъ Канада—страна, переживающая періодъ мощнаго расцвѣта. Ея внѣшняя торговля обрисовывается слѣдующими цифрами:

	Вывозъ товаровъ.	Ввозъ товаровъ.
1890 годъ:	473 миллі. на марокъ.	368 милліон. марокъ.
1895 „	442 „ „	450 „ „
1900 „	759 „ „	746 „ „
1904 „	1056 „ „	843 „ „

Эти цифры *совсѣмъ не похожи на цифры торговли Камеруномъ и юго-восточной Африкой!* Здѣсь возможность широкаго, постояннаго, растущаго сбыта. Но чтобы въ немъ участвовать, надо мириться и съ вывозомъ канадскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Германію. Послѣднее не выгодно для германскихъ аграріевъ, почему торговля сношенія съ Канадой и парализованы охранитель-

ными пошлинами. Зато не пожалѣютъ милліардовъ, чтобы искусственно создавать себѣ рынки въ дикой Африкѣ.

Кажется, что неудачи торговой политики начинаютъ вызывать и въ правительственныхъ кружкахъ довольно меланхолическое настроеніе. Можетъ быть, по этой причинѣ въ правительственныхъ сферахъ ничего не имѣли бы теперь противъ *усиленія либерализма* въ рейхстагѣ. Однако, при настоящемъ положеніи дѣлъ германское правительство такъ же мало годится для *рѣшительнаго поворота въ торговой политикѣ*, какъ и германскій либерализмъ. Правительству для этого пришлось бы порвать свои традиціонныя связи съ восточно-прусскимъ юнкерствомъ, что означало бы рѣшительное измѣненіе всей правительственной системы. Что касается либераловъ, то ихъ отъ маломальски энергичныхъ дѣйствій удерживаетъ *страхъ предъ социалдемократіей*.

Германскій пролетаріатъ перегородилъ германской промышленности буржуазіи путь къ политическому господству. Безъ социалдемократіи буржуазія ничего больше добиться не можетъ. Если же либерализмъ пожелаетъ воспользоваться услугами социалдемократіи, онъ долженъ будетъ мириться и съ ростомъ социалдемократіи и съ ея стремленіями осуществить *требованія рабочихъ*.

Безъ социальной политики—нѣтъ никакой либеральной торговой политики!

Разсмотрѣніе парламентскихъ отношеній въ Германіи приводитъ насъ къ заключенію, что въ новомъ рейхстагѣ классовая рознь будетъ выражена еще болѣе рѣзко, а капиталистическіе элементы еще болѣе тѣсно будутъ прижимать къ правительству. Нашъ анализъ торгово-промышленной эволюціи обнаружилъ расколъ и внутри самаго класса капиталистовъ. Пункты расхожденія, правда, не вполне совпадаютъ съ линіей раздѣла между промышленнымъ и аграрнымъ капиталомъ, но очень близки къ ней. Впрочемъ, чисто аграрнаго капитала вообще уже нѣтъ. Мы поэтому будемъ говорить объ антагонизмѣ капитализма свободной торговли и капитализма *охранительныхъ пошлинъ*. Консерваторы, обладающіе очень тонкимъ чутьемъ во всемъ, что касается ихъ классовыхъ интересовъ, уже почувствовали опасность усиленія либерализма и открыто объясняютъ этимъ свою склонность приблизиться къ центру. На

выборахъ это можетъ привести только къ дробленію буржуазныхъ голосовъ. Въ рейхстагъ будутъ дѣлаться попытки *колоніальной политикой задѣлать трещину, созданную антагонизмомъ интересовъ въ торговой политикѣ.* Можно себѣ представить, насколько это увеличить шумъ по поводу колоніальныхъ вопросовъ.

Но чѣмъ слабѣе выйдутъ изъ избирательной борьбы буржуазныя партіи, тѣмъ сильнѣе будетъ социалдемократія, тѣмъ сильнѣе будетъ растущая оппозиція народныхъ массъ.

Замѣнить торговую политику колоніальной—значить проложить дорогу къ *полному политическому крушенію.*

Внѣшняя политика Германіи.

Если торговая политика имперскаго правительства привела страну въ тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода безъ радикальнаго измѣненія всей правительственной системы, то внѣшняя политика того же правительства привела къ *полной политической изоляціи Германіи.*

Въ этомъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія шумныя дебаты въ рейхстагъ о внѣшней политикѣ,—дебаты, обнаружившіе, между прочимъ, какъ рѣзко расходится правительство съ общественнымъ мнѣніемъ. Чтобы лучше выяснитъ себѣ политическое положеніе, рассмотримъ поближе политическую рѣчь канцлера.

Германскій имперскій канцлеръ заявилъ—и заранее требуетъ по этому поводу отъ будущаго историка похвалы за свою великую политическую прозорливость—канцлеръ заявилъ, что зналъ о военныхъ приготовленіяхъ Японіи и объ ея рѣшеніи начать войну, что онъ обратилъ на это вниманіе имперскаго правительства и *советовалъ Японіи сохранить миръ.* Мы не станемъ здѣсь касаться вопроса, насколько въ то время, когда графъ фонъ Бюловъ дѣлалъ правительству свои сообщенія, надвигающаяся война могла оставаться тайной для политика, слѣдившаго за событіями въ восточной Азіи, хотя бы только со времени китайско-японской войны; насъ интересуютъ не матеріалы для будущей біографіи графа фонъ Бюлова, а тотъ свѣтъ, который

проливаютъ слова канцлера на политику Германіи относительно Японіи и Россіи.

Японское правительство врядъ ли теперь сожалеетъ о томъ, что *не послушалось* совѣта германскаго имперскаго канцлера не начинать войны, которой Японія обязана своимъ нынѣшнимъ положеніемъ среди державъ. Но и тогда, когда давались германскіе совѣты, она имѣла уже достаточно оснований относиться къ нимъ недоувѣрчиво. Кажется, не только германское правительство, но и въ германскомъ рейхстагѣ успѣли забыть, что Германія вмѣстѣ съ Россіей, главнымъ образомъ, помѣшали Японіи использовать побѣду надъ Китаемъ; они принудили Японію отдать завоеванный у китайцевъ Портъ-Артуръ, который вполнѣ Японія должна была съ гораздо большими трудностями и жертвами вновь завоевать, но уже у Россіи. Въ германскомъ рейхстагѣ какъ будто забываютъ также о германской оккупационной политикѣ въ восточной Азіи—политикѣ, которую имперскій канцлеръ въ своемъ циркулярѣ отъ 11 іюня 1900 года стыдливо замаскировалъ заявленіемъ, что Германія „отнюдь не желаетъ раздѣла китайской имперіи“. А между тѣмъ именно на оккупационную политику Германіи падаетъ вина за возникшее въ Китаѣ положеніе. Оно заставило Японію увеличить свои военныя силы, чтобы имѣть возможность политически и экономически занять мѣсто на ряду съ европейскими колоніальными государствами. Японія вооружалась въ теченіе многихъ лѣтъ и, когда она привела свои военныя приготовленія къ концу, явился германскій имперскій канцлеръ съ совѣтомъ воздержаться отъ войны.

Японія начала войну и вышла изъ нея побѣдительницей. Такимъ создано было положеніе, котораго не предвидѣлъ германскій канцлеръ, и все значеніе котораго онъ, кажется, и въ настоящую минуту не въ состоянни понять.

Благодаря русско-японской войнѣ измѣнилось положеніе не только въ Азіи, но и въ Европѣ.

.....

.....

.....

.....

.....

Русско-японская война расколола всѣ государства на *две группы, изъ которыхъ каждая связана общностью интересовъ*. Великобританія и Соединенные Штаты были на сторонѣ Японіи и теперь вмѣстѣ съ Японіей заняли наиболѣе выгодное положеніе. Особенно замѣчательно при этомъ, что и отношеніе Россіи къ этимъ странамъ сдѣлалось гораздо болѣе благоприятнымъ для нихъ. Впрочемъ, и это не трудно понять: слабый боится противника и иногда нуждается въ его услугахъ, которыя, само собою понятно, не оказываются даромъ.

Путемъ договоровъ, тайныхъ соглашеній и молчаливаго взаимнаго попустительства Англія и Америка обезпечиваютъ себѣ большія коммерческія выгоды въ Россіи. Уже и теперь слышатся рѣчи объ „арендованіи“ Россіи этими государствами.

Германское правительство всѣ свои планы строило на будущей побѣдѣ Россіи, которая крайне нужна была и французской буржуазіи. Послѣдней—потому, что ея союзъ съ царизмомъ былъ уже окончательно дискредитированъ въ глазахъ французскаго народа.

Почвой для возникновенія франко-русскаго союза послужила, какъ извѣстно, идея реванша. Впослѣдствіи французская буржуазія придала этому союзу менѣе опасный и болѣе для нея выгодный характеръ союза изъ-за колониальнаго соперничества съ Англіей. Однако и эта политика потерпѣла страшное фіаско при Фашодѣ. А между тѣмъ мелкой и средней французской буржуазіи русская дружба уже успѣла обойтись въ нѣсколько милліардовъ. При такихъ условіяхъ воскресить надежды французской буржуазіи могла бы только побѣдоносная война, которая вновь вознесла бы Россію на вершину могущества. Но Россія не побѣдила. А такъ какъ Франція тѣснѣйшимъ образомъ связана съ Россіей, то она первая и почувствовала необходимость дать иное направленіе своей иностранной политикѣ и искать новыхъ союзниковъ. Это привело къ англо-французскому союзу, который былъ завершеніемъ давно уже возникшаго но не игравшаго замѣтной роли течения. *Англо-французское сближеніе создало новое, весьма неблагоприятное для Германіи, соотношеніе силъ.*

Германія оказалась изолированной. На алжесирасской конференціи это обнаружилось съ поражающей очевидностью. Важнѣйшимъ результатомъ этой конференціи было не рѣшеніе вопроса о Марокко, а констатированіе того факта, что авторитетъ Германской Имперіи не представляетъ уже болѣе могущественнаго политическаго фактора.

Не слѣдуетъ однако думать, что только русско-японской войной вызвана изоляція Германіи: она издавна подготовлялась политикой самого имперскаго правительства.

Графъ Бюловъ былъ совершенно правъ, когда упрекалъ нѣмецкую буржуазію въ томъ, что она слишкомъ привыкла къ наѣздническимъ ботфортамъ Бисмарка, что всякое выступленіе не въ духѣ Бисмарка ей кажется умаленіемъ престижа Германской Имперіи, что наконецъ въ самой политикѣ Бисмарка она въ свое время видѣла нежелательное нарушеніе старой „профессорской политики“. Фельетонное мышленіе имперскаго канцлера, однако, не позволило ему уловить ничего, кромѣ внѣшнихъ эффектовъ контраста между кирасирскимъ сапогомъ и профессорскимъ парикомъ: онъ проглядѣлъ тѣ социальныя основы политической эволюціи, которыя наложили различный оттѣнокъ на настроеніе буржуазіи обѣихъ эпохъ. И первое, чего не понималъ графъ Бюловъ, это то, что онъ самъ сдѣлался козломъ отпущенія за бисмарковскую политику.

Послѣ войны 71 года, окончательно укрѣпившей политическое положеніе Германской Имперіи, кульминационнымъ пунктомъ внѣшней политики Бисмарка было заключеніе тройственнаго союза. Союзъ сложился по закону политическаго тяготѣнія: болѣе слабые примкнули къ болѣе сильнымъ. Для Австріи, какъ и для Италіи, союзъ съ Германской Имперіей представлялъ тогда значительныя выгоды: съ одной стороны, онъ обезопасилъ Австрію отъ Россіи, а Италію отъ Франціи; съ другой стороны, обезопасилъ Австрію и Италію отъ самой Германіи, соперничества которой обѣ боялись. Такъ установлено было въ Европѣ политическое преобладаніе Германіи. Но въ то же самое время началось и движеніе въ противоположную сторону.

Германская Имперія въ томъ видѣ, въ которомъ сфабриковалъ ее Бисмаркъ, даже по своему внутреннему строю не была приспособлена къ тому, чтобы сдѣлаться центромъ и связующимъ звеномъ для Западной Европы.

Для этого Германіи не хватало единства и дѣйствительной политической свободы. *Это военное государство не въ состояніи было объединять народы, — оно могло только командовать правительствами.*

Значеніе союза между государствами заключается во взаимномъ облегченіи для союзниковъ военного бремени. Тройственный же союзъ, напротивъ, свелся ко взаимному обязательству союзниковъ увеличивать свои военныя силы. Это была скачка тройки, при чемъ сильный коренникъ увлекалъ слабыхъ пристяжныхъ, заставляя ихъ дѣлать напряженіе, превышавшее ихъ силы. *Тройственный союзъ превратился въ невыносимое бремя для населенія всѣхъ трехъ государствъ, вызвалъ въ населеніи постоянно растущую рѣзкую оппозицію правительствамъ.* Но Бисмаркъ, создавшій имперію при помощи войны, не могъ и для сохранения мира въ Европѣ придумать другого средства, кромѣ постоянного увеличенія военныхъ сооружений.

Конецъ тройственному союзу положилъ новый германскій таможенный тарифъ, подорвавшій торговыя отношенія Германіи съ Австро-Венгріей и Италіей.

Если, такимъ образомъ, Германія сама подорвала свою политическую гегемонію въ Европѣ, то еще болѣе плачевный конецъ потерпѣла ея *мировая политика — мечта установить германскую гегемонію на морѣ.* Послѣ видѣнія Россіи изъ числа великихъ державъ, создалась новая комбинація государствъ, которая какъ будто начинаетъ захватывать политическую гегемонію даже въ самой Европѣ и обладаетъ бесспорно громадными силами во всѣхъ частяхъ свѣта, и въ особенности, *въ Азіи.* *Мировое господство на морѣ* принадлежитъ, съ одной стороны, англо-французскому союзу, съ другой стороны — англо-японскому союзу, пользующемуся поддержкой и со стороны Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Германія лишена участія въ этомъ мировомъ господствѣ. Требуется ли доказательства? Вполнѣ убѣдительно доказательство представляетъ заявленіе имперскаго канцлера, что Германія не имѣетъ никакихъ интересовъ въ Персіи и Тибетѣ.

Германское правительство сразу сдѣлалось очень скромнымъ. Откуда внезапно появились „интересы“, когда Германія отправлялась въ Кіаотчау? Между Германіей

этой отдаленной частью Азіи тогда дѣйствительно лежалъ цѣлый міръ — какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. А теперь послѣ того, какъ Германія успѣла обезпечить себѣ сообщеніе со всѣмъ азіатскимъ материкомъ, не исключая отдаленнѣйшихъ пунктовъ его восточнаго побережья, послѣ того, какъ Германія построила сильный военный флотъ, послѣ того, какъ она приняла очень чувствительное для нея финансовое участіе въ экономической жизни Малой и западной Азіи, послѣ того, какъ она въ теченіе многихъ лѣтъ находила живой „интересъ“ въ мельчайшихъ подробностяхъ азіатской политики Турціи, — теперь германскій имперскій канцлеръ вдругъ заявляетъ, что Германіи нечего желать и нечего искать въ Персіи и центральной Азіи. Колоніальную политику можно вести или не вести. Если вести колоніальную политику, то надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что *важнѣйшій экономическій интересъ* представляютъ именно тѣ области, которыми канцлеръ вздумалъ теперь „не интересоваться“. Въ прежнія времена, въ восточной Азіи Германія могла разыгрывать роль хозяина положенія, а теперь она чувствуетъ *свое полное безсиліе передъ новой комбинаціей державъ.* Имперскій канцлеръ говорилъ о Персіи такъ, какъ лисица въ баснѣ говоритъ о виноградѣ.

За потерю своего вліянія на сушѣ и на морѣ Германія ищетъ удовлетворенія въ безопасной для нея войнѣ съ герерами. Побѣда надъ дикими неграми должна поддерживать „престижъ“ Германіи, какъ великой державы, а Южная Африка должна замѣнить Германіи *рынки на Тихомъ океанѣ.*

Но здѣсь Германія наталкивается на цѣлый міръ своеобразныхъ отношеній мирового рынка.

Какъ извѣстно, уже со времени открытія Америки мировая торговля сосредоточена, главнымъ образомъ, на Атлантическомъ океанѣ, — между Европой и Сѣверной Америкой. Постепенно въ обмѣнъ втянулись и страны Тихаго океана. Обмѣнъ особенно оживился съ проведеніемъ *Суэцкаго канала.* За проведеніемъ Суэцкаго канала послѣдовало открытіе обширной *железнодорожной сѣти* въ Ост-Индіи и Индо-Китаѣ, затѣмъ развитіе *пароходства*, какъ на самомъ *Индійскомъ океанѣ*, такъ и между Индійскимъ океаномъ и восточной Азіей, включеніе въ торгово-мировыя отношенія *восточно-азиатскаго побережья.* Наконецъ на на

шихъ глазахъ въ лицѣ Японіи возникло азіатское индустріальное государство. Указанный процессъ далъ мощный толчекъ индустріализаціи всей восточной и южной Азіи. Большое значеніе имѣетъ еще, кромѣ того, экономическое развитіе Австраліи, развитіе пароходства и торговли между Австраліей и странами Индійскаго океана. Затѣмъ слѣдуетъ индустріальное развитіе *Сѣверной Америки*, которая постоянно расширяетъ свою торговлю съ остальными странами Тихаго океана и уже приобрѣла собственныя колоніи въ восточной Азіи. *Панамскій каналъ* создастъ морской путь между индустріальными областями Америки и Тихаго океана. *Русскія Закаспійскія желѣзныя дороги* проложатъ путь въ центральную Азію. Упомянемъ еще объ экономическомъ развитіи Персіи и ея политическомъ превращеніи въ современное государство. Короче говоря: во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ развивается господство необъятныхъ капиталовъ, міръ новыхъ мощныхъ государствъ.

Нѣкоторое представленіе о развитіи торговли на Тихомъ океанѣ могутъ дать слѣдующія цифры. *Общая* сумма ввозной и вывозной торговли въ Европѣ составляла въ милліонахъ марокъ:

	съ 1900 г.	съ 1904 г.
Въ Японіи	425	1450.
Въ Китаѣ	1151	1782.
Въ Британской Остѣ-Индіи	2266	3744.
На Цейлонѣ	163	281.
Во Французской Индіи . .	95	273.

Германія уже давно начала принимать участіе въ этой эволюціи. Сначала—чисто мирными путями, при помощи торговыхъ поселеній и развитія пароходства. Затѣмъ у Германіи возникло желаніе вести „большую“ колоніальную и морскую политику. Германія захватила Кіаотчау, по соглашенію съ Россіей рѣшила помѣшать дальнѣйшему развитію могущества Японіи, подорвать колоніальное господство Англіи. Развѣ не вся германская буржуазная пресса точно по заказу создавала и раздувала непримиримую ненависть къ Англіи? Развѣ въ прессѣ не приводились постоянно сравненія между числомъ германскихъ и англійскихъ броненосцевъ? Куда они дѣвались теперь, всѣ эти газетные апостолы желѣза и свирѣпыя патріоты? Они те-

перь не издають ни звука. Германія принудила Англію всѣми силами вооружаться для защиты своихъ колоній, навязала ей бурскую войну, интриговала противъ Англіи въ Турціи, Германія толкнула Японію на войну съ Россіей,—и, въ концѣ концовъ, Германія оказалась совершенно на мели.

И съ этой политикой пора покончить, и здѣсь необходимо *круто повернуть назадъ*. Если Германія хочетъ чего нибудь добиться въ Азіи и вообще на Тихомъ океанѣ, она должна прилечь къ Англіи и Японіи. Но и это не возможно безъ радикальнаго измѣненія всей правительственной системы.

„Русскій курсъ“ въ Германіи обусловливается мотивами не только внѣшней, но и внутренней политики. Чѣмъ больше трудностей встрѣчаетъ германское правительство въ своей внутренней политикѣ, тѣмъ больше оно, по старой прусской традиціи, заботится о *сохраненіи дружбы съ царизмомъ*. Въ царизмѣ нѣмецкіе правители видятъ краеугольный камень монархической власти вообще, а въ Россіи—надежную плотину противъ общеевропейской революціи. Россіи предстоитъ демократическая будущность, которая ослабитъ европейскій монархизмъ не въ меньшей степени, чѣмъ самая революція. Экономическое развитіе Россіи пойдетъ еще болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ политическое. *Германія теряетъ старую опору въ Россіи и не приобретаетъ новой въ Англіи.*

И въ области *внѣшней политики* исторія выставляетъ предъ Германіей тѣ же требованія, что и въ области торговой политики:

Демократизмъ, единство Европы, свобода торговли!

Искусственно вызванная дороговизна.

У насъ уже много лѣтъ систематически *повышаются цѣны* на всевозможные продукты. Чтобы по возможности облегчить изученіе общаго движенія цѣнъ на міровомъ рынкѣ, лондонскій „Economist“ изъ цѣнъ важнѣйшихъ предметовъ міровой торговли составляетъ такъ называе-

мы „указательныя таблицы“. О движеніи за послѣдніе годы эти таблицы даютъ слѣдующія указанія:

Конецъ декабря	1901 г.:	1948	
"	"	1902 г.:	2003
"	"	1903 г.:	2197
"	"	1904 г.:	2136
"	"	1905 г.:	2342

Такимъ образомъ, только въ 1901 г. цѣны стояли еще ниже средней нормы, которая равна 2000. Въ этомъ году, бывшемъ годомъ торговаго кризиса, цѣны на мировомъ рынкѣ достигли своего минимума. Съ тѣхъ поръ изъ года въ годъ, за исключеніемъ единственнаго незначительнаго пониженія въ 1904 г., цѣны систематически повышаются и все время остаются выше средняго уровня. Это можетъ служить доказательствомъ тому, что мы вступаемъ въ новый *тревожный и бурный періодъ капиталистической эволюціи*, на что пишущій эти строки указывалъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Къ болѣе еще интереснымъ выводамъ можно прійти, если прослѣдить движеніе цѣнъ отдѣльныхъ важнѣйшихъ предметовъ торговли за послѣднее десятилѣтіе. Здѣсь обнаруживается, что при благопріятной конъюнктурѣ цѣны *повышаются съ необычайною быстротою*, при неблагопріятной же—падаютъ *чрезвычайно медленно*. Такъ, напримѣръ, цѣна на дортмундскій рудниковый уголь съ 7,9 марокъ за тонну въ 1896 г. въ ближайшіе благопріятные годы поднялась до 8,5—8,7—9—9,9 и наконецъ до 10 марокъ. Когда же въ 1901 г. начался торговый кризисъ, цѣна на этотъ уголь падала очень медленно, именно, понизилась до 9,3, а затѣмъ до 9 марокъ, и на послѣдней цифрѣ остановилась. Въ началѣ 1906 г. она опять составляла 10 марокъ, а въ концѣ—по отчетамъ 30 декабря прошлаго года—11 марокъ. Цѣна на уголь, слѣдовательно, за все время кризиса ни разу не понизилась до своей первоначальной цифры. Зато, какъ только вновь наступили благопріятныя условія, она поднялась выше своего прежняго максимума, который отчасти былъ причиной кризиса. Дюссельдорфскій чугунъ съ 65,3 мар. за тонну въ 1896 г. поднялся въ благопріятные годы до 101,4 м.; послѣ такого необычайнаго подъема цѣна на чугунъ въ періодъ кризиса

должна была нѣсколько понизиться—до 76,9 въ 1901 г., а въ слѣдующемъ году—до 65,9 м. Затѣмъ вновь начинается повышение и уже въ 1905 г. цѣна на чугунъ достигаетъ 68,3, въ началѣ 1906 г.—73; въ концѣ этого года—85 марокъ. Объясненіе этому явленію найти не трудно: *синдикаты подъ прикрытіемъ охранительныхъ пошлинъ сумѣли установить монопольныя цѣны*. Синдикаты конечно не въ состояніи распоряжаться цѣнами, такъ какъ не они устанавливаютъ всю конъюнктуру, но они пользуются благопріятными условіями для усиленнаго искусственнаго поднятія цѣнъ, а съ другой стороны, стараются мѣшать пониженію цѣнъ, что имъ, впрочемъ, удается въ меньшей степени, чѣмъ искусственное повышение.

Пока не пройдетъ упомянутый выше періодъ капиталистической эволюціи, цѣны, слѣдуя по измѣнчивой линіи улучшеній и ухудшеній общей конъюнктуры, будутъ систематически повышаться. Помѣшать этому могъ бы только какой-нибудь важный переворотъ въ техникѣ, который значительно понизилъ бы производственные расходы. Во весь періодъ дороговизны въ странахъ съ охранительными пошлинами подъемъ промышленности каждый разъ будетъ сопровождаться необычайнымъ искусственнымъ повышеніемъ цѣнъ, что парализующимъ образомъ отразится на дальнѣйшемъ развитіи промышленности.

Поэтому въ ближайшемъ будущемъ охранительныя пошлины будутъ играть болѣе вредную для экономическаго развитія роль, чѣмъ когда бы то ни было.

Таково общее положеніе. Но переворотъ неизмѣримо еще большей важности совершается въ то же время на **хлѣбномъ рынкѣ**. Уже и теперь можно констатировать, что время *пониженія хлѣбныхъ цѣнъ* прошло, что нельзя отрицать не только устойчивости цѣнъ на зерно, но и ихъ тенденціи къ повышенію. Чтобы въ этомъ убѣдиться, рассмотримъ прежде всего движеніе цѣнъ на зерновой хлѣбъ. Для приводимой мною таблицы я пользуюсь официальными данными имперской статистики. Я группирую числа по трехлѣтнимъ періодамъ и для каждого періода беру среднее. Цѣны при крупныхъ сдѣлкахъ на имперскомъ рынкѣ *лого* Берлинъ составляли на 1000 килограммовъ:

		Цѣна пшеницы.
1879 г. (Годъ введенія хлѣбныхъ пошлинъ)	. . .	189
1880 г.		218
1881 г.		220
Среднее		212
1882 г.		204
1883 г.		186
1884 г.		162
Среднее		184
1885 г. (Годъ повышенія хлѣбныхъ пошлинъ)	. . .	161
1886 г.		151
1887 г. (Годъ повышенія хлѣбныхъ пошлинъ)	. . .	164
Среднее		159
1888 г.		172
1889 г.		188
1890 г.		195
Среднее		185
1891 г. (Голодъ въ Россіи)	. . .	224
1892 г.		176
1893 г. (Годъ пониженія хлѣбныхъ пошлинъ)	. . .	152
Среднее		184
1894 г.		136
1895 г.		143
1896 г.		156
Среднее		145
1897 г.		178
1898 г.		180
1899 г.		155
Среднее		173
1900 г.		152
1901 г.		164
1902 г.		163
Среднее		160
1903 г.		161
1904 г.		174
1905 г.		175
Среднее		170

Ясно, что зерновой хлѣбъ вначалѣ имѣлъ такую сильную тенденцію понижаться въ цѣнѣ, что даже повышенными пошлинами нельзя было на долго искусственно поднять его цѣну. Только 5-ти марковая хлѣбная пошлина, принятая въ 1887 году и введенная въ дѣйствіе въ 1888 году, дала повышение хлѣбныхъ цѣнъ, которыя особенно быстро увеличились благодаря голоду въ Россіи. Въ 1893 году при торговыхъ договорахъ Каприви цѣна на пшеницу вновь начинаетъ падать и въ 1894 году достигаетъ самаго низкаго пункта. Но съ этого же момента начинается *безостановочное движеніе цѣнъ вверхъ*, не смотря на то, что охранительныя пошлины не подвергаются никакимъ измѣненіямъ. Въ 1893 г.—годъ торговыхъ трактатовъ Каприви—цѣна на пшеницу начинаетъ падать и въ 1894 г. достигаетъ самаго низкаго пункта. Но съ этого же момента вновь начинается безостановочное движеніе цѣнъ вверхъ, не смотря на то, что охранительныя пошлины не подвергаются никакимъ измѣненіямъ. Въ 1897 и 1898 гг., во время общаго неурожая въ Россіи, цѣны на зерновой хлѣбъ повышаются особенно рѣзко; но пшеница и безъ того проявляетъ *постоянную и безспорную тенденцію къ повышенію*.

Если, какъ показываетъ статистика, цѣна на хлѣбъ повышается и безъ этихъ условий, то очевидно, что высокія охранительныя пошлины съ особенной силой ведутъ къ вздорожанію хлѣба.

Постоянное повышение хлѣбныхъ цѣнъ не случайность, а *закономѣрный процессъ*. Это явленіе имѣетъ необычайно важное значеніе для общаго экономическаго и политическаго развитія Европы. Я поэтому нѣсколько ближе разсмотрю взаимную связь между этими процессами.

До 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія цѣны на зерновой хлѣбъ повышались во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. Это явленіе было настолько всеобщимъ, что ему придавали значеніе *научно установленнаго закона*. Правда, каждый годъ цѣны колебались въ зависимости отъ урожая, но, хотя и въ предѣлахъ волнообразной линіи были уклоненія въ ту и другую сторону, цѣны въ общемъ поднялись очень высоко. Въ грубыхъ штрихахъ можно изобразить процессъ слѣдующимъ образомъ. Развитіе промышленности и ростъ большихъ городовъ расширили рынокъ и увеличили спросъ на хлѣбъ, благодаря чему поднялась и цѣна на него,

Вмѣстѣ съ цѣной на хлѣбъ поднялась земельная рента, слѣдовательно, также продажная и арендная цѣна на землю. А разъ поднялась цѣна на землю, цѣна на хлѣбъ не можетъ уже вновь понизиться: продажа хлѣба по дешевой цѣнѣ перестала бы представлять выгоду для землевладѣльца, заплатившаго на нее высокую ипотеку, точно такъ же, какъ и для арендатора, уплачивающаго высокую аренду. Такъ поднялись во всѣхъ старыхъ странахъ цѣны на землю, ипотечные долги, арендная плата и цѣны на зерновой хлѣбъ. Каждая же новая страна, вовлеченная въ процессъ капиталистическаго обмѣна, имѣла соотвѣтственно болѣе низкую цѣну на землю, болѣе низкую поземельную ренту и болѣе низкія цѣны на хлѣбъ. Такія новыя страны на первыхъ порахъ *понижали* хлѣбныя цѣны на рынкѣ капиталистической страны, съ которою вступали въ общеніе. Новая страна извлекала всѣ выгоды изъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ; но, такъ какъ и въ ней развивалась промышленность и капиталистическое товарообращеніе, то, въ концѣ концовъ, и такая новая страна оказывалась вынужденной продѣлывать всю эволюцію аграрныхъ отношеній: повышение хлѣбныхъ цѣнъ, повышение земельной ренты и *опредѣленіе хлѣбныхъ цѣнъ цѣной на землю*. Процессъ уравниенія совершался сравнительно быстро, и хлѣбныя цѣны на мировомъ рынкѣ такъ же быстро повышались. Такую эволюцію пережила, напримѣръ, *Пруссія*, которая цѣлыми десятилѣтіями вывозила много своего дешеваго хлѣба въ Англію: хлѣбныя цѣны въ обѣихъ странахъ не только успѣли уравниаться, но въ настоящее время хлѣбъ въ Пруссіи даже дороже, чѣмъ въ Англіи. По тому же пути шла и Россія: усиленный вывозъ хлѣба за границу высоко поднялъ цѣны на хлѣбъ и землю внутри самой страны. Но *появленіе на рынкѣ громаднѣхъ массъ сѣвероамериканскаго хлѣба* разстроило всю игру. Хлѣбныя цѣны пали, и, какъ казалось, *безнадежно*.

Въ сущности, въ хлѣбной торговлѣ съ Сѣверной Америкой,—какъ въ этомъ вскорѣ всѣ убѣдятся,—разыгрывается тотъ же самый процессъ, который раньше имѣлъ мѣсто въ торговлѣ между индустріальными и аграрными государствами. Только процессъ принялъ теперь гораздо большіе размѣры и требуетъ поэтому больше времени для своего завершенія. Онъ задерживается, между прочимъ

и стараніями сохранить или даже увеличить разницу въ цѣнахъ путемъ охранительныхъ пошлинъ вмѣсто того, чтобы дать развиваться свободѣ торговыхъ отношеній, которая одна только можетъ привести къ уравниенію цѣнъ.

На чемъ основывалось сельско-хозяйственное превосходство Америки? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ обыкновенно указываютъ на ея *экстенсивную культуру*: земля тамъ, правда, даетъ меньшіе урожаи, но зато требуетъ и гораздо меньше труда для обработки. Однако сущность дѣла не въ этомъ, а въ наличности *свободной земли*—земли, не обремененной *земельной рентой*. Американецъ не вынужденъ ничего платить никакимъ землевладѣльцамъ.

Однако, если добываніе хлѣба въ Америкѣ обходилось очень дешево, то транспортировка его черезъ океанъ связана была съ большими затрудненіями и расходами. Перевозка на парусныхъ судахъ не только обходилась дорого, но, что еще важнѣе, совершалась очень медленно. Вторымъ условіемъ для возможности американской конкуренціи было поэтому *развитіе пароходства*. Потому то американскій хлѣбъ сразу заполнилъ всѣ рынки въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Что пароходство сдѣлало къ тому времени громадныя успѣхи. Въ настоящее время заокеаническое пароходство, какъ и желѣзнодорожное сообщеніе на сушѣ, достигло уже такого совершенства, что, если не произойдетъ какой-нибудь крупный техническій переворотъ, условія транспортировки можно считать прочно установившимися. Начиная съ 80-хъ годовъ, перевозка грузовъ между Америкой и Европой не удешевлялась. Впрочемъ, фрахтовые тарифы и теперь уже такъ низки, что ихъ колебанія вверхъ и внизъ не могутъ оказать замѣтнаго вліянія на хлѣбныя цѣны.

Еще большее значеніе для развитія американской конкуренціи имѣла *иммиграція европейцевъ*. Безъ челоуѣческаго потока, изливающагося изъ Европы въ Америку, громадныя области тамъ совершенно не подверглись бы обработкѣ. Европейская иммиграція сыграла рѣшающую роль. *Американская конкуренція создана ирландскими арендаторами и нѣмецкими крестьянами*.

Въ разныхъ частяхъ свѣта существуетъ еще очень много свободной земли. Но нигдѣ нѣтъ земли, которая по своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ такъ пригодна была бы для *переселенія изъ средней Европы*, какъ земля,

взятая подъ плугъ въ Сѣверной Америкѣ. А все дѣло именно въ переселенцахъ изъ средней Европы, такъ какъ южане, напримѣръ, итальянцы, переселяющіеся въ Америку, не занимаются воздѣлываніемъ хлѣба.

Американцы Соединенныхъ Штатовъ уже имѣютъ возможность *при конкуренціи* предлагать хлѣбъ *по самой дешевой цѣнѣ*. Говорятъ, что въ Аргентинѣ существуютъ мѣста, гдѣ хлѣбъ можно добывать еще съ меньшими расходами, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, но зато Аргентина гораздо дальше лежитъ отъ Европы, чѣмъ Соединенные Штаты. Вообще можно сказать, что нью-іоркскія цѣны на хлѣбъ являются нормой для мірового рынка. Какъ Аргентина, такъ и Канада не разъ успѣшно боролись противъ вывоза сѣверо-американскаго и русскаго хлѣба на міровой рынокъ, но вытѣснить Соединенные Штаты съ мирового рынка имъ ни разу не удалось. Усиленный вывозъ хлѣба изъ этихъ странъ только въ моменты повышения цѣнъ лучше всего доказываетъ, что въ обыкновенное время онѣ должны удерживать свой хлѣбъ дома потому, что не въ состояніи бороться съ Соединенными Штатами.

Есть, правда, еще свободная земля и въ западной части Соединенныхъ Штатовъ. Но эта земля бѣдна водой и удалена отъ европейскихъ рынковъ. Подъ плугъ эта земля можетъ быть взята только *при сильномъ повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ*. Вся остальная земля въ Соединенныхъ Штатахъ уже составляетъ частную собственность и, слѣдовательно, участвуетъ въ процессѣ образованія *земельной ренты*.

Важно еще слѣдующее. Средняя Европа не имѣетъ уже такого большого излишка населенія, какъ раньше, а расчлененіе, совершившееся, благодаря развитію промышленности, отразилось и на эмиграціи: изъ Германіи, напримѣръ, въ послѣднее время переселяется гораздо больше *промышленныхъ рабочихъ*, чѣмъ *крестьянъ*. Много крестьянъ переселяется еще только изъ Австро-Венгріи. Но эти крестьяне, стоящіе, между прочимъ, на сравнительно низкомъ культурномъ уровнѣ, находятъ въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ мѣста уже занятыми. Имъ остается только поступать въ *батраки* къ американскимъ фермерамъ, т. е. содѣйствовать *интенсификаціи земледѣлія*; отчасти они только потому и находятъ еще себѣ мѣсто въ Америкѣ, что тамъ уже

начался переходъ къ интенсивной культурѣ, связанный съ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ.

Развитіе американской *промышленности* также отклоняетъ эмиграціонный потокъ отъ земледѣлія, но еще болѣе важное значеніе оно имѣетъ въ томъ отношеніи, что *поднимаетъ цѣны на хлѣбъ въ самой Америкѣ*.

О движеніи цѣнъ на пшеницу въ Соединенныхъ Штатахъ за послѣднія десятилѣтія могутъ дать представленіе слѣдующія цифры:

Цѣна пшеницы въ Нью-Іоркѣ за 1000 килограммовъ въ германскихъ маркахъ:

1896 г.:	110	1901 г.:	121
1897 г.:	135	1902 г.:	123
1898 г.:	142	1903 г.:	129
1899 г.:	118	1904 г.:	159
1900 г.:	119	1905 г.:	153

Итакъ, времена очень низкихъ цѣнъ на хлѣбъ для Америки уже прошли.

Повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ въ Америкѣ совершается точно такъ же, какъ и въ Европѣ: оно неразрывно связано съ *повышеніемъ земельной ренты* (строгаго говоря, *обусловлено* повышеніемъ земельной ренты) и фиксируется *цѣной на землю* такъ, что возврата нѣтъ. Въ доказательствахъ нѣтъ недостатка. Чтобы не ходить далеко, приведемъ цитату изъ одного изъ самыхъ послѣднихъ отчетовъ о сельскомъ хозяйствѣ въ Америкѣ: „Вслѣдствіе повышения цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты и громаднаго спроса на землю подъ фермы, цѣнность земельной собственности съ 1900 года *необычайно поднялась*. Самымъ характернымъ явленіемъ новаго фазиса земледѣлія является поднятіе цѣнъ на землю про акре: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣна земли поднялась за послѣднія 5 лѣтъ на 47 процентовъ“.

Сѣверная Америка не понижаетъ болѣе цѣнъ на хлѣбномъ рынкѣ, — слѣдовательно, цѣна на хлѣбъ не можетъ болѣе надолго падать, она поднимается и будетъ подниматься дальше. Дороговизна хлѣба становится постояннымъ явленіемъ.

Не слѣдуетъ думать, что помѣшать этому процессу можетъ *Россія*. Напротивъ, уже давно не Россія, а Америка

устанавливаетъ цѣну на зерновой хлѣбъ. Кромѣ того Россія сама страдаетъ отъ недостатка пищевыхъ продуктовъ,—въ своемъ зернѣ она нуждается для покрытія собственныхъ потребностей. На сельско-хозяйственныя отношенія въ Россіи оказываетъ вліяніе масса отчасти чрезвычайно сложныхъ условий. Прежде всего, *цѣны на землю*—если не считать послѣднихъ лѣтъ кризиса и революціи—чрезвычайно поднялись въ Россіи, поднялись и *цѣны на зерновой хлѣбъ*, въ особенности, въ мѣстахъ по близости отъ промышленныхъ центровъ. Еще выше поднимутся хлѣбныя цѣны въ Россіи при экономическомъ расцвѣтѣ, который несомнѣнно наступитъ, какъ только удастся прочно установить тамъ новый политическій порядокъ. Въ особенности, если при этомъ видную роль сыграетъ крестьянство. *Во всякомъ случаѣ, нѣтъ основанія опасаться пониженія хлѣбныхъ цѣнъ подъ давленіемъ Россіи.* Вмѣстѣ съ зерновымъ хлѣбомъ поднимаются въ цѣнѣ и всѣ остальные сельско-хозяйственные продукты.

Цѣны на хлѣбъ и мясо будутъ повышаться такъ же безостановочно, какъ теперь повышаются цѣны наемныхъ квартиръ.

Изъ всего процесса, само собою разумѣется, *агари* извлекутъ жирныя ренты. Крестьянству онъ не принесетъ ни малѣйшей пользы. Наоборотъ: высокія цѣны на хлѣбъ и землю приведутъ къ уничтоженію послѣднихъ остатковъ крестьянскаго хозяйства въ Германіи.

Крупный помѣщикъ терпитъ въ сосѣдствѣ крестьянъ только до тѣхъ поръ, пока это ему выгодно, или, въ лучшемъ случаѣ, пока это ему не мѣшаетъ. Но какъ только онъ находитъ, что можетъ извлечь выгоду изъ крестьянской земли, крестьянинъ долженъ уступить мѣсто.

Въ восточной Пруссіи милліоны батраковъ, арендаторовъ, сѣмщиковъ находятся въ полной хозяйственной зависимости отъ помѣщика; они первые должны будутъ уступить помѣщику свои „картофельныя поля“. Не въ лучшемъ положеніи окажутся и средніе крестьяне: крупные помѣщики скупаютъ всѣ ихъ ипотеки и выгоняютъ ихъ изъ деревни. Въ этомъ нѣтъ ничего новаго: такъ велось дѣло въ Пруссіи до 50-хъ и даже 60-хъ годовъ. Только пока руки самого помѣщика связаны паденіемъ хлѣбныхъ

цѣнъ, онъ позволяетъ существовать рядомъ съ собою и крестьянамъ.

Въ Баденѣ, въ Вюртенбергѣ, отчасти въ Баваріи, гдѣ крестьяне существуютъ только благодаря побочнымъ, промысламъ, они больше всего будутъ страдать отъ дороговизны. Въ концѣ концовъ, имъ ничего не останется, какъ забрать женъ и дѣтей и отправиться на фабрику. Тѣмъ болѣе, что наступленіе новаго, бурнаго промышленнаго фазиса будетъ сопровождаться сильной концентраціей производства.

Во всей странѣ *ипотечныя банки*, подъ вліяніемъ земельной спекуляціи и усиливающейся интенсификаціи сельско-хозяйственной культуры, будутъ сгонять крестьянъ съ ихъ дворовъ, выгонять изъ ихъ домовъ.

Нашему крестьянству предстоитъ страшный кризисъ вызванный *небывалой въ мірѣ дороговизной*.

Въ Германіи вздорожаніе продуктовъ вызоветъ особенно печальныя послѣдствія благодаря ея *новому таможенному тарифу*.

Рабочая политика и классовая организація германскаго пролетаріата.

Предъ Германіей путь, который потребуетъ отъ народа самыхъ тяжелыхъ жертвъ и который, тѣмъ не менѣе, неминуемо приведетъ къ полному экономическому и политическому краху, если только своевременно не будетъ круто измѣнена вся имперская политика—экономическая, торговая, внѣшняя и, въ особенности, внутренняя. Дѣло не въ случайностяхъ и частностяхъ. Экономическая и политическая неурядица представляетъ прямой результатъ капиталистическаго развитія страны и общей имперской политики. Роспускъ парламента меньше всего служить выраженіемъ разрыва съ прежней политикой. Напротивъ, это только—выраженіе той же неурядицы. Правительство дошло, наконецъ, до того, что само уже не знаетъ, чего хочетъ и на кого ему опираться. Буржуазныя партіи всѣ

слабы и нерѣшительны. Единственное исключение составляют консерваторы. Они очень рѣшительны, но только въ тѣхъ случаяхъ проявляютъ свою рѣшимость, когда представляется возможность использовать государственную власть *противъ* народа. Взаимная борьба между буржуазными партіями, ихъ оппозиція правительству, все это—чистѣйшая война мышей съ лягушками. Она ведется съ очень громкимъ кваканьемъ и пискомъ, но не приводитъ ни къ какимъ результатамъ. Меньше всего отваживаются буржуазныя партіи на серьезныя выступленія противъ правительства; тѣмъ съ большимъ усердіемъ онѣ зато придираются ко всякимъ пустякамъ и мелочнымъ формальностямъ. Это только раздражаетъ правительство, но нисколько ему не импонируетъ. Достаточно рѣшительная буржуазная оппозиція въ рейхстагѣ, въ концѣ концовъ, подчинила бы правительство своей волѣ. Но, при тѣхъ громадныхъ силахъ, которыми располагаетъ въ Германіи монархизмъ, это потребовало бы долгой, упорной борьбы. Для такой борьбы буржуазная оппозиція въ рейхстагѣ слишкомъ пестра и раздроблена. Средніе социальные слои постепенно исчезаютъ, и соотвѣтственно этому въ рейхстагѣ все болѣе явственно начинаютъ намѣчаться опредѣленные грани между различными классами. Въ то же время начинаетъ обнаруживаться разграниченіе интересовъ и расколъ внутри самого класса крупныхъ капиталистовъ. Кромѣ того, пока существуетъ всеобщее и прямое избирательное право, крупные капиталисты по своей малочисленности безсильны предъ пролетаріатомъ и вынуждены примыкать къ правительству уже изъ одного страха предъ социалдемократіей. Какую же великую либеральную задачу должны, въ виду всего этого, осуществить свѣже „объединенные“ либералы? Поддерживать правительство? Но *германскій либерализмъ самъ возлагаетъ все свои надежды на правительство; если онъ надѣется еще снова встать на ноги, то—только при помощи правительства.* А центръ, который противъ всякаго своего желанія вынужденъ оказывать правительству оппозицію, не перестаетъ горячо жаловаться на несправедливость правительства къ нему, утверждать, что ему и въ голову не приходило дѣйствительно мѣшать правительственной колониальной политикѣ, что онъ всегда поддерживалъ въ этомъ отношеніи правительство. Центръ оказываетъ оппо-

зицію, *какъ непризнанная правительственная партія.* Такъ всѣ партіи стараются снискать расположеніе правительства; не у кого нѣтъ опредѣленнаго яснаго пути вперед; всѣ ищутъ спасенія у правительства. Въ то же время и вся отвѣтственность возлагается на правительство. А это правительство, которое должно руководить всей политикой, само становится игрушкой обстоятельствъ и борьбы враждующихъ между собою общественныхъ силъ.

Рѣшительный поворотъ въ политикѣ,—такой поворотъ, какого требуютъ всѣ дѣйствительные интересы развитія страны,—такой поворотъ возможенъ только при *одномъ* условіи: *если вся народная оппозиція примкнетъ къ социалдемократіи.* Другого пути нѣтъ.

Внимательный читатель согласится, что не я дѣлалъ ни малѣйшей попытки навязать ему какія бы то ни было предвзятые сомнѣнія. Я не описывалъ никакого „государства будущаго“, не рисовалъ предъ нимъ фантастическаго социального идеала, по образцу котораго предлагалъ бы перестроить весь міръ. Я только изслѣдовалъ развитіе экономическихъ и политическихъ отношеній, ни на шагъ не отклоняясь отъ того, что было и есть на дѣлѣ. Моя социалистическая точка зрѣнія—враждебная тѣмъ силамъ, которыя въ настоящій моментъ владѣютъ міромъ—давала мнѣ только возможность смотрѣть на все открытыми глазами. Я опирался только на факты и цифры, которые цѣликомъ заимствованы изъ официальныхъ или изъ строго научныхъ источниковъ. Я старался искать безспорныхъ доказательствъ при изслѣдованіи каждаго вопроса и не приписывалъ ни правительству, ни буржуазнымъ партіямъ ничего такого, чего нельзя было бы съ достаточною убѣдительностью доказать. Я никого не изображалъ чудовищами—ни имперскаго канцлера, ни буржуазныя партіи, ни кого бы то ни было другого. Я вообще не ставилъ вопроса о чьей либо злой волѣ, а старался разобраться въ *обстоятельствахъ*, которыми обуславливаются дѣйствія государственныхъ людей и политиковъ. И изслѣдованіе приводитъ меня къ заключенію, что *будущее Германіи зависитъ отъ роста и усиленія социалдемократіи.* На первый взглядъ такой выводъ можетъ показаться неожиданнымъ. Но развѣ, по существу говоря, онъ и на самомъ дѣлѣ такъ удивителенъ? Социалдемократія—рабочая партія. Рабочіе

въ настоящіе время составляютъ громадное большинство народа. Благодаря этому, уже и теперь *безъ участія рабочихъ невозможно править міромъ*. Въ демократическихъ государствахъ это сознается ясно, и тамъ дѣлаются попытки давать рабочимъ министерскіе портфели, чтобы отвести имъ глаза. Въ Германіи же, съ ея сильной монархическою властью, пытаются, напротивъ, насильно подавлять волю рабочихъ, править, не считаясь съ ними. Но, въ силу указанныхъ нами историческихъ условий, *борьба противъ социалдемократіи* ведетъ къ *экономическому и политическому упадку страны*.

Богатство класса капиталистовъ уже теперь достигло такихъ громадныхъ размѣровъ, что капиталисты употребляютъ всѣ силы и средства на то, чтобы освободиться отъ его излишковъ. Отсюда—*стремленіе въ колоніи*. Но, по мѣрѣ того, какъ усиливается эксплуатация, растетъ и *перепроизводство*. Это—заколдованный кругъ, изъ котораго капитализмъ никакъ не можетъ выбраться. Выходомъ можетъ послужить только улучшеніе положенія рабочихъ. Рабочій, получающій болѣе высокую задѣльную плату, является лучшимъ покупателемъ товаровъ, чѣмъ африканскій негръ. Уже и теперь продукты, необходимые рабочимъ, занимаютъ видное мѣсто въ міровомъ производствѣ.

Насколько сбивчива, противорѣчива и беспомощна политика буржуазныхъ партій, настолько же ясна и опредѣленна программа *рабочей политики*. Политическія задачи, выдвигаемыя предъ рабочимъ классомъ, обусловливаются экономическимъ и политическимъ состояніемъ страны. Не трудно поэтому формулировать задачи, которыя долженъ разрѣшить германскій пролетаріатъ въ ближайшемъ будущемъ.

Во первыхъ, *восьмичасовой нормальный рабочий день*. Вмѣсто *колониальной* политики—политика *соціальная*, а вмѣсто *распространенія* капиталистической эксплуатации на дикихъ—*ограниченіе* ея дома.

Восьмичасовой рабочий день—естественное завершеніе охранительнаго рабочаго законодательства. Борьба противъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ, противъ профессиональных болѣзней, противъ эксплуатации женскаго и дѣтскаго труда—сдѣлаетъ громадный шагъ впередъ, будетъ

упрощена и облегчена, когда рабочее время будетъ сведено къ его естественной нормѣ и всюду урегулировано. Можно даже сказать, что только тогда и явится возможность дѣйствительно бороться противъ всѣхъ этихъ золъ.

Восьмичасовой рабочий день откроетъ новую эру въ жизни рабочаго класса. Онъ дастъ рабочимъ здоровье, силы и жизненную энергію. Онъ дастъ имъ, прежде всего, *свободное время*, чтобы вести достойное челоуѣка существованіе, чтобы получать образованіе, чтобы на дѣлѣ пользоваться политическими правами.

Восьмичасовой рабочий день поведетъ къ расцвѣту рабочихъ организацій, и уже это одно дастъ рабочимъ возможность значительно улучшить свое матеріальное положеніе.

Второе, что должна осуществить рабочая политика, это—*свобода торговли*, къ которой переходною ступенью должны послужить *торговые договоры на почвѣ пониженія таможенныхъ пошлинъ*. Долой политику повышенія цѣнъ! Прежде всего—дешевые пищевые продукты!

Нѣтъ другого средства уничтожить дороговизну, которая уже началась и которая, какъ доказано выше, неминуемо должна будетъ все болѣе и болѣе возрастать.

Свобода торговли усилитъ торговый обмѣнъ и поведетъ къ тому, что различныя страны будутъ взаимно помогать одна другой экономически развиваться вмѣсто того, чтобы бороться между собою. Свобода торговли приведетъ къ экономическому объединенію всей Европы.

Удешевленіе пищевыхъ продуктовъ облегчитъ жизнь рабочихъ. Подъемъ промышленности, неизмѣнно сопутствующій свободѣ торговли, приведетъ къ повышенію заработной платы. Классическій примѣръ этому, какъ всѣмъ извѣстно, представляетъ исторія Англій послѣ отмены „хлѣбныхъ пошлинъ“.

При большемъ досугѣ и лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ повысится культурный уровень жизни рабочихъ. Благодаря этому, возрастетъ ихъ политическое значеніе, что въ значительной степени усилитъ демократизмъ.

Свобода торговли дастъ мощный толчокъ не только матеріальному, но и духовному общенію между народами, уничтожитъ отсталый ложный патріотизмъ и тупой шовинизмъ. Исчезновеніе главнаго, экономического, основанія для кон-

фликтовъ приведетъ и къ ослабленію политическаго соперничества между государствами. Этимъ будетъ подрыта почва у милитаризма.

Третья задача—*установленіе въ Германіи республики и развитіе демократизма*. Народное представительство представляетъ нуль, пока вся исполнительная власть находится въ рукахъ монархическаго правительства. Неразрывно связаны также съ монархической властью политика черной лѣстницы и хозяйничанье той или другой клики.

Республика всегда была основнымъ требованіемъ всякой демократіи. Но съ возрастаніемъ финансовыхъ и экономическихъ средствъ государства это требованіе пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе. Германская имперія и союзныя государства располагаютъ въ настоящее время годовымъ бюджетомъ почти въ 6000 милліоновъ марокъ! Въ казенныхъ мастерскихъ и учрежденіяхъ занято въ Германіи болѣе милліона рабочихъ и служащихъ! Какія же громадныя экономическія средства должны находиться въ рукахъ правительствъ, которыя не избираются народомъ, а составляютъ самостоятельную политическую силу! Не говоримъ уже объ арміи и флотѣ, находящихся въ распоряженіи этихъ правительствъ, и о правѣ правительствъ рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ и т. д.

Вопросъ назрѣлъ. Сложившіяся отношенія настойчиво выдвигаютъ его на первую очередь. Германія должна сдѣлаться республикой: только тогда она сможетъ развиваться дальше въ демократическое государство. А демократическое развитіе Германіи, въ свою очередь, представляетъ предпосылку политическаго объединенія Европы.

Четвертая задача—*введеніе народной милиціи*. Народная милиція—лучшее средство защиты страны, самая дешевая армія, но въ то же время она служитъ и для укрѣпленія демократизма.

Пятая задача: *введеніе подоходнаго налога, пропорціональнаго обложенія имущества и нас.дѣствъ*. Эти налоги должны имѣть сильно возрастающую прогрессію; но обложеніе должно начинаться на достаточно высокой ступени, чтобы обезпечитъ существованіе малоимущимъ. Все налоги и пошлины на предметы первой необходимости должны быть отменены. Эти требованія не нуждаются въ разъясненіяхъ. Замѣтимъ только одно: пока народъ—не захватилъ правительственной власти

въ свои руки, всякое увеличеніе финансовыхъ средствъ государства уже само по себѣ представляетъ опасность для народа; но дѣло совершенно мѣняется, когда существуетъ демократическій строй въ государствѣ, а рабочий классъ пользуется большимъ вліяніемъ въ народномъ представительствѣ.

Шестая задача: *націонализація горныхъ и рудниковыхъ промысловъ*. Это—при условіи предварительнаго укрѣпленія республики и укрѣпленія рабочей демократіи—необходимо для обезпеченія рабочихъ отъ давленія картеллей капиталистовъ. Впрочемъ, такая мѣра и въ интересахъ развитія производства, которое не мало уже страдало отъ введенныхъ магнатами капитализма монопольных цѣнъ и искусственнаго ограниченія предложенія.

Седьмая задача: *націонализація банковъ*. Осуществить эти задачи значитъ добыть ключъ ко всѣмъ владѣніямъ капитализма.

Но не представляетъ ли это уже *соціальной революціи*? Нисколько. Это только—программа *соціальныхъ реформъ*, которыя властно выдвинуты на первый планъ самой капиталистической эволюціею. Правда, осуществленіе этихъ реформъ откроетъ путь къ *соціализму*. Но что доказываетъ? Только то, что *соціализмъ составляетъ естественный неизбѣжный заключительный моментъ капиталистической эволюціи производства*. И именно поэтому-то, изъ опасенія лишиться своей экономической силы и своей политической власти, господствующіе слои всѣми силами и всѣми средствами борются противъ проведенія въ жизнь подобныхъ реформъ. Они вынуждены избирать пути, идущіе въ разрѣзъ съ естественнымъ путемъ экономическаго развитія, они увлекаются политикой авантюризма. Благодаря находящимся въ ихъ распоряженіи громаднымъ экономическимъ и политическимъ средствамъ, господствующіе классы пока оказываются въ состояніи и осуществляютъ свои авантюристскіе планы—къ великому ущербу интересовъ народа.

Демократизмъ и соціальныя реформы такъ же неразрывно связаны между собою, какъ колониальная политика и реакція.

Вотъ почему мы видимъ, что одновременно съ агитаціей въ пользу колониальной политики воскресаютъ и планы ограничить парламентскія права народа. Во время выбо-

ровъ консерваторы агитировали даже за измѣненіе всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго избирательнаго права. А имперскій канцлеръ предъ лицомъ всего міра заключилъ *entente cordiale*, сердечный союзъ, съ имперскимъ союзомъ для борьбы противъ социалдемократіи.

Намъ предстоятъ трудныя времена, намъ предстоитъ великая борьба. Правящіе слои дойдутъ до желанія „образумить“ народъ при помощи *кровавыхъ бань*.

Такъ вызываются революціи! Онѣ вызываются противодействіемъ, которое правящіе элементы страны оказываютъ ея экономическому и политическому развитію.

Если въ Германіи окажется правительство, которое *пожелаетъ* имѣть революцію—оно будетъ имѣть революцію.

Въ той ли или другой формѣ осуществляются наши задачи, но германскіе рабочіе должны прежде всего готовиться къ борьбѣ. Они должны рассчитывать только на свои собственные силы. *Во имя своего собственного блага, во имя будущаго* всей Германіи нѣмецкіе рабочіе должны сплотиться.

Сплотиться при выборахъ, чтобъ въ рейхстагъ попали не трусливые хвастуны, не придворные любимцы и блюдолизы, а *социалдемократическіе представители рабочихъ*. Никакихъ трусливыхъ отступленій въ сторону, никакихъ колебаній, никакихъ блужданій между оппозиционными и правительственными партіями! Интересы всего трудящагося народа требуютъ политики рѣшительной, ясной, сознательной и, если иначе нельзя,—отважной.

Сплотиться необходимо, прежде всего, для того, чтобы усилить *рабочую партію*. Личность депутата не имѣетъ такого большаго значенія, какъ *сплоченіе массъ* вокругъ него. Именно такой постановкой вопроса *социалдемократія* отличается отъ всѣхъ остальныхъ политическихъ партій. Недостаточно выбирать въ депутаты *рабочихъ*. Какую пользу принесутъ рабочіе-депутаты, напримѣръ, въ центрѣ? Ихъ голосъ будетъ просто заглушенъ буржуазными элементами фракціи. *Социалдемократія* же составляетъ *политическую организацію рабочего класса*. Этимъ и обуславливается мужественное и рѣшительное поведеніе социалдемократической фракціи въ рейхстагѣ. Когда рабочіе спланиваются вокругъ социалдемократіи, они могутъ быть увѣрены въ

томъ, что ихъ не обманутъ, потому что здѣсь рѣшающее значеніе, въ послѣднемъ счетѣ, имѣетъ ихъ собственный голосъ.

Если же предположить, что борьба будетъ происходить, главнымъ образомъ, не въ рейхстагѣ, а *въ рейхстагѣ*, то для рабочихъ еще возрастаетъ необходимость *сложиться вокругъ партіи*. Не надо забывать еще одного. Замыслы реакціи направляются не только противъ политической, но и противъ профессиональной организаціи рабочихъ. Это ясно можно было видѣть уже по законопроекту о профессиональных организаціяхъ. Поэтому *социалдемократіи и профессиональнымъ организаціямъ необходимо политически работать рука объ руку*.

При исключительномъ законѣ о социалистахъ германскіе рабочіе расширили и укрѣпили свою великую политическую партію—*социалдемократію*. Въ періодъ, послѣдовавшій за паденіемъ исключительнаго закона, они подняли на высоту свои профессиональные союзы. Теперь настало время, когда обѣ формы организаціи должны,—если не матеріально, то духовно,—*слиться въ одну классовую организацію германскаго пролетаріата*.

Когда это сліяніе произойдетъ, миллионы германскихъ рабочихъ составятъ объединенную двойной спайкой, широко развѣтвленную, замкнутую и дисциплинированную армію. Тогда ничто не можетъ быть страшнымъ: чѣмъ сильнѣе будетъ натискъ враговъ, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ ихъ пораженіе.

Нѣмецкіе рабочіе! *Противъ васъ* будетъ вестись война на предстоящихъ выборахъ! *Капиталисты съ правительствомъ во главѣ* нападутъ на васъ со всѣхъ сторонъ. Поэтому будьте предусмотрительны! Вооружайтесь заблаговременно! Сплотитесь! И тѣсно сплоченными рядами—*смыло впередъ!*

Если даже вы будете колебаться и отступать, васъ все же *не оставятъ въ покоѣ*. Для васъ нѣтъ отступленія, вы вынуждены будете принять бой. Не давайте же врагу одержать надъ вами верхъ!

Цѣлый міръ противъ васъ, и вы должны завоевать цѣлый міръ!

Часть вторая.

Избирательная кампанія
и
результаты выборов.

Избирательная кампанія.

Выступленіе буржуазныхъ партій во время избирательной кампаніи вполнѣ подтвердило то, что мы говорили при нашемъ изслѣдованіи политическаго положенія.

На первый взглядъ могло показаться, что нѣтъ единого избирательнаго пароля, что вмѣсто одного пароля—ихъ цѣлыхъ три: 1. противъ социалдемократіи, 2. противъ ультрамонтанизма и 3. За колониальную политику. Однако всѣ эти три пароля проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ: *рейхстагъ долженъ быть капиталистическимъ!*

Рейхстагъ долженъ быть капиталистическимъ! Слѣдовательно, долженъ быть политически подавленъ пролетаріатъ, этотъ смертельный врагъ капиталистическаго міропорядка.

Рейхстагъ долженъ быть капиталистическимъ! Слѣдовательно—долой нерѣшительность и безконечныя оговорки ультрамонтанской политики среднихъ классовъ!

Рейхстагъ долженъ быть капиталистическимъ! Слѣдовательно—всѣ силы и средства государства должны быть пущены въ дѣло для созданія капиталистической колониальной имперіи.

Подъ этимъ знаменемъ собрались *либеральныя партіи* и стали бокъ о бокъ съ правительствомъ. Однако для осуществленія задачи необходимы были „жертвы“. Какъ во всѣхъ своихъ великихъ политическихъ дѣяніяхъ, германскій либерализмъ и на этотъ разъ принесъ въ жертву... свои убѣжденія. Лишь наканунѣ предъ самымъ роспускомъ рейхстага, либералы очень бойко воевали противъ правительства и противъ „личнаго режима“. Чтобы хоть нѣсколько замаскировать свое отступленіе, они теперь умоляли правительство сказать рѣшительное слово въ пользу либерализма. Не многого они требовали: не либеральныхъ дѣлъ, а лишь—либеральныхъ словъ. Но и этого имъ не дали.

Правительство хотѣло пользоваться услугами либераловъ, но оно не имѣло ни малѣйшей склонности оказывать услуги либерализму. Такое именно отношеніе къ либераламъ проявляетъ имперскій канцлеръ въ своемъ „новомодномъ письмѣ“. Онъ хвалитъ не либераловъ, а ихъ отступничество отъ либерализма. Онъ хвалитъ либераловъ за то, что они не находятся болѣе во власти „раздутыхъ принциповъ“ „отрицательнаго доктринерства“. Не смотря на „благоразуміе“ либераловъ канцлеръ очень остороженъ, старательно остерегается заходить слишкомъ далеко въ сближеніи съ ними. Онъ рекомендуетъ либераламъ предварительно еще научиться „умѣренности“, выработать себѣ „трезвенный взглядъ на настоящее“, умѣніе разбираться въ „исторической преемственности и реальныхъ потребностяхъ“. Тутъ же канцлеръ откровенно заявляетъ, что разсчитываетъ не на постоянное либеральное большинство въ рейхстагѣ, а на большинство, которое будетъ создаваться вокругъ правительства по каждому отдѣльному поводу — „отъ случая къ случаю“.

Какъ ни обидна была для либеральныхъ партій поддержка, обѣщанная правительствомъ въ такой формѣ, какъ прямо не компрометировала она ихъ, но консерваторамъ все же показалось, что правительство заходитъ слишкомъ далеко. Правительственная партія опасалась, что либералы сдѣлаются опасными для нея конкурентами.

Уже 30 декабря „Крестовая Газета“ (Kreuz-Zeitung) писала: „Съ каждымъ днемъ наша партія все болѣе убѣждается въ томъ, что ея первѣйшей задачей должно быть *самосохраненіе* — въ виду наступательныхъ противъ нея дѣйствій со стороны другихъ партій. Въ значительной степени вина за эти поступательныя дѣйствія падаетъ на правительство. Правительство дало понять, что для него все дѣло теперь — въ *усиленіи либерализма*, хотя для правительства, безъ сомнѣнія, ясно было, что этого можно достигнуть только путемъ ослабленія консерватизма. Какъ только правительство выразило это, мы почувствовали себя вновь совершенно изолированными. И, — разъ мы не хотѣли лишиться значительной части нашихъ мандатовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нашего вліянія въ рейхстагѣ, — мы оказались вынужденными вступить въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ въ союзъ

съ центромъ, въ рядахъ котораго консервативный принципъ имѣетъ еще довольно много послѣдователей“.

Напомнимъ, что мы говорили на 14 страницъ настоящей брошюры: „Консерваторы готовы поддержать національ-либераловъ, чтобы такимъ путемъ ослабить центръ, конкурирующий съ ними у правительства. Но консерваторамъ, прежде всего, надо позаботиться о сохраненіи собственныхъ мѣстъ въ рейхстагѣ. Затѣмъ, уже съ первыхъ дней борьбы они потеряли вѣру въ дѣло. Поэтому они уже отвиливаютъ и готовятся къ сдѣлкамъ съ центромъ“.

Консервативные союзники либераловъ въ борьбѣ противъ ультрамонтанизма вступили въ союзъ съ самими ультрамонтами. Всѣ попытки либераловъ придать идеалистическую окраску сліянію буржуазныхъ партій, такимъ образомъ, разоблачены были, какъ жалкій политическій шантажъ. Не въ либеральныхъ принципахъ было дѣло, а въ объединеніи буржуазіи. Она должна была объединиться во что бы то ни стало, не обращая ни малѣйшаго вниманія на различіе въ политическихъ принципахъ, въ культурныхъ воззрѣніяхъ, раскалывающихъ ее на различныя партіи.

Свободомыслящіе и *демократы* впали при этомъ въ самое жестокое противорѣчіе съ самими собою. Националь-либералы успѣли гораздо раньше значительно облегчить свой политическій багажъ. Эти же группы продолжали еще тащить съ собою старыя традиціи либерализма и демократизма, онѣ же больше другихъ оказывали оппозицію правительству. Поэтому то имъ въ борьбѣ съ социалдемократіей и приходилось прибѣгать къ самымъ постыднымъ средствамъ, къ самой безсовѣстной лжи. Чтобы хоть нѣсколько замаскировать свое отступничество отъ собственныхъ принциповъ и свою измѣну насущнѣйшимъ интересамъ народа, свободомыслящіе и демократы запугивали воображеніе разжирѣвшаго мѣщанства „государствомъ будущаго“, извращая при этомъ самымъ нелѣпо-безстыднымъ образомъ социалдемократическія идеи.

Насильно поставленный на путь оппозиціи, центръ съ своею ему утонченностью сумѣлъ использовать положеніе.

Прежде всего, онъ, понятно, напомнилъ о лицемѣріи либераловъ во время культуръ-кампа. Но идея культуръ-кампа давно уже превратилась въ пустой призракъ. На этой почвѣ нельзя было никого увлечь. Слишкомъ оче-

видно было для всѣхъ, что рейхстагъ распущенъ не потому, что казался правительству недостаточно либеральнымъ. Нельзя было также отрицать, что епископы давно уже черезъ головы католическаго населенія заключили миръ съ правительствомъ. Въ оппозиціи продолжало еще участвовать только низшее католическое духовенство, что не особенно нравилось сановникамъ католической церкви. Въ моментъ, когда я пишу настоящія строки, нѣкоторые епископы даже распространяютъ посланія, идущія въ разрѣзъ съ перебаллотировочнымъ паролемъ центра.

По существу оппозиція центра во время выборовъ основывалась не на религіозныхъ, а на политическихъ вопросахъ. И, какъ политическая оппозиція, она лишь повторяла лейтъ-мотивы всѣхъ остальныхъ партій.

Даже на социалдемократію опирался центръ въ своей оппозиціи. Въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отъ центра выставлена была кандидатура рабочихъ. Оппозиція такого рода, впрочемъ, ограничивалась лишь осужденіемъ застоя въ социальной политикѣ и подчеркиваніемъ необходимости развивать дальше охранительное рабочее законодательство.

Вообще на собраніяхъ центра можно было такъ же часто слышать демократическую критику системы налоговъ, какъ и либеральную критику личнаго режима. Очень видный агитаторъ центра изъ Кельна на собраніи центра, въ моемъ присутствіи, изъ всѣхъ силъ старался доказать, что истиннымъ носителемъ національ-либеральной программы является одинъ центръ. Въ то же время центръ не переставалъ подчеркивать аграрный характеръ своей программы. Центръ свирѣпо нападалъ на вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ и, въ то же время, заступался за пошлины на эти продукты. Въ зависимости отъ мѣстности, отъ состава собранія и социального положенія оратора центра,—на первый планъ выдвигалось то одно, то другое начало.

При этомъ центръ обращался то вправо, то влѣво съ видомъ угнетаемой невинности. Нападки правительства служили при томъ для отраженія социалдемократической критики, социалдемократическая критика — щитомъ для отраженія ударовъ правительства. Но постоянно и на всѣ лады повторялось, что центръ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами. А это дѣйствовало больше всего. Въ особенности

въ рабочихъ массахъ, въ которыхъ такимъ образомъ вызывалось чувство протеста. Чувство протеста заставило часть рабочихъ сплотиться и поддержать центръ.

Относительно рабочихъ центръ проявилъ достаточно проницательности и ловкости. Съ ростомъ христіанскихъ профессиональных организацій рѣзко выступила и политическая изолированность католическихъ рабочихъ. Считаясь съ этимъ, центръ выставилъ кандидатами въ рейхстагъ нѣсколькихъ вождей католическихъ профессиональных союзовъ. Впрочемъ, отмѣтимъ здѣсь, что католическое профессиональное движеніе принесло и намъ не мало пользы при послѣднихъ выборахъ. Оно вызвало у католическихъ рабочихъ сознаніе классовой розни, а въ борьбѣ за повышеніе заработной платы и въ своей литературѣ католическія профессиональныя организаціи дали намъ очень цѣнный агитаціонный матеріалъ.

Центръ не скупился на самыя рѣзкія слова для бичеванія чиновничьяго хозяйничанія въ колоніяхъ, но старательно избѣгалъ нападать на колоніальную политику по существу. Напротивъ, онъ постоянно твердилъ, что по существу стоитъ за колоніальную политику, и усердно подчеркивалъ при этомъ свои *національныя чувства*, свой *патріотизмъ*.

Ядясь въ демагогическій костюмъ, центръ не переставалъ однако играть роль *непризнанной правительственной партіи*. По мѣрѣ того, какъ развивалась избирательная кампанія, онъ все живѣе давалъ понять, какія цѣли преслѣдуетъ въ дѣйствительности. Наконецъ, въ своей послѣдней избирательной прокламаціи въ Вестфалии центръ съ полною откровенностью поставилъ слѣдующій вопросъ:

„Гдѣ министры, губернаторы и генераль-губернаторы, гдѣ статсъ-секретари, члены министерскихъ совѣтовъ, гдѣ оберъ-бургермейстеры, члены городскихъ управъ и т. д.,—которые принадлежали бы къ центру?“

Ясно, что мы были правы, когда утверждали что въ конфликтѣ между центромъ и правительствомъ главную роль играла не правительственная колоніальная политика вообще, а только *исторія съ Вистубой*. Другими словами,—что борьба велась изъ-за высокаго чиновничьяго поста.

Манифестаціи *правительства* не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что правительство, какъ мы и предпо-

лагали, сознательно провоцировало послѣдній конфликтъ съ центромъ. Правительство хотѣло попробовать, не удастся ли вызвать къ жизни болѣе послушный рейхстагъ—такой, который, прежде всего, можно было использовать для всѣхъ фантастическихъ и дорого стоящихъ колоніально-политическихъ плановъ правительства. Центръ, какъ мы уже знаемъ, долженъ считаться съ слишкомъ разнообразными интересами. Ту же мысль мы можемъ выразить и словами имперскаго канцлера: „Даже въ тѣ времена, когда центръ игралъ рѣшающую роль въ рейхстагѣ, онъ оставался тѣмъ, чѣмъ былъ всегда—*партіей, роль которой не поддается учету.* Онъ является въ одно и то же время выразителемъ требований аристократическихъ и демократическихъ, реакционныхъ и либеральныхъ, ультрамонтанскихъ и націоналистическихъ“ (Рѣчь кн. Бюлова отъ 19 января 1907 г.).

Правда, на одно усиленіе флота центръ уже одобрилъ ассигновку пяти милліардовъ марокъ. Но это, повидимому, кажется еще недостаточнымъ при томъ крупно-капиталистическомъ курсѣ, который нынѣ взялъ правительственный корабль.

На 13 страницъ нашей брошюры мы писали: „Избравъ боевымъ избирательнымъ лозунгомъ *колоніальную политику*, правительство рассчитывало использовать крупно-буржуазные элементы центра противъ остальныхъ его элементовъ. Это былъ довольно ловкій ходъ для того, чтобы использовать борьбу интересовъ внутри партіи центра“. Наше предположеніе нашло себѣ полное подтвержденіе въ дюссельдорфскомъ заявленіи „патріотовъ“ изъ центра. Пресса центра пыталась было изобразить все это дѣло пустяковымъ. Но 39 подписей, украшавшихъ вначалѣ заявленіе, скоро возросли до восьмисотъ слишкомъ. И всѣ подписи—изъ среды высшихъ слоевъ аристократіи и плутократіи. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это заявленіе вполне вѣрно отражаетъ настроеніе капиталистическихъ круговъ центра.

По мѣрѣ того, какъ подвигалась избирательная кампанія, борьба между либерализмомъ и ультрамонтанизмомъ пріобрѣтала все болѣе призрачный характеръ. Въ дѣйствительности, тѣ и другіе канцентрировали свои силы для борьбы съ социалдемократіей. Противъ социалдемократіи либералы воевали такъ же усердно, какъ и консерваторы: противъ социалдемократіи воевали свободомыслящіе и де-

мократы, воевалъ центръ, а послѣдній лозунгъ правительства былъ опять таки призывъ, и самый энергичный призывъ, къ борьбѣ—противъ социалдемократіи. Буржуазія всѣхъ партій заключила союзъ противъ пролетаріата. И союзъ капиталистовъ получилъ высшую санкцію отъ *биржи.*

Биржа на этотъ разъ демонстрировала свое участіе въ избирательной кампаніи рѣшеніемъ закрыть свои двери въ день выборовъ. Итакъ, 25 января офиціально не было никакой биржевой спекуляціи. Биржа могла себѣ позволить такую роскошь. Вѣдь и самые выборы составляли только крупную биржевую аферу. Аферу, ради которой правительство предлагало всѣ средства государства, аферу, во славу которой имперскій канцлеръ билъ въ рекламный барабанъ, а директоръ колоній игралъ роль комивояжера и базарнаго зазывальщика, аферу, для которой государственная власть отдавала свою армію и милліоны! Биржа хорошо поняла, въ чемъ сущность дѣла: съ развѣвающимися знаменами двинулась биржа на поле битвы,—чтобы къ правительственному колоніальному обману прибавить свой собственный *хрюндерскій колоніальный обманъ.*

Ситуацію, которая выфилътровалась въ водѣ избирательной кампаніи, я наканунѣ выборовъ характеризовалъ слѣдующими словами, къ которымъ и теперь ничего не могу прибавить:

„*Капиталъ* сзываетъ свои полчища, и со всѣхъ сторонъ они стекаются на зовъ. Призываются на дѣйствительную службу даже ученые, поэты и художники. И они спѣшатъ на свои мѣста. Всѣ,—начиная съ университетскаго профессора *Густава Шмоллера* и кончая юмористическимъ журналомъ „*Simplicissimus*“. Профессоръ кладетъ на вѣсы авторитетъ офиціальной академической науки, чтобы замаскировать новоявленную политико-экономическую мудрость господина *Дерибурга*—мудрость, составленную изъ дѣтскаго недомыслия, невѣжества и обмана. Съ своей стороны и *Simplicissimus* пускаетъ въ ходъ свое паясничество на социальныя темы, чтобы внести посильную лепту въ національ-либеральную работу.

„Въ колоніальной ли политикѣ дѣло? Да, на этотъ разъ капиталистическая политика прикрывается вѣвѣской колоніальной политики. Но сущность дѣла не въ этомъ, а—въ *самомъ объединеніи буржуазіи.*“

„Крупная буржуазія хочет установитъ связь между различными своими элементами. Она хочет сплотиться, потому что чувствуетъ опасность, угрожающую ей могуществу. Опасность грозитъ, понятно, не со стороны *центра*, который и самъ ведетъ *буржуазную политику*. Опасность буржуазія чувствуетъ въ *политическихъ успехахъ рабочихъ*.

„Правительство уже работало вмѣстѣ съ *центромъ* и отлично знаетъ, что и въ будущія времена съ центромъ можно будетъ дѣлать дѣла. Препятствіемъ служить только „соціалдемократическій ядъ“, отравляющій народъ, т. е. агитація, которую ведетъ социалдемократія въ народныхъ массахъ, разоблачая политическія продѣлки буржуазныхъ партій. А центръ, благодаря своему соціальному составу, вынужденъ считаться съ соціалдемократической агитаціей. Но только католическіе *рабочіе* заставляютъ центръ быть оппозиціоннымъ противъ воли; католической буржуазіи центръ, напротивъ, кажется еще слишкомъ мало податливымъ. Представители богатыхъ классовъ въ рядахъ центра бунтуютъ. Графъ *Генсбрехъ* безъ стѣсненія объяснилъ, въ чемъ дѣло: дѣло не въ выборахъ, а въ воздѣйствіи на самую фракцію центра въ рейхстагѣ. При соціальномъ положеніи протестантовъ ихъ голосъ, навѣрное, не останется безъ вліянія.

„Классъ капиталистовъ съ правительствомъ во главѣ желаетъ рѣзкой опредѣленности политическихъ отношеній. Всѣ переходные и неопредѣленные оттѣнки должны исчезнуть. *Рейхстагъ долженъ быть чисто капиталистическимъ*.

„Буржуазія и правительство желаютъ не только колониально-патріотическаго большинства въ рейхстагѣ, но большинства съ *рѣзко выраженною капиталистическою физиономіей*. Если только удастся создать такое парламентское большинство,—все остальное приложится уже само собою. Тѣсно сомкнутымъ строемъ они всѣ двинулись въ бой,—въ бой, противъ васъ, рабочіе! Ихъ страшитъ ваша многочисленность“.

Мобилизація капиталистовъ и страхъ предъ пролетаріатомъ.

Если важнѣйшимъ моментомъ избирательной кампаніи было объединеніе буржуазіи по всей линіи, включая и ряды центра, то въ исходѣ выборовъ наибольшее значеніе имѣетъ *мобилизація индифферентной массы*. Въ выборахъ 1907 года участвовало 85,4 процента всего правоспособнаго населенія. Это наивысшая степень участія въ выборахъ, когда-либо достигнутая въ Германіи. Даже въ выборахъ 1887 года, съ ихъ картеллями и лозунгомъ войны на два фронта, участвовало лишь 77,5 процента всѣхъ имѣющихъ избирательное право. До того степень участія колебалась между 51 и 63 процентами. Послѣ 1887 года—очевидно, вслѣдствіе роста социалдемократіи—степень участія населенія въ выборахъ остается довольно высокой; она не падаетъ ниже 68 процентовъ, а въ 1903 году даже повышается до 75,8 процента. Въ сравненіи съ 1903 годомъ послѣдніе выборы показываютъ приростъ участниковъ въ 10 процентовъ. Въ общемъ на этотъ разъ подано на $1\frac{3}{4}$ милліона голосовъ болѣе, чѣмъ въ 1903 году; изъ нихъ $\frac{1}{4}$ милліона приходится на социалдемократію, а $1\frac{1}{2}$ милліона на буржуазныя партіи. Такимъ образомъ, буржуазнымъ партіямъ удалось побѣдить социалдемократію при помощи тѣхъ избирателей, которые принадлежатъ къ „партіи не выбирающихъ“.

При такихъ условіяхъ потеря мандатовъ социалдемократіей сама по себѣ не представляла бы ничего замѣчательнаго. Въ партійныхъ кругахъ, какъ и въ лагерѣ противниковъ, считали вѣроятнымъ, что социалдемократія получитъ на $\frac{1}{2}$ милліона голосовъ болѣе прежняго. Но даже при приростѣ голосовъ въ $\frac{3}{4}$ милліона социалдемократія была бы побѣждена буржуазіей, если бы послѣдней удалось мобилизовать еще $\frac{1}{2}$ милліона избирателей. Вопросъ о мандатѣ рѣшается только вопросомъ о *разности голосовъ*. Что социалдемократія далеко не имѣетъ еще за собою большинства избирателей,—это достаточно хорошо извѣстно было по прежнимъ выборамъ. Да и при послѣднихъ выборахъ, во время избирательной кампаніи, буржуазная пресса не разъ подсчитывала, что изъ всѣхъ социалдемо-

кратическихъ мандатовъ за партіей абсолютно обезпечены лишь какихъ-нибудь пять—шесть. Остальные же мандаты, увѣряла буржуазная пресса, могутъ быть у социалдемократіи отняты, если только буржуазные элементы стойко будутъ держаться вмѣстѣ. Слѣдовательно, сама по себѣ потеря мандатовъ не составляетъ еще такого важнаго вопроса. Но и *приростъ* социалдемократическихъ голосовъ на этотъ разъ оказался слишкомъ малымъ въ сравненіи съ *приростомъ* голосовъ у буржуазныхъ партій, а въ Саксоніи наша партія потерпѣла даже *абсолютную убыль* голосовъ. Тутъ-то есть, о чемъ призадуматься.

Социалдемократія принципиально враждебна всей общей имперской политикѣ. Уже, въ виду одного этого, было бы цѣлесообразно прежде всего выяснить значеніе выборовъ для буржуазныхъ партій,—изслѣдовать политическую ситуацію, созданную новыми выборами, политику правительства и тактику буржуазныхъ партій. И только послѣ такого изслѣдованія перейти къ социалдемократіи—къ ея отношенію къ окружающему и къ отношенію окружающаго къ ней. Такой планъ, впрочемъ, и безъ того вполне соответствуетъ характеру настоящей работы, которая представляетъ, прежде всего, партійную социалдемократическую работу. Буржуазныя партіи и правительство для насъ служатъ предметомъ историческаго изслѣдованія. Но все, что мы здѣсь извлечемъ путемъ научнаго анализа, мы должны использовать для *политической тактики* социалдемократіи.

Было много обстоятельствъ, заставившихъ буржуазію на этотъ разъ быть особенно энергичной.

Прежде всего, мы безъ сомнѣнія въ правѣ указать на впечатлѣніе, которое осталось у буржуазіи отъ *имперскихъ выборовъ 1903 года*. Эти выборы наглядно показали буржуазіи, что социалдемократія становится силой въ самомъ рейхстагѣ. Уже одной своей численностью 80 человекъ социалдемократической фракціи представляли очень чувствительное препятствіе для парламентской игры буржуазныхъ партій. Но что было бы еще, если бы социалдемократія получила 90 или цѣлую сотню мандатовъ? Всѣ междупартійныя отношенія рѣзко мѣняются благодаря тому, что клиномъ врѣзывается социалдемократія.

Въ другомъ мѣстѣ я уже указалъ на то, что центр

сталъ господствующей партіей въ рейхстагѣ не благодаря собственнымъ силамъ, а благодаря росту социалдемократической фракціи. Это прекрасно поняло правительство. Поэтому-то имперскій канцлеръ издалъ лозунгъ, по которому рейхстагъ долженъ быть освобожденъ отъ давленія социалдемократіи. Онъ хотѣлъ, чтобы центръ лишился своего господствующаго положенія. Уже во время борьбы изъ-за таможенныхъ тарифовъ ясно было, что германская социалдемократія представляетъ опасность не только для будущаго, но что она уже и въ настоящее время можетъ въ парламентѣ служить большимъ препятствіемъ для политики господствующей клики. Выборы 1903 года подтвердили это съ особенной убѣдительностью. Начиная съ 1903 года германская буржуазія жила поэтому въ постоянномъ страхѣ предъ будущими выборами. Понятно, что, когда выборы наступили, она пустила въ ходъ всѣ свои силы, всѣ свои средства.

Со всѣхъ сторонъ намъ указываютъ на *Дрезденскій партійный съѣздъ*, который яко бы отпугалъ отъ насъ нашихъ буржуазныхъ „спутниковъ“ и возвратилъ насъ въ нѣдра исключительно рабочаго класса, отъ котораго социалдемократія ведетъ свое происхожденіе. Эти крики являются результатомъ слишкомъ узкой оцѣнки явленій. Самъ Дрезденскій съѣздъ представляетъ заключительный моментъ опредѣленной, пережитой стадіи. Какъ энергично ни боролась германская социалдемократія противъ ревизионизма съ самаго зарожденія, но все же ревизионизмъ на первыхъ порахъ привлекалъ нѣкоторую прелесть новизны, оппозиціонностью къ установившейся тактикѣ. Ко времени Дрезденскаго конгресса уже было ясно, что ревизионизмъ не представляетъ ничего прочнаго, ничего законченнаго, что это—не какое-либо опредѣленное направление, а отсутствіе всякаго направленія. Было ясно, что ревизионизмъ, какъ путникъ, утратившій вмѣстѣ съ цѣлью и направленіе дороги, блуждаетъ ощупью, сомнѣваясь во всемъ, сбиваясь и колеблясь. Въ лучшемъ случаѣ, можно было уловить лишь одну черту, постоянно присущую ревизионизму: это—нежеланіе искать широкихъ горизонтовъ, какъ справа, такъ и слѣва, отрицаніе всякой энергичной дѣятельности. Наконецъ, бросалось также въ глаза, что ревизионизмъ готовъ выродиться въ чисто лич-

ное интригантство. Въ то же время и буржуазія убѣдилась въ томъ, что тщетны ея надежды на социалдемократическій ревизионизмъ: она увидѣла, что ревизионизмъ не можетъ играть руководящей политической роли ни въ рейхстагѣ, ни въ партіи. Въ такомъ настроеніи застали буржуазію выборы 1903 года; о впечатлѣніи, которое они произвели, мы уже говорили. Затѣмъ послѣдовало жалкое фіаско ревизионизма на Дрезденскомъ съѣздѣ, что также не могло улучшить настроенія буржуазіи.

Были еще обстоятельства, не оставшіяся безъ вліянія. Величайшія надежды возлагали буржуазные социаль-реформаторы на развитіе *профессіональнаго движенія*: они надѣялись, что профессиональные союзы подавятъ революціонную социалдемократію. Но, если площадь тренія между профессиональными организаціями и партіей безспорно и расширилась, то, съ другой стороны, рушились и надежды социаль-реформаторовъ. По мѣрѣ того, какъ профессиональные союзы становились силой и въ Германіи, все меньше оставалось сомнѣнія въ томъ, что для буржуазіи врядъ ли будетъ выигрышемъ, если вмѣсто, все-же слабо связанной, политической организаціи рабочихъ на сцену выступятъ тѣсно и прочно сплоченныя профессиональныя организаціи. Что профессиональныя организаціи ведутъ *классовую борьбу*, это доказываютъ даже христіанскіе профессиональные союзы. Социалдемократическимъ независимымъ организаціямъ, само собою разумѣется, не было надобности еще доказывать это. Но неопровержимымъ аргументомъ послужило то, что союзы благополучно пережили *торговый кризисъ*, даже разрослись и окрѣпли во время кризиса. Какую тревогу въ рядахъ предпринимателей вызывало развитіе профессиональных союзовъ, лучше всего видно изъ исторіи *предпринимательскихъ организацій*, которые своей главной задачей несомнѣнно имѣютъ борьбу съ рабочими организаціями. А тутъ еще и перемѣна въ направленіи англійскихъ профессиональных организацій, которыя служили почвой для всѣхъ академическихъ мечтаній германскихъ социаль-реформаторовъ о преобразованіи нѣмецкой социалдемократіи. Англійскіе рабочіе союзы отказались далѣе слѣдовать на буксирѣ у буржуазныхъ партій и приступили къ организаціи собственной партіи. На послѣднихъ выборахъ въ Англіи эта партія, какъ извѣстно, имѣла большой успѣхъ.

Побѣда германской социалдемократіи на выборахъ 1903 года; отрадное для насъ, но грозное для предпринимателей, блестящее развитіе профессиональнаго движенія въ Германіи; возникновеніе въ Англіи самостоятельной рабочей партіи, отнявшей всякую почву для мечтанія о политическомъ нейтралитетѣ рабочаго класса... Мнѣ кажется, что, если имѣть предъ глазами всѣ эти важные, знаменательные факты пролетарской классовой борьбы, то нѣтъ надобности обращаться къ отдѣльнымъ рѣчамъ на Дрезденскомъ съѣздѣ и въ нихъ искать объясненія тому, что германская буржуазія при послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ такъ сплотилась и съ такой энергіей боролась противъ рабочаго класса. При выборахъ 1907 года мы имѣли дѣло съ массовымъ движеніемъ буржуазіи, охватившимъ всѣ ея элементы до послѣдняго. Если бы мы на самомъ дѣлѣ могли вызвать такое противодѣйствіе нашими резолюціями и деклараціями,—ну, тогда въ нашемъ распоряженіи дѣйствительно было бы могучее средство и для того, чтобы ставить на ноги пролетаріатъ. На дѣлѣ однако наши рѣшенія имѣютъ значеніе лишь чисто внѣшняго проявленія, какъ для пролетаріата, такъ и для буржуазіи. Революціонныя резолюціи имѣютъ политическое значеніе лишь тогда, когда они служатъ выраженіемъ назрѣвшихъ революціонныхъ отношеній. Въ данномъ случаѣ, оно, несомнѣнно, такъ и было. Но обыкновенно, чѣмъ меньше обращаютъ вниманія на внутреннюю революціонную энергію рабочаго движенія, чѣмъ уже точка зрѣнія, съ которой это движеніе разсматривается, тѣмъ больше значенія придаетъ внѣшнимъ проявленіямъ. Одни думаютъ, что проповѣдь революціи представляетъ единственное средство сохранить революціонный характеръ партіи; другіе полагаютъ, что стоитъ намъ понизить тонъ, отказаться отъ революціонныхъ словъ, и намъ удастся примирить буржуазію съ классовой борьбой пролетаріата. Но, если даже ученымъ специалистамъ капиталистическаго класса никогда не удавалось при помощи социаль-реформаторскаго языка обмануть буржуазію относительно опасностей роста рабочей организаціи, то тѣмъ меньше можемъ на этомъ спекулировать мы. Неужели это такъ трудно понять? Овца въ львиной шкурѣ еще ни на кого не наводила страха; но левъ остается опаснымъ и тогда, когда напяливаетъ на себя

овечью шкуру. Пугают не слова, а дѣла, которыя кроются подъ словами.

Еще одинъ фактъ чрезвычайно важнаго значенія въ очень сильной степени увеличилъ страхъ буржуазіи предъ пролетаріатомъ: это—*русская революція*. Какъ развитіе профессиональнаго движенія развѣяло грезы о нѣжномъ сожительствѣ пролетарскихъ и предпринимательскихъ организацій, такъ русская революція разрушила иллюзіи о невозможности политическихъ революцій при современномъ усовершенствованномъ оружіи.

Потому то такой глубокой вздохъ облегченія, когда выяснилось, что охранительные элементы въ государствѣ еще достаточно сильны и способны объединяться. Потому то выборы 25 января и празднуются, какъ спасеніе отечества и монархіи, какъ возстановленіе тѣснаго союза между императоромъ и имперіей.

Однако, если страхъ буржуазіи предъ политическимъ усиленіемъ пролетаріата и сыгралъ большую роль при выборахъ, то все же было бы большою ошибкой приписывать исходъ выборовъ вліянію исключительно этого одного фактора. Массовая многомилліонная мобилизація буржуазіи представляетъ явленіе слишкомъ сложное, чтобы его можно было объяснить, какъ реакцію противъ социалдемократіи. Да и страхъ предъ пролетаріатомъ далеко не одинаково силенъ въ различныхъ слояхъ буржуазіи. Буржуазія сама тоже распадается на многочисленныя группы съ различными и даже противоположными интересами. Если на этотъ разъ противоположность интересовъ внутри буржуазіи не такъ сильно давала себя чувствовать, то это означаетъ только, что она утратила острый характеръ или прикрыта какими-нибудь мостиками. Буржуазія ведетъ свою самостоятельную политику; поэтому было бы ошибкой ея тактику разсматривать только, какъ отвѣтъ на тактику социалдемократіи. Теперь, когда мы разсмотрѣли оборонительную тактику буржуазіи, будетъ уместно выяснить тенденціи ея собственной политики, поскольку эти тенденціи проявились во время послѣднихъ выборовъ въ имперскій рейхстагъ. Прежде всего, въ глаза бросаются два харак-

терныхъ явленія: 1) воскресеніе либерализма и 2) колониально-политическій энтузіазмъ.

Нео-либерализмъ.

Послѣдніе выборы въ рейхстагъ свидѣтельствуютъ о *новомъ подъемѣ — либерализма*. Онъ выразился, правда, не столько въ статистикѣ выборовъ, сколько въ общественномъ настроеніи, но все же далъ себя чувствовать. Фактъ показался особенно удивительнымъ потому, что ослабленіе либерализма до сихъ поръ составляло такое же постоянное явленіе въ исторіи германскаго парламентаризма, какъ и ростъ социалдемократіи. Оживленіе либерализма вызвано чрезвычайно своеобразнымъ сплетеніемъ реакціонныхъ и прогрессивныхъ тенденцій; но, въ общемъ, это—чистый продуктъ капиталистической культуры.

Къ выборамъ либеральныя партіи пошли, въ сущности, съ большой тревогой. Рѣшеніемъ поддержать правительство они сами отвергли всякое значеніе за своей критикой правительства. Какъ отнесутся избиратели къ такому явному противорѣчію между словомъ и дѣломъ? По счастью либеральныя избиратели оказались еще гораздо болѣе реакціонными, чѣмъ либеральныя парламентскія фракціи. Оказалось, что для нихъ не существуетъ никакихъ соображеній принципиальнаго характера. Правительственный призывъ къ либерализму, ничего, въ сущности, не обѣщавшій либераламъ, привлекъ къ избирательнымъ урнамъ цѣлыя толпы.

Въ либерализмѣ послѣднихъ выборовъ мы имѣемъ дѣло съ совершенно новымъ социальнымъ образованіемъ. Старый либерализмъ возникъ на почвѣ революціонной борьбы буржуазіи съ правительствомъ—борьбы изъ-за признанія социальнаго значенія и политической силы буржуазіи. Старый либерализмъ представляетъ цѣлое міровоззрѣніе и въ то же время политическую систему. Новый либерализмъ не представляетъ ни того, ни другого: это—дѣтя современнаго большого города. По своему социальному составу нео-либерализмъ охватываетъ всевозможные общественные слои — отъ вершинъ промышленнаго міра до рядовъ пролетаріата. Но его главную массу составляетъ міръ коми-вояжеровъ, техниковъ, вра-

чей, адвокатовъ, художниковъ и литераторовъ съ присовокупленіемъ модернизированнаго чиновничества, словомъ—міръ „интеллигенціи“. Философскія воззрѣнія въ этой средѣ—отсутствуютъ вполне. Эта „интеллигенція“ сегодня внимательно слушаетъ естественно-научный рефератъ, а завтра участвуетъ въ спиритическомъ сеансѣ. Это — ни монархисты, ни республиканцы. У этихъ людей нѣтъ уже слѣпого довѣрія къ капитализму, но они не вѣрятъ также и въ социализмъ. Въмѣсто преклоненія предъ какимъ-нибудь социальнымъ идеаломъ у нихъ только социальный скептицизмъ. Они презираютъ народъ, но въ то же время чувствуютъ себя обиженными высокомеріемъ аристократіи и плутократіи. Ихъ оппозиція — это оппозиція культуры большаго города противъ моральныхъ и идейныхъ воззрѣній провинціи, маленькаго города. Отсюда, между прочимъ, и ихъ враждебность духовенству и полиціи! Этотъ либерализмъ—верхоглядовъ. Въ противоположность старому либерализму, вся государственная мудрость котораго заключалась въ бережливости, новый либерализмъ всегда готовъ поощрять правительство къ самымъ дорогимъ и опаснымъ авантюрамъ. Предъ „дѣланіемъ денегъ“ на американскій лады онъ чувствуетъ большой респектъ. Его легко увлечь за собою, но онъ также легко можетъ измѣнить. Надолго привязать его къ себѣ можно только однимъ—*устыхомъ*.

Признаки появленія этого культурнаго новообразованія можно было уловить въ Германіи уже давно. Они показывались въ самыхъ различныхъ областяхъ жизни. Новыя теченія сначала встрѣчали насмѣшки, глумленіе, порой и грубый отпоръ; но, въ концѣ концовъ, они всплыли на поверхность. Произведенія старыхъ философовъ покрываются пылью, умами овладѣли „Simplicissimus“ и „Jugend“. Утонченную литературу замѣнили газетные фельетоны и уголовные романы. На сценѣ рядомъ съ Оскаромъ Уайльдомъ и Шау—Шерлокъ Холмсъ. Сочетаніе сверхчувственнаго съ пошлымъ и плоскимъ вообще очень характерно для духа современнаго большаго города. Но, для того чтобы князь фонъ-Бюловъ могъ „сдѣлать“ выборы 1907 г. необходимо было еще, чтобы въ Германіи приобрѣли права гражданства кэкъ-уокъ и матчишъ, чтобы сочинены были пѣсенки о Риксдорфѣ и о Казино. Кэкъ-уокъ съ его крикливостію, полнымъ задора, чувственности и глумленія—мо-

жетъ служить лучшимъ символомъ нашего времени. Стоитъ присмотрѣться къ новѣйшей живописи: развѣ она не представляетъ тоже безвкусіе, ту же любовь къ уродливостямъ, даже—когда онѣ отвратительны и ничего не выражаютъ? А архитектура съ ея недодѣланностью и скомканностью, съ нарушеніемъ всякой симметріи! Развѣ это не тотъ же кэкъ-уокъ, перенесенный на камень и гипсъ?.. Ну, а теперь мы имѣемъ, наконецъ, и кэкъ-уокъ — въ политикѣ.

Издавна уже дѣлаются попытки привлечь людей большаго города къ политикѣ. На нихъ основывалъ всѣ свои политическіе расчеты пасторъ *Науманъ*. Но, во-первыхъ, религіозныя оттѣнки Наумановскихъ взглядовъ не совсѣмъ гармонируютъ съ духомъ современнаго большаго города; во-вторыхъ, общественные слои, которые имѣлись въ виду, и до настоящаго времени еще недостаточно многочисленны, чтобы составить самостоятельную политическую партію. Обѣ эти два препятствія и разбились планы христіанскихъ социалистовъ. За исключеніемъ пролетаріата, остающагося неизмѣнно вѣрнымъ социалдемократіи, населеніе большихъ городовъ составляетъ элементъ, всегда политически недовольный. Ничто не нравится этимъ людямъ. Рейхстагъ имъ кажется слишкомъ мало энергичнымъ; социалдемократія—то слишкомъ революціонной, то недостаточно революціонной; правительству, по ихъ мнѣнію, не хватаетъ сильнаго, рѣшительнаго руководителя. При каждомъ сенсационномъ событіи въ парламентѣ они шумятъ больше всѣхъ. Они больше всѣхъ шумѣли и вопили и по поводу колониальныхъ скандаловъ. Но это нисколько не помѣшало имъ во время выборовъ съ такимъ же шумомъ выступать противъ социалдемократіи.

Эти-то элементы выдвинулись теперь на сцену. Современное искусство удостоилось высочайшей санкціи, когда получило доступъ въ королевскія академіи; декадентская драма нашла доступъ въ королевскіе театры, а простой „штатскій“, непосредственно оторванный отъ биржи, истинный представитель большаго города, оказался во главѣ департамента экономіи. Большой городъ незамѣтно успѣлъ охватить своимъ дыханіемъ все, добраться до высочайшихъ вершинъ государственнаго управленія. — И вотъ! — Самъ имперскій канцлеръ, собственной особой, обращается за

поддержкой къ интеллигеніи, къ художникамъ и ученымъ!

Они послѣдовали его зову. Но политическіе результаты новаго союза вначалѣ были крайне незначительны. Призванные увеличили число либеральныхъ голосовъ, но они не въ состояніи были доставить либеральнымъ партіямъ такого количества мандатовъ, какое необходимо было, чтобы превратить либерализмъ въ политическую силу. Все же создано было политическое *milieu*, которое расширяется и поэтому должно быть принято въ расчетъ при политическихъ выкладкахъ. И принято въ расчетъ не только, какъ элементъ, поддерживающій правительство, но какъ элементъ оппозиціонный.

Ихъ можно привлечь на свою сторону только рѣшительными поступками или широко задуманными планами. Въ роспускѣ рейхстага они усмотрѣли актъ величайшаго мужества со стороны правительства. Такой поступокъ имъ импонируетъ, увлекаетъ ихъ. *Дернбургъ* съ его наскоками молодого теленка, не разбирающаго ни дороги, ни препятствій, съ его безцеремонностью въ борьбѣ съ противниками, съ его фантастическими планами и чванливой заносчивостью, *Дернбургъ*, которому, въ концѣ-концовъ, все на свѣтѣ трынѣ-трава, *Дернбургъ*—вотъ человекъ вполнѣ въ ихъ вкусѣ.

Нѣсколько цифръ наглядно покажутъ намъ, какъ растетъ этотъ слой населенія въ Германіи. Въ 1895 году общее число населенія большихъ городовъ (т. е. имѣющихъ болѣе 100.000 жителей) составляло $7\frac{1}{4}$ милліона; въ 1900 году—уже $9\frac{1}{8}$ милліона, а при послѣдней переписи (1907)— $11\frac{1}{2}$ милліоновъ. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія населеніе большихъ городовъ въ Германіи, такимъ образомъ, увеличилось почти вдвое.

Жители большихъ городовъ заняли мѣсто ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, мѣсто обывателей маленькихъ и среднихъ городовъ—мѣсто того средняго слоя городского населенія, которое оказывало прежде большое вліяніе на поведеніе парламентскихъ фракцій. Съ политикой мелкой буржуазіи покончено—вотъ единственный заключительный выводъ, который можно сдѣлать изъ выборовъ 1907 года.

Средній слой буржуазіи создалъ два противоположныхъ политическихъ направленія—радикальное и реакціонное

Онъ въ одно и то же время служилъ питательной средой для демократическихъ фракцій и для антисемитизма. Радикальное теченіе стремилось мѣшать усиленію центральной правительственной власти, такъ какъ считало, что такое усиленіе приноситъ выгоду не „маленькому человеку“, а крупному капиталу. Реакціонное теченіе стремилось при содѣйствіи правительственной власти создать экономическія привилегіи для средняго слоя. Реакціонные элементы, впрочемъ, распадались на двѣ клики: правительственную и демагогическую. Первая старалась расположить правительство въ свою пользу путемъ поддержки въ парламентѣ и при помощи показнаго патріотизма; вторая клика старалась терроризировать правительство путемъ острой агитаціи въ народныхъ массахъ. Тѣмъ или другимъ путемъ—нищенски протянутой рукой или дуломъ наведеннаго пистолета—но политика попрошайничества одинаково практиковалась обѣими кликами.

При послѣднихъ выборахъ роль средняго сословія оказалась уже сыгранной до конца. Демократическія фракціи кое-какъ удержались еще, но только благодаря тому, что выкинули за бортъ все, что отдѣляло ихъ раньше отъ національ-либераловъ. Антисемитизмъ окончательно растворился въ консерватизмѣ.

Пораженіе при послѣднихъ выборахъ нанесено не пролетариату, а среднему слою. Съ нимъ покончено. Онъ сдалъ всѣ свои боевыя политическія позиціи, далъ завербовать себя въ капиталистическую армію, подчинился руководству *буржи*.

Если большой городъ создалъ *milieu* для образованія авангарда великой капиталистической арміи, то *колониальная политика* послужила связующимъ звеномъ для объединенія всей германской буржуазіи.

Нѣмцы отдають себѣ мало отчета въ томъ, что они, собственно говоря, ищутъ въ колоніяхъ и имперскихъ владѣніяхъ. Колоніи интересуютъ всѣхъ, какъ великая социальная проблема, какъ великая задача для великой державы. Это—міровая политика! Но во что обойдется она? Что она дастъ? Эти вопросы не подлежатъ обсужденію. Германія—великая держава, она имѣетъ громадную армію, милліардный бюджетъ. Слѣдовательно—впередъ!.. Это стремленіе изжить жизнь капиталистическаго государства

и гонить, какъ мы говорили въ первой части, всѣхъ въ колоніи. Послѣ всего, что мы говорили о либерализмѣ большихъ городовъ, для насъ нисколько не удивительно, что онъ далъ увлечь себя колоніальными авантюрами. А, такъ какъ Германія имѣетъ лишь очень короткую колоніальную исторію, то колоніальная политика представляетъ здѣсь еще и великую прелесть новизны. Она прикрывается здѣсь еще легкой дымкой романтизма: Германія — говорятъ—должна выполнить въ Африкѣ великія культурныя задачи.

Когда такія рѣчи говорятъ политическіе шарлатаны, чтобы надуть народъ,—это въ порядкѣ вещей. Къ сожалѣнію, находятся и въ нашей собственной средѣ люди, которые повторяютъ эту глупую болтовню и преподносятъ ее рабочимъ, какъ послѣднее слово ревизионистской мудрости. Ниже мнѣ придется говорить объ экономической связи между колоніями и капиталистическимъ міровымъ рынкомъ. Здѣсь я попытаюсь только мимоходомъ немного освѣтить капиталистическую,—въ особенности, германскую культурную работу въ Африкѣ.

Выборы 1907 года дали германскому имперскому правительству чистый колоніально-политическій вексельный бланкъ, который правительство можетъ заполнить по своему усмотрѣнію. Правительство торжествуетъ. Однако—ни въ одной странѣ въ мірѣ колоніи не составляютъ прочнаго базиса для правительственной политики. Колоніи, въ лучшемъ случаѣ, принимаются въ расчетъ, какъ неизбежное зло, и доставляютъ главный матеріалъ для большинства парламентскихъ конфликтовъ. Поэтому, одно можно, во всякомъ случаѣ, считать несомнѣннымъ: при колоніальной политикѣ государственный корабль направляется не къ тихой пристани, а въ бурный океанъ. Колоніальная политика доставила правительству побѣду теперь, но та же колоніальная политика дастъ возможность и социалдемократіи со временемъ нанести не одно пораженіе правительству.

Часть третья.

Колоніи и капитализмъ въ XX столѣтіи.

Культурная работа въ Южной Африкѣ.

Козлами отпущенія за всю германскую колониальную политику являются обыкновенно второстепенные чиновники. Своими глупыми и жестокими выходками они отвлекаютъ всеобщее вниманіе отъ той, по истинѣ сатанинской, опустошительной работы, которую совершаетъ въ Африкѣ германское государство, подчиняясь законамъ капиталистической эксплуатаціи. Только война съ гереро, во время которой перебито было цѣлое племя, вызвала, наконецъ, и въ рейхстагѣ болѣе серьезное отношеніе къ великой социальной драмѣ, разыгрывающейся въ Южной Африкѣ. Однако, и пониманіе, осѣнившее, наконецъ, головы даже буржуазныхъ политиковъ, все еще остается недоступнымъ для тѣхъ социалдемократическихъ депутатовъ рейхстага, мозгъ которыхъ засоренъ ревизионистической трухой.

Въ продолженіе многихъ столѣтій *эксплуатація дикихъ* составляла единственную сокровищницу, привлекавшую европейскихъ мореплавателей въ Африку. Въ первыя времена главными приманками служили слоновая кость и страусовыя перья.

Впослѣдствіи къ этимъ промысламъ присоединилась *огота на людей*, торговля невольниками, которая приняла чудовищные размѣры съ развитіемъ кофейныхъ плантацій въ Бразиліи и хлопчатобумажныхъ въ Южно-Американскихъ штатахъ. Съ тѣхъ поръ торговля невольниками сдѣлалась самою выгодною отраслью торговыхъ сношеній съ Африкой. Ею занимались громадныя торговыя и судовладѣльческія компаніи и получали невѣроятные барыши. Самые осторожные изслѣдователи думаютъ, что въ Америку ввезли не менѣе *десяти миллионѣвъ* чернокожихъ невольниковъ! Въ настоящее время нѣтъ уже надобности доказывать, что торговля невольниками составляетъ величайшую гнусность. Торговый интересъ къ вывозу негровъ исчезъ; поэтому буржуазія, туго набивши свой кошелекъ,

можетъ съ чистою совѣстью выражать свое величайшее негодованіе по поводу такого звѣрства, какъ торговля людьми. Негодованіе по поводу американскаго невольничества, однако, нисколько не мѣшаетъ буржуазіи вводить рабство въ самой Африкѣ. Отмѣтимъ здѣсь только одно: когда неготорговля находилась еще въ полномъ расцвѣтѣ, Дербурги и Эдуарды Бернштейны того времени усердно доказывали, что она составляетъ *культурную миссію*. Мало этого: охотники на людей и торговцы невольниками и сами думали, что совершаютъ истинно богоугодное дѣло, такъ какъ они обращали негровъ въ христіанство и такимъ образомъ заботились о спасеніи душъ бѣдныхъ язычниковъ.

Такова была первая *культурная работа капитализма* въ Африкѣ. Она сосредоточилась преимущественно въ области тропиковъ; болѣе отдаленныя мѣста Южной Африки въ меньшей степени подвергались воздѣйствію этой благодѣтельной культурной работы.

Колоніальная исторія Южной Африки тѣсно связана съ колоніальной исторіей Восточной Индіи. Въ 1602 году была основана голландская ость-индская компанія, которая уже черезъ нѣсколько лѣтъ подняла свой флагъ на южномъ мысу Африки. Въ половинѣ того же столѣтія появились и въ Капской землѣ голландскіе переселенцы—буры. Но по пятамъ за голландцами слѣдовали англичане. Съ этого времени въ Южную Африку перенесена была арена колониальнаго соперничества между Голландіей и Англіей. Борьба между обоими государствами велась съ переменнымъ счастьемъ, но оказала очень большое вліяніе на судьбы туземнаго населенія. Для туземца рѣшительно все равно, кто беретъ верхъ. Имѣетъ онъ дѣло съ буромъ, англичаниномъ или нѣмцемъ,—дѣло, по существу, сводится къ одному и тому же, къ борьбѣ между капиталистической культурой и болѣе отсталыми хозяйственными отношеніями дикарей или варваровъ. Схема этой борьбы чрезвычайно проста.

У дикарей большой запросъ на пищевые продукты и очень слабый запросъ на предметы культурной жизни. Капиталистическіе культуртрегеры стараются создать противоположныя отношенія: перевести дикарей на голодную порцію и вознаградить ихъ за это тѣми продуктами

культуры, которые фабрикують они сами. Какіе же это продукты? Прежде всего—порохъ и водка. Затѣмъ—всевозможныя побрякушки, стеклянныя бусы, сапоги, вакса для чистки сапогъ, пестрые платки. Пока дикарь располагаетъ еще достаточными запасами пищевыхъ продуктовъ, онъ въ глазахъ капиталистическихъ культуртрегеровъ является, правда, лѣнтяемъ и обжорой, но можетъ сохранить по отношенію къ нимъ гордость и независимость. Поэтому капиталистическіе колониальные культуртрегеры стараются прежде всего ограбить у дикарей источники ихъ пищевыхъ продуктовъ, создать постоянный голодъ, который поставилъ бы дикаря на одну доску съ современнымъ наемнымъ рабочимъ, заставилъ бы его продавать свою рабочую силу капиталисту. Этотъ законъ капиталистической эксплуатаціи христіанскіе миссіонеры провозглашаютъ религіознымъ завѣтомъ: миссіонеры вездѣ ставятъ себѣ задачей „воспитывать у дикарей любовь къ труду“.

Искусственное насажденіе голода и потребности въ водкѣ съ цѣлью превратить дикарей въ наемныхъ рабочихъ—вотъ культурная работа капитализма, которая нынѣ такъ воодушевляетъ Эдуарда Бернштейна, бывшаго нѣкогда глашатаемъ социализма.

Какъ ни истощаются естественныя богатства страны при экстенсивномъ хозяйствѣ дикарей, эта расточительность—сущіе пустяки въ сравненіи съ хищничествомъ капиталистическаго хозяйства, не знающимъ ни мѣры, ни границъ. Капиталистическое хозяйство не приспосабливается къ опредѣленнымъ запросамъ. Все, что даютъ природныя богатства страны, оно собираетъ въ руки, скопляетъ для торговли, для міроваго рынка, который все поглощаетъ, никогда не насыщаясь.

Въ колоніяхъ хозяйничанье капиталистовъ направляется, прежде всего, на пріобрѣтеніе дичи. *Ошестрѣнное* оружіе дается дикарю въ руки для того, чтобы онъ поскорѣе ограбилъ самого себя, лишилъ себя возможности обезпечивать свою жизнь охотой.

Вотъ почему продажа оружія является обязательно и важнѣйшей отраслью торговли съ дикарями. Европейцы не въ состояніи сами перестрѣлять всю дичь, да и нѣтъ надобности имъ самимъ стрѣлять: дичь гораздо удобнѣе

истребить руками туземных негровъ, тѣмъ болѣе, что только неграмъ хорошо извѣстны мѣста, гдѣ водится дичь.

Охота придаетъ огнестрѣльному оружію большую цѣнность въ глазахъ дикаря. Но есть еще причина, по которой онъ дорожитъ этимъ даромъ цивилизаціи: огнестрѣльное оружіе даетъ ему такія же преимущества передъ другими дикарями, какія передъ нимъ имѣютъ европейцы. Не касаясь вопроса, участились ли съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія войны между туземными племенами или нѣтъ, — можно съ полной увѣренностью утверждать, что войны сдѣлались гораздо болѣе кровопролитными. Благодаря огнестрѣльному оружію власть переходитъ отъ одного племени къ другому; возникаютъ, падаютъ и вновь создаются комбинаціи, основанныя на военной силѣ. Борьба между пастушескими и охотничьими племенами приводитъ къ взаимному истребленію цѣлыхъ племенъ. Это неизбежный результатъ капиталистической культурной работы въ колоніяхъ!

Когда изсякаютъ источники охоты, наступаетъ очередь истребленію скотоводства. Капиталистическая культура добирается до тѣхъ туземцевъ, у которыхъ хозяйство стоитъ на болѣе высокой ступени развитія. Предпосылкой для этого, однако, должно быть накопленіе въ данной мѣстности большого количества европейцевъ и возникновеніе тамъ еврейскихъ поселеній. Мясо нельзя перевозить такъ далеко, какъ слоновую кость. Поэтому-то занятіе европейцами сѣверной части Южной Африки имѣло мѣсто сравнительно поздно. Толчкомъ для движенія на сѣверъ послужило открытіе алмазныхъ копей въ Кимберлеѣ и золота въ Трансваалѣ. Массовое переселеніе европейцевъ создало большой запросъ на мясо.

Когда у туземцевъ истреблены уже и стада домашнихъ животныхъ, европейцамъ остается только захватить въ свои руки землю и превратить самихъ туземцевъ въ свой *рабочій скотъ*. Этотъ моментъ служитъ завершеніемъ круга культурной работы капитализма среди дикарей.

Подобная культурная работа капитализма естественно должна была натолкнуться на отчаянное сопротивленіе со стороны тѣхъ народовъ, которыхъ культуртрегеры собирались облагодѣтельствовать. Это ясно для всякаго, кто только поставилъ, подобно нашимъ ревизионистамъ, задачей

превратить критику капитализма въ критику социализма. Пока у негровъ не было огнестрѣльнаго оружія, каждая порсточка бѣлыхъ переселенцевъ или охотниковъ безъ большого труда могла подавлять ихъ возстанія. Положеніе начинаетъ мѣняться по мѣрѣ того, какъ у негровъ распространяется современное оружіе. Приобрѣтеніе послѣдняго для туземцевъ становится уже вопросомъ жизни, вопросомъ сохраненія національнаго существованія. Въ то же время капиталистическая культурная работа въ Африкѣ все болѣе превращается въ вопросъ *военной оккупации* или *колониальной войны*.

Для того, чтобы создалось такое положеніе дѣлъ, не требовалось непременно подвиговъ нѣмецкихъ второстепенныхъ чиновниковъ. Оно непосредственно вытекаетъ изъ законовъ капиталистическаго накопленія и образованія прибавочной стоимости. Поэтому, пока судьбами колоній управляетъ капиталъ, колониальная исторія всюду и всегда отмѣчается широкими потоками крови и слезъ. За англичанами, какъ и за французами, за итальянцами, какъ и за бельгийцами и нѣмцами — за каждымъ изъ этихъ народовъ уже накопился порядочный текущій счетъ убійствъ и позорныхъ дѣяній. Цивилизованныя государства какъ будто соперничаютъ между собою изъ желанія получить высшій призъ за гнусности, совершенныя въ колоніяхъ.

Когда какой-нибудь *Рихардъ Кальверъ* не понимаетъ глубокой связи между всѣми указанными явленіями, то съ этимъ еще можно мириться. По литературной карьерѣ этого писателя нельзя было и ожидать большаго. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ онъ прочиталъ коммунистическій манифестъ и издалъ по поводу прочитаннаго брошюру, которая показываетъ, что его марксистскія воззрѣнія граничатъ съ крайне скуднымъ схематизмомъ. Надъ этимъ младенческимъ пониманіемъ марксизма онъ такъ и не поднялся до сихъ поръ. Зато Кальверъ очень усердно читалъ коммерскія газеты и по нимъ окончательно выработалъ свое воззрѣніе. Совершенно другое дѣло — *Эдуардъ Бернштейнъ*. Хотя и подъ тщательной духовной опекой *Фридриха Энгельса*, но все же Бернштейнъ когда то умѣлъ понимать и разбирать проблему капитализма во всемъ ея объемѣ. Теперь, когда онъ утратилъ руководящую точку зрѣнія, его духовное творчество падаетъ, крошится, какъ

высохшее тѣсто. Этотъ человѣкъ, по истинѣ, достоинъ жалости!

Тотъ же самый утопизмъ настоящей минуты, который не даетъ нашимъ ревизионистамъ уловить классового antagonизма между пролетариатомъ и капиталомъ, доводитъ ихъ до идиллическаго изображенія какой-то фантастической капиталистической колониальной политики, при которой туземцы служатъ объектомъ не эксплуатаціи, а культурнаго воспитанія.

Присмотримся, однако, поближе къ положенію дѣлъ въ германской Южной Африкѣ.

Отъ южной оконечности Капской земли *бурры*, поработавшая и тѣсня туземцевъ, постепенно подвигались все далѣе на сѣверъ. Этого требовало, прежде всего, ихъ экстенсивное скотоводство. Такъ, на примѣръ, еще въ 18 столѣтіи законъ предписывалъ, чтобы „фермеры селились приблизительно на разстояніи трехъ миль другъ отъ друга, такъ какъ въ этой бѣдной дождями странѣ необходимы обширныя пастбища“ (Supon, die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien). Слѣдовательно, для того, чтобы бурры тѣснили негровъ, не было надобности въ томъ, чтобы англичане начали тѣснить буровъ: хозяйственный процессъ и безъ того вызывалъ движеніе буровъ. Тѣмъ не менѣе борьба буровъ съ англичанами въ очень сильной степени содѣйствовала этому движенію. Во время конфликтовъ англичане не разъ поддерживали туземцевъ въ ихъ борьбѣ противъ буровъ, снабжали туземцевъ оружіемъ и т. д. Своей стороны буры являлись злорадствующими зрителями при столкновеніяхъ англичанъ съ каффрами.

Въ прямыхъ непосредственныхъ интересахъ буровъ, какъ фермеровъ, было захватить въ свои руки земли туземцевъ и истребить туземное населеніе, оставивъ лишь такое количество его, какое можно было превратить въ своихъ пастуховъ. Эти задачи буры осуществили самымъ безпощаднымъ, безчеловѣчнымъ образомъ. Въ иномъ положеніи были *англичане*. До открытія алмазныхъ и золотыхъ копъ они были больше всего заинтересованы въ торговлѣ съ туземцами, у которыхъ закупали дичь и домашній скотъ. Поэтому англичане выступали въ роли апостоловъ гуманности. Съ свойственною англичанамъ мелочностью они создавали всевозможныя затрудненія для буровъ: пред-

являли притязанія на пастбища туземцевъ, доходили даже до запрещенія рабства. Это было причиной большой бурской войны прошлаго столѣтія. Огнемъ и мечемъ буры всюду прогоняли съ своего пути каффровъ и заставили ихъ въ концѣ концовъ искать новаго пристанища.

„Вслѣдствіе усиливающагося массоваго переселенія европейцевъ и захвата ими новыхъ земель на сѣверѣ и востокѣ южной оконечности Африки, первобытные владѣльцы этихъ земель все болѣе оттѣсняются въ отдаленныя области. Правда, они сопротивлялись всѣми силами, но должны были отступить предъ болѣе совершенными военными средствами европейцевъ. Такъ, въ послѣдней четверти настоящаго столѣтія въ области нашихъ нынѣшнихъ имперскихъ владѣній появилось воинственное охотничье племя *намакъ* (готтентоты). Вытѣсненные изъ своихъ старыхъ владѣній на югъ, они вторглись сюда черезъ южный проходъ у Оранжевой рѣки. Въ то же время съ сѣвера, съ громадными стадами рогатаго скота, далеко передвинулось на югъ племя *гереро* или *дамара*, охотничій народъ отрасли бонту. Въ кровавыхъ, не прерывавшихся вплоть до 1892 года, войнахъ этихъ народовъ, кинувшихся въ наши владѣнія, слѣдуетъ, вѣроятно, видѣть послѣдній актъ южно-африканскаго переселенія народовъ“. Schwabe. Mit Pflug und Schwert in Deutsch-Westafrika).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что возникновеніе нѣмецкихъ владѣній въ юго-западной Африкѣ представляетъ не начало, а *заключительный моментъ* цѣлаго процесса въ исторіи капитализма въ колоніяхъ.

„Болѣе двухъ столѣтій потребовалось голландцамъ и англичанамъ, чтобы сломить сопротивленіе туземцевъ въ ихъ южно-африканскихъ колоніяхъ. Теперь самые независимые остатки туземцевъ, тѣ, которые 250 лѣтъ отравляли жизнь голландцамъ и англичанамъ, всѣ они теперь облюбовали наши юныя колоніи. Но нынѣ эти люди вооружены уже не копьями и луками, какъ въ старину, а превосходными ружьями центрального боя и уступаютъ только силѣ“. Изъ доклада майора Франсуа, читаннаго въ 1894 году въ Берлинскомъ Географическомъ Обществѣ).

Германскія владѣнія въ юго-западной Африкѣ сдѣлались бассейномъ для стока всего, что создала уродливаго и

нелѣпаго капиталистическая культурная работа въ колоніяхъ.

Прежде всего, не надо забывать, что туземное населеніе представляетъ отнюдь не однородное цѣлое, а цѣлый конгломератъ то расходящихся, то скрещивающихся между собою племенъ и расъ.

Коренное населеніе составляютъ *бушмены*, охотничій народъ. Но они давно оттерты другими. Теперь остатки бушменовъ можно найти еще только въ глубинѣ страны, и тамъ они находятся въ подчиненіи у другихъ чернокожихъ.

Племя *горныхъ дамара*. И это племя наряду съ бушменами принадлежитъ къ наиболѣе древней части населенія страны. Они находятся на нѣсколько болѣе высокой ступени экономической культуры; но въ области скотоводства они, подобно бушменамъ, не пошли дальше прирученія мелкихъ животныхъ.

Гереро — пришлый пастушескій народъ, обладающій многочисленными стадами крупнаго рогатаго скота. До послѣдней истребительной войны они составляли главную массу населенія въ оккупированной теперь части германскихъ колоній. Гереро подчинили своей власти коренное населеніе и превратили племя горныхъ дамара въ своихъ невольниковъ.

Готтентоты — тоже пришлое охотничье-пастушеское племя. Предъ гереро они имѣютъ то преимущество, составляющее вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ несчастье, что болѣе продолжительное время находятся въ сношеніяхъ съ европейцами. У нихъ лучшія породы скота, но давно уже нѣтъ болѣе большихъ стадъ.

Слѣдуетъ еще, наконецъ, упомянуть о *басторедяхъ*, составляющихъ помѣсь бѣлыхъ съ чернокожими. Насколько удалось установить, они въ германской юго-западной Африкѣ не играютъ замѣтной роли; во всякомъ случаѣ не играютъ самостоятельной роли.

„*Наманъ (готтентоты)* — нѣкогда богатый пастушескій народъ, обладавшій громадными стадами. Цѣлое столѣтіе кровавыхъ войнъ между собой и бѣлыми пришельцами, также... водка европейскихъ купцовъ превратили ихъ въ то, что они теперь представляютъ, — въ обнищавшаго шай-

бродягъ. Ихъ положеніе не могли измѣнить къ лучшему хищническіе набѣги на каффровъ. Эти набѣги практиковались готтентами цѣлыя столѣтія, всегда давали имъ богатую добычу. Но легко достававшійся имъ такимъ путемъ скотъ быстро развозился по всѣмъ частямъ свѣта, переходя изъ рукъ готтентотовъ въ руки жадныхъ *купцовъ*, которые въ обмѣнъ доставляли лошадей, порохъ и свинецъ“ (Schwabe. Mit Pflug und Schwert).

Замѣтимъ, что это пишетъ отнюдь не другъ туземцевъ, а нѣмецкій офицеръ, который самъ участвовалъ въ истребительной для туземцевъ войнѣ и убѣжденъ въ томъ, что въ нѣмецкихъ колоніяхъ успокоеніе не наступитъ „раньше, чѣмъ послѣдній гереро и наманъ выдастъ свое послѣднее оружіе центрального боя“.

Предъ нами съ поразительною ясностью выступаетъ весь процессъ въ его цѣломъ. Послѣ того, какъ капиталъ лишилъ готтентотовъ ихъ стадъ, онъ воспользовался ими для того, чтобы ограбить стада у другихъ народовъ. Капиталъ вооружалъ ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и готтентоты въ качествѣ пионеровъ европейской культуры проникли глубже, въ болѣе дикія мѣста. Но тамъ они встрѣтили отпоръ со стороны гереро, которые тоже уже имѣютъ огнестрѣльное оружіе. Такъ возникла не прерывающаяся война между обоими племенами.

Разграбленіе страны, между тѣмъ, совершается въ усиленныхъ размѣрахъ, и это еще болѣе обостряетъ борьбу между туземцами.

Предоставимъ опять слово колоніальному лейтенанту, нынѣ уже полковнику, *Швабе*. Своимъ возвышеннымъ слогомъ онъ рассказываетъ:

„Для туземцевъ счастливыми еще были тѣ времена, когда богатство дичи привлекало къ нимъ охотниковъ изъ всѣхъ странъ подлунной, когда массами вывозились слоновая кость, страусовыя перья, звѣринныя шкуры и рога, когда все побережье моря было покрыто громадными кучами слоновой кости, ждущей кораблей.“

„Тогда — это было въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія — тогда нѣкоторые изъ охотниковъ жили тамъ, какъ владѣтельные князья и оказывали большое вліяніе на политическія дѣла. Такое вліяніе имѣли, напримѣръ, оба „вели-

кихъ охотника“, какъ ихъ и до сихъ поръ еще величаютъ народная молва—шведъ *Андерсонъ* и англичанинъ *Гринъ*. Въ 1863 году они предводительствовали племенемъ гереро въ его освободительной войнѣ противъ наманъ, вождь которыхъ *Тонкеръ Африканскій* покорилъ гереро въ 1842 г. Въ тѣ времена туземцы, которые нерѣдко сотнями состояли на службѣ у одного охотника, легко зарабатывали деньги. А уже кочующіе всюду купцы заботились о томъ, чтобы эти деньги немедленно были отданы имъ за оружіе и военные припасы, за лошадей, за водку и одежду яркихъ цвѣтовъ. Положеніе дѣлъ, однако, скоро измѣнилось. При непрерывныхъ охотничьихъ походахъ съ дикою жадностью уничтожалась вся дичь, которая попадалась подъ руку. Благодаря этому *крупная дичь* очень скоро оказалась почти совершенно истребленной; небольшая уцѣлѣвшая часть удалась далеко на сѣверъ и востокъ.

„Торговля *страусовыми перьями* тоже быстро начала приходить въ упадокъ. Цѣны постепенно падали по мѣрѣ того, какъ въ Южной Африкѣ разводились *страусовыя фермы*. Эти фермы давали возможность добывать перья болѣе рациональнымъ путемъ, чѣмъ охота, при которой добываніе перьевъ связано съ уничтоженіемъ птицъ“

Съ прекращеніемъ охоты и упадкомъ торговли страусовыми перьями колоніальная исторія всей южной Африки достигла мертвой точки. Выручило открытіе *алмазныхъ копей* въ Кимберлеѣ и находка *золота* въ Трансваалѣ. Эти два открытія дали новое направленіе экономической исторіи Южной Африки.

Потокъ европейскихъ переселенцевъ быстро создалъ большіе городскіе центры, экономическое вліяніе которыхъ охватывало все болѣе и болѣе широкія области страны. Было вліяніе и другого рода. Если буры такъ мало нуждались въ рабочихъ, что могли, не задумываясь, истреблять туземное населеніе до послѣднихъ его остатковъ, то, напротивъ, горная индустрія такъ сильно нуждается въ рабочихъ рукахъ, что вынуждена была ввозить рабочихъ извнѣ. Само собою понятно, что промышленники не останавливались ни предъ какими средствами въ стараніяхъ привлечь туземцевъ къ этой работѣ. „Со времени открытія алмазныхъ копей въ Кимберлеѣ начали массами ввозить огнестрѣльное оружіе и порохъ, чтобы

при помощи этихъ соблазнительныхъ предметовъ привить мѣстные рабочія силы.

Каково бы ни было политическое подраздѣленіе южной Африки, экономическое развитіе всѣхъ ея частей находится въ прежней зависимости отъ развитія ея *золото-промышленныхъ округовъ*.

Сильный притокъ европейцевъ вызвалъ большой спросъ на мясо, что рѣшило участь туземнаго скотоводства. Скотъ туземцевъ очень скоро былъ разграбленъ: „Въ тѣ времена нѣкоторые купцы покупали по 20, 30 воловъ за одно хорошее ружье“ (Schwabe).

„Но и этой отрасли торговли не суждено было долго держаться, хотя она привлекла въ горнопромышленные округа южной Африки громадныя стада изъ самыхъ отдаленныхъ степей области Дамара. Въ области по теченію Оранжевой рѣки работали лихорадочно. Тутъ, то тамъ открывались новыя золотыя и алмазныя копи; начали прокладывать новыя дороги и рельсовые пути; переселенцевъ привлекали массами, туземцевъ отгоняли все далѣе; для нихъ созданы земельные резервы, *резерваціи* (какъ недавно также и въ юго-западной Африкѣ.) Такимъ путемъ открытъ былъ доступъ въ новыя, богатая скотомъ, мѣстности, которыя, благодаря болѣе близкому разстоянію и лучшимъ дорогамъ, могли поставлять свои стада быстрѣе и дешевле, чѣмъ прежде поставляла область Дамара“.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Германія объявила себя хозяйномъ этой страны.

Всякій, кто ознакомится съ болѣе чѣмъ двадцатилѣтней исторіей германскаго колоніальнаго управленія въ юго-западной Африкѣ, долженъ будетъ признать, что Германія оказалась очень хорошимъ ученикомъ своихъ предшественниковъ въ южной Африкѣ. Хорошимъ ученикомъ англичанъ и буровъ. Она начала съ того пункта, на которомъ тѣ остановились и продолжала капиталистическую культурную работу въ томъ же духѣ, въ какомъ вели ее предшественники. Поэтому то она, въ концѣ концовъ, и сосредоточила на себѣ всю ненависть туземнаго населенія. Въ нѣмцахъ туземцы видятъ воплощеніе и послѣднее слово всѣхъ гоненій, которымъ они подвергаются уже столько столѣтій.

Первой мѣрой, предпринятой нѣмцами, было *запрещеніе ввоза оружія*. Это было не ново, потому что такое же запрещеніе существовало въ Капской землѣ уже въ 70-ыхъ годахъ. Новое запрещеніе на дѣлѣ такъ же мало исполнялось какъ и старое, но вызвало у туземнаго населенія крайнее раздраженіе.

Благодаря предшествовавшей исторіи, эксплуатація колоніи къ этому времени заключалась преимущественно въ доставкѣ скота въ золотопромышленные округа. Обезпечить доставку скота можно было двойнымъ путемъ: или овладѣть стадами туземцевъ, или же самимъ заняться скотоводствомъ. Но для послѣдняго необходимо было отнять землю у туземцевъ. При осуществленіи и первой и второй задачи нѣмцы натолкнулись на явившихся ранѣе конкурентовъ: готтентотовъ. Послѣдніе, какъ мы уже знаемъ, еще задолго до появленія нѣмцевъ начали грабить у туземцевъ скотъ и земли. Они считали себя настоящими властителями страны, хотя свою власть могли сохранять только путемъ непрерывной войны съ гереро. Чтобы занять мѣсто готтентотовъ, нѣмцамъ необходимо было прежде покорить ихъ. Это и было причиной войны противъ *Гендрика Виттбоои*.

Въ этой войнѣ нѣмцы впервые проявили тѣ специфическія особенности колонизирующей націи, которыя такъ прекрасно выражены у англичанъ. Именно — лицемеріе и вѣроломство. Начальники германской колоніальной арміи принимали у себя готтентотскихъ вождей, проявляли большое гостепрѣимство, производили въ ихъ присутствіи парадъ своимъ отрядамъ, — словомъ вели себя такъ, какъ будто предъ нами были не враги, а лучшіе друзья. Въ то же время втихомолку готовились напасть на своихъ друзей. Затѣмъ безъ объявленія войны, въ моментъ, когда велись еще продолжительные мирные переговоры и готтентоты не подозрѣвали нечего дурного, нѣмцы предательски, ночью, прокрались въ главный лагерь дикарей и устроили кровавую бойню, при которой погибло большое количество готтентотскихъ женщинъ и дѣтей, чѣмъ воиновъ. Само собою понятно, что этимъ дѣломъ не закончилось; готтентоты, подъ предводительствомъ Гендрика Виттбоои отчаянно сопротивлялись. Они хорошо поняли сущность дѣла, какъ

доказываетъ слѣдующее характерное мѣсто изъ письма Виттбоои къ маіору *Лейтвайну*:

„Бѣлые люди и всѣ рыжіе люди очень хорошо знаютъ, что эта земля по правдѣ составляетъ мою собственность еще съ временъ моего дѣда, противъ котораго рыжая нація безъ причины начала войну, но который одержалъ побѣду надъ рыжей націей. Земля принадлежитъ мнѣ вдвойнѣ, ибо она досталась мнѣ не за деньги и не въ подарокъ, а цѣной кровопролитія. А это единственный старинный военный обычай пріобрѣтать землю. И вы это знали, и это лучше всего доказываетъ, что вы знали, что земля — моя. Да именно потому что земля моя и что вы ее не можете получить другимъ путемъ, вы и рѣшились захватить ее силой. И, если бы земля не была моей, у васъ не было бы надобности теперь воевать противъ меня“.

Послѣ побѣды надъ Гендрикомъ Виттбоои земля готтентотовъ была объявлена *коронной*. Вскорѣ произошло частичное возстаніе гереро подъ предводительствомъ *Николема*. Гереро потерпѣли поражение, и земля была отнята также и у нихъ. По международному праву, признаваемому всѣмъ капиталистическимъ міромъ, частная собственность уважается даже въ военное время. Но, когда это сулитъ выгоду, капиталъ охотно становится на какую угодно точку зрѣнія — даже на точку зрѣнія готтентотскаго права... И, не смотря на это, еще кричатъ о *правовыхъ понятіяхъ*, которыя капиталъ якобы распространяетъ среди дикихъ!

Пріобрѣтеніе земли по правиламъ готтентотскаго военного права дало возможность отвести достаточно мѣста германскимъ переселенцамъ. Переселенцы не заставили себя ждать. Ихъ было не такъ много, но вполне достаточно, чтобы окончательно погубить туземцевъ. Развѣ не очень поучительно, что нѣсколько сотенъ германскихъ переселенцевъ лишили цѣлый народъ послѣдняго пропитанія? Это ли не блестящій результатъ капиталистической культурной работы.

Въ туземцахъ переселенцы встрѣтили сначала неудобныхъ конкурентовъ, но потомъ превратили ихъ въ объектъ для своей эксплуатаціи.

Въ качествѣ скотоводовъ переселенцы не могли успѣшно

конкурировать съ гереро, такъ какъ гереро давали купцамъ грабить себя.

„Да и купцы покупали охотнѣе у туземцевъ, чѣмъ у бѣлыхъ, такъ какъ туземцамъ они платили *товарами*, бѣлые же требовали наличныхъ денегъ. Ограниченный и единственный рынокъ представляло тогда войско. При такомъ рынкѣ конкуренція съ туземцами была бы безнадежнымъ дѣломъ для бѣлыхъ скотоводовъ. Чума на скотъ рѣзко измѣнила дѣло въ пользу бѣлыхъ фермеровъ и въ ущербъ купцамъ и гереро. Потери, понесенныя гереро, были ужасны. Отъ этого удара они еще и до сихъ поръ не оправились“ (Schwabe).

Итакъ, войны и чума на скотъ—вотъ условія, содѣйствовавшія расширенію германскаго переселенія въ колоніи.

Очень скоро нѣмецкіе колонисты набрали на ту простую мысль, что гораздо выгоднѣе при помощи всякихъ мошенничествъ присваивать себѣ скотъ гереро, чѣмъ самимъ заниматься скотоводствомъ. Они пустились во всякія торговыя сдѣлки съ туземцами и занимались самымъ жестокимъ барышничествомъ. Сдѣлки носили характеръ скорѣе военной контрибуціи и самага безсовѣстнаго вымогательства, при чемъ не соблюдалось даже и тѣни законности.

Въ глазахъ гереро, привыкшихъ къ натуральному хозяйству, купцы являлись простыми обманщиками. Это презрительное отношеніе къ торговлѣ превратилось въ ненависть къ купцамъ, когда гереро сильно задолжали, или, какъ принято выражаться, впади въ банкротство и лишились своего имущества. Подумать только, что изъ 277 купцовъ, жившихъ въ колоніи, около $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ приходилось на одну область Дамара! Профессиональными купцами дѣло однако не ограничивалось. Въ „торговыхъ походахъ“, кромѣ купцовъ, принимали участіе еще и фермеры, для которыхъ торговля служила подспорнымъ занятіемъ. Разсказываютъ, что кредиторы въ сопровожденіи вооруженныхъ наемниковъ ночью врывались въ деревушки туземцевъ и забирали скотъ, что они надѣвали на себя красные пояса чиновниковъ и разыгрывали возмутительныя пародіи на аукціонъ. Прибавляютъ еще, что они при этомъ позволяли себѣ жестоко истязать туземцевъ. Оцѣнка захваченаго силой скота производилась самымъ произвольнымъ образомъ:

одинъ и тотъ же долгъ взыскивался *по три* и *по четыре* раза (Ler. F. Meyer, Wirtschaft und Recht des Hereros).

Путемъ мошенничества и насильственного вымогательства бѣлые отняли у гереро не только скотъ, но и *землю*. Последнее особенно обострило отношенія благодаря тому, что этимъ дикарямъ, все существованіе которыхъ зависить отъ земли, совершенно чужды были представленія о частной собственности на землю и о правѣ отчуждать ее.

„Какъ и у всѣхъ кочующихъ народовъ, у гереро нѣтъ индивидуальной собственности на землю. Но было бы большой ошибкой, если бъ на этомъ основаніи землю приняли бы за выморочную и объявили коронной. Весь народъ имѣетъ коллективное право на занятую имъ территорию, къ которой всѣ относятся съ трогательною любовью. Такимъ образомъ, въ области Дамара (земля племени гереро) исключена всякая возможность приобрѣтать землю въ личную собственность“. (F. Meyer).

Вотъ, слѣдовательно, та форма собственности, которая мѣшала развитію германской колонизаціи. Посмотримъ же, какъ капиталистическое правовое государство устранило со своего пути это препятствіе.

Прежде всего важно было, чтобы власть *главнаго вождя* племени гереро находилась въ подходящихъ рукахъ. Случай для выбора вождя представился, когда умеръ старый *Магареро*. Маіоръ Франсуа заставилъ провозгласить наслѣдникомъ его *младшаго сына Самуила*. Произволъ нѣмцевъ самымъ грубымъ образомъ нарушилъ наслѣдственное право туземцевъ.

„Въ 1890—91 г. германскія власти назначили Самуила Магареро верховнымъ вождемъ племени гереро. Наслѣдственное право гереро при этомъ совершенно не было принято въ соображеніе, ибо по этому праву наслѣдовать умершему вождю долженъ былъ Никодемъ или Тейтійоо“ (Missionär Yrle въ „Christliche Welt“ 1904 г.).

Почему это случилось? Какой интересъ представлялъ для нѣмцевъ Самуиль Магареро? Самъ маіоръ Франсуа характеризуетъ его, „какъ *тщеславнаго* человѣка, любящаго пожить и подверженнаго пьянству“. Но именно эти качества и дѣлали его особенно цѣннымъ для осуществленія плановъ германскаго колоніальнаго управленія. Въ вѣрномъ расчетѣ на его расточительность,

нѣмцы признали за нимъ право *отчуждать землю*, хотя отлично знали, что такого права онъ не имѣетъ. Итакъ, нарушивъ наслѣдственное право, нѣмцы сдѣлали вождемъ племени гереро завѣдомаго пьяницу для того, чтобы зажилить у него землю.

Закономѣрно ли поступаетъ тотъ, кто посылаетъ другого воровать лошадей, а потомъ за водку покупаетъ ворованное? Исключительно на такихъ правовыхъ основахъ построено землевладѣніе нѣмцевъ въ странѣ гереро.

Пьяница Самуиль Магареро продавалъ непринадлежавшую ему землю тѣмъ охотнѣй, что за нимъ, незаконнымъ наслѣдникомъ, не признаны были права на стада, оставленныя его отцомъ. Званіе верховнаго вождя онъ получилъ отъ нѣмцевъ, стада же отняли у него его единоплеменники.

Нѣмецкій ставленникъ разсуждалъ такъ:

„У меня нѣтъ такихъ большихъ доходовъ, какіе имѣлъ мой отецъ съ своихъ стадъ. Поэтому я продаю земли, кому хочу, такъ какъ деньги мнѣ нужны“.

„Военначальникамъ, которые протестовали противъ продажи земель, Самуиль Магареро заявилъ: я отберу у васъ, негодяевъ, послѣдній клочекъ земли и продамъ. Пасите свои стада на горахъ“. (Missionär Irle).

На это онъ имѣлъ такъ же мало права, какъ мало, напримѣръ, германскій императоръ имѣетъ права за ящикъ шампанскаго уступить французамъ крупновскіе заводы.

Теперь нѣмецкіе переселенцы могли „приобрѣтать“ земли, сколько хотѣли. Они начали „приобрѣтать“ земли, пуская въ ходъ тѣ кулаческіе приемы, о которыхъ мы говорили выше.

Разграбленіе земель приняло такіе невѣроятные размѣры, что, въ концѣ концовъ, даже германское колоніальное управленіе начало призадумываться. Опасность заключалась въ томъ, что у туземцевъ могли совершенно отнять землю, безъ которой они не могутъ существовать. Этого нельзя было допустить,—не изъ чувствъ гуманности, а потому, что гибель туземцевъ затруднила бы рѣшеніе „рабочаго вопроса“ въ колоніяхъ.

Какъ мы уже знаемъ, заключительнымъ моментомъ капиталистической культурной работы въ колоніяхъ являлось превращеніе туземцевъ въ наемныхъ рабочихъ. Стало

открытіемъ горныхъ промысловъ, проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. Африка вступила въ эту стадію колоніальнаго развитія. Поэтому на конференціи представителей колоніальныхъ державъ, состоявшейся въ 1885 году въ Берлинѣ, рѣшено было принять мѣры для сохраненія въ колоніяхъ туземнаго населенія. Для германскихъ владѣній въ юго-западной Африкѣ вопросъ о туземныхъ рабочихъ сталъ ребромъ съ открытіемъ мѣдныхъ рудниковъ. Саутсъ. Вестъ—Африканская Компанія быстро выработала планъ и разсортировала туземцевъ для работъ, какъ сортируютъ рабочій скотъ. Вотъ какъ производилась сортировка:

„Гереро и овамбо, населяющіе эту область,—хорошія расы. Они достаточно интеллигентны, чтобы производить подземныя работы и обладаютъ также достаточной физической силою для этого. Для работъ на поверхности земли мы можемъ употреблять *бушменовъ*, которые слабѣе физически и болѣе подвижны. *Горные же дамара и готтентоты* могутъ служить вполне надежными кучерами, пастухами и т. д.“ (Изъ Отчета Южно-Африк. Книги).

Такъ денежный мѣшокъ распоряжается людьми и народами.

Желаніе сохранить жизнь туземцевъ навело на мысль сохранить для нихъ опредѣленныя области. Какъ извѣстно, эту мѣру практиковали уже раньше американцы по отношенію къ краснокожимъ, что однако не остановило процесса вымиранія послѣднихъ.

Такъ какъ охранныя области въ Африкѣ должны были служить дѣлу сохраненія туземцевъ для промышленныхъ работъ, то возникло новое внутреннее противорѣчіе: если оставить туземцамъ достаточно земли для скотоводства, у нихъ будетъ мало склонности заниматься горными и всякими другими работами за плату. Впрочемъ, оставить имъ достаточно земли уже и нельзя было, такъ какъ весь аграрный конфликтъ возникъ именно по поводу экстенсивнаго скотоводства.

Туземцы поняли вопросъ о резервахъ очень просто: они поняли, что у нихъ будетъ отнята вся земля, за исключеніемъ небольшого обрѣзка—достаточно большого, чтобы не умереть съ голода, но слишкомъ маленькаго, чтобы съ него жить.

Такъ оно на дѣлѣ и было въ германскихъ владѣніяхъ въ юго-западной Африкѣ.

„Такимъ образомъ, значительная часть земли перешла въ руки бѣлыхъ; по Окагандскому договору вся область вокругъ Виндгуна, сданная прежде Яку Лонкеру, какъ вся область отъ Октво на сѣверъ, отнятая у цвартбогои готтентотовъ и гереро при Коендоттѣ,—всѣ эти земли были объявлены *коронными*. Лишь послѣ этого правитель сдѣлало нѣкоторые шаги для образованія земельных резервовъ въ области Дамара... Въ отведеніи имъ определенныхъ, ограниченныхъ областей гереро усмотрѣли нарушеніе правъ и гарантій, признанныхъ за ними договоромъ. Возможно, что области, отведенныя для резервовъ... дѣйствительно были малы. Во всякомъ случаѣ, это сильно обострило раздраженіе туземцевъ. Изъ переговоровъ о резервахъ туземцы сдѣлали выводъ, что ихъ хотятъ оттѣснить безводную область Ослжка, которую нѣмцы называютъ песчаными полями. Населеніе Котенберга прямо заявило: „Мы не будемъ больше обрабатывать нашихъ огородовъ, такъ какъ нѣмцы насъ все равно прогонятъ. Христіанинъ—гереро Юганнъ изъ Отіозуфо выразился такъ: нѣмцы отняли у насъ всю землю,—кусочекъ за кусочкомъ она перешла въ ихъ руки. А теперь они заявили что для насъ остается только небольшой кусочекъ земли въ Омагекѣ; на остальную наша нога не должна больше ступать. А между тѣмъ, вѣдь, вся эта земля—наша“ (F. Meyer).

Въ то же время германское колониальное управленіе сообщало: „За исключеніемъ области Овамбо, владѣнія Германіи въ юго-западной Африкѣ можно считать *вполнѣ умиротворенными*“ (Докладная записка по бюджету 1900 года).

Вскорѣ послѣ этого донесенія разыгралась большая война съ гереро.

„По своему старинному обычаю, женщины племени гереро и теперь слѣдуютъ за колоннами сражающихся фанатизируя мужчинъ монотоннымъ пѣніемъ одного и того же: „Кому принадлежитъ земля гереро? Намъ принадлежитъ земля гереро“.

Такъ культурная работа буровъ, англичанъ и, наконецъ, нѣмцевъ заставила гереро выступить въ борьбу на жизни

и смерть. Необходимость отчаянной борьбы была такъ очевидна, что даже самъ *Самуилъ Магареро* вынужденъ былъ объявить войну нѣмцамъ,—тотъ самый вождь, который болѣе всѣхъ былъ заинтересованъ въ сохраненіи германскаго владычества, такъ какъ Германіи онъ обязанъ былъ и своей властью, и своими богатствами.

Вліятельные люди гереро такъ раздражены противъ Самуила, что изъ страха предъ ними онъ не рѣшился возвратиться въ Окоганду по обычной дорогѣ, а избралъ очень трудный путь черезъ горы... Въ концѣ концовъ *Самуилъ Магареро* вынужденъ былъ что-нибудь предпринять, чтобы спасти свою жизнь отъ собственныхъ людей. Тогда онъ и сдѣлалъ непоправимое: издалъ призывъ къ возстанію *противъ нѣмцевъ*, которымъ онъ самъ продалъ землю, которую, опираясь на свое право собственности, распорядились ею, какъ единственные хозяева областей гереро“ (Missionär Irle).

Само собою понятно, что призывъ вождя былъ только сигналомъ къ возстанію, самое же возстаніе было подготовлено задолго до того. На многочисленныхъ собраніяхъ, которыя часто происходили ночью, чтобы не обратить вниманія бѣглыхъ, обсуждалось положеніе всѣхъ отдѣльных поселеній гереро. Наконецъ, всюду весь народъ твердо рѣшилъ лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ обречь себя на постепенное, медленное вымирание. Пошлое и подлое фарисейство представляютъ насмѣшки надъ „освободительной войной“ гереро, насмѣшки, въ оправданіе которыхъ посылаются на то, что рѣчь идетъ о „дикаряхъ“ и цвѣтнокожихъ. Впрочемъ, въ дѣйствительности гереро уже давно не дикари; они стоятъ на культурномъ уровнѣ, гораздо болѣе высокомъ, чѣмъ тотъ, на которомъ стояли древніе германцы, такъ прославляемые нѣмецкой школьной исторіей.

Гереро имѣли неизмѣримо больше правъ на войну противъ нѣмцевъ, чѣмъ буры на войну противъ англичанъ. Насилія, которыя позволяли себѣ англичане надъ бурами, совершенно блѣднѣютъ предъ насиліями, которыя совершали нѣмцы надъ племенемъ гереро.

Пусть никто не думаетъ, что гереро питали какія-либо иллюзіи относительно исхода войны. Эти „дикари“ очень хорошо знали, чѣмъ рискуютъ, но имъ ничего не оставалось, кромѣ отчаянной рѣшительной борьбы.

У насъ есть свидѣтельство миссіонера *А. Кульмана*, очень благонамѣреннаго нѣмца. Для его характеристики достаточно упомянуть о томъ, что онъ, на примѣръ, сомнѣвался, долженъ ли заботиться о спасеніи душъ своей цвѣтнокожей общины, которая возстала противъ нѣмецкихъ властей. Этотъ благонамѣренный нѣмецъ пишетъ въ своихъ отчетахъ Рейнскому миссіонерскому обществу:

„Не могу не упомянуть также о нѣкоторыхъ наблюденіяхъ, которыя я сдѣлалъ не только здѣсь, но и въ другихъ военныхъ лагеряхъ. Именно: въ разговорѣ воины часто выражали мысль, что эта война безконечна, что не скоро имъ придется вновь встрѣтиться съ своими учителями (миссіонерами)! Нерѣдко даже тотъ или другой говорилъ, что эта война окончится гибелью всего племени гереро“.

Этотъ миссіонеръ передаетъ такія выраженія гереро-христіанъ:

„Учитель, мы знаемъ, что начали трудную войну. Германскій императоръ скоро пришлетъ миллионы солдатъ, и многіе изъ насъ умрутъ. Если мы всѣ перемремъ, напиши императору, всѣмъ нѣмцамъ и великимъ учителямъ,—напиши: въ этой войнѣ виновны не солдаты, противъ которыхъ мы ничего не имѣемъ, которые спокойно могутъ остаться въ странѣ. Въ этой войнѣ виновны купцы, которые не давали намъ жить своей торговлей; когда мы покупали у нихъ въ долгъ, — это было для насъ несчастьемъ, не покупать въ долгъ — тоже было несчастьемъ. Они безпрерывно мучили насъ“.

„Другой показалъ мнѣ зубы и сказалъ: учитель, ты видишь, сколько недостаетъ? Это мнѣ выбилъ купецъ въ Огіомбо“.

„Велико было раздраженіе гереро и по поводу унижительнаго обращенія съ ними нѣкоторыхъ другихъ бѣлыхъ. Но негодованіе противъ купцовъ не имѣло границъ; противъ нихъ постоянно раздавались жалобы. Гереро говорятъ, что дѣйствительными хозяевами въ странѣ были купцы, которые отняли у нихъ землю и скотъ. Часто упоминаютъ и о резервахъ. Гереро совершенно не поняли, въ чемъ дѣло, но увѣрены въ томъ, что у нихъ отняли землю“.

Жестокая участь, постигшая гереро, извѣстна. Приве-

демъ только сжатое сообщеніе миссіонера *Г. Ирле*, одного изъ лучшихъ знатоковъ страны, проведеннаго среди гереро 34 года.

„Попытка запереть гереро при Ватсбергѣ въ августѣ 1904 года не имѣла успѣха. Главная масса гереро съ ихъ стадами пробилась на востокъ. Наши войска ихъ преслѣдовали на востокъ, насколько позволяли эти безводныя мѣста. Ужасы, выпавшіе на долю гереро, не поддаются описанію. Только ничтожная ихъ часть, около 1700 человѣкъ, достигла англійской границы. Остальные — вѣроятно, до 14000—вмѣстѣ съ своими стадами нашли ужасную смерть въ безводной пустынѣ. Голодь и жажда уничтожали обезумѣвшихъ людей и животныхъ. Все богатство страны большею частью уничтожено здѣсь“.

Въ концѣ 1904 года и въ первые мѣсяцы 1905-го въ западной части страны, въ тылу нѣмецкихъ войскъ появились толпы гереро, съ ничтожнымъ количествомъ скота. Отчасти это были шайки грабителей, вышедшіе на дорогу, чтобы утолить свой голодь, отчасти же — небольшіе таборы беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, питавшихся молокомъ и дикими плодами. Они были измучены войною, лишены всего. Но имъ всѣмъ извѣстна была вторая прокламація генераль-лейтенанта *фонъ-Трота* отъ 2 октября 1902 года. Эта прокламація оказала рѣшающее вліяніе на ихъ дальнѣйшее поведеніе: они рѣшили не сдаваться нѣмецкимъ войскамъ. Когда стало извѣстнымъ, какимъ несчастьямъ подвергаются гереро въ пустынѣ, Рейнское миссіонерское общество предложило имперскому канцлеру свои услуги для того, чтобы побудить остатки племени къ сдачѣ. Миссіонеры получили разрѣшеніе призвать гереро обратно. Двое миссіонеровъ отправились лично въ пустыню и посѣтили гереро; остальные миссіонеры отправили къ гереро своихъ людей съ письменнымъ приглашеніемъ вернуться. Очень многіе готовы были послѣдовать призыву, если бы дано было обѣщаніе, что ихъ не убьютъ, будутъ употреблять для работъ, какъ плѣнныхъ, и что ихъ будутъ кормить. Нѣкоторые, обезсиленные и до ужаса исхудавшіе, немедленно послѣдовали приглашенію. До настоящаго времени вернулось не болѣе 7000 человѣкъ, — лишь ничтожная часть тѣхъ 80000 человѣкъ, которыхъ насчитывалъ этотъ народъ до возстанія. У плѣнныхъ отняли оружіе и тѣ жалкіе остатки

скота, которые у нихъ еще сохранились. Тѣхъ, которые еще оказались пригодными для работъ, отправили въ качествѣ *рабочихъ* на отавійскую желѣзную дорогу, въ Свакопмундъ, Виндчукъ, въ Людерицкую бухту и т. д. Въ Окагандва въ августъ 1906 года въ четырехъ деревняхъ было около 1500 плѣнныхъ, въ Свакопмундѣ—около 2000, большею частію женщинъ и дѣтей. Среди дѣтей 40 процентовъ круглыхъ сиротъ и 40 процентовъ потерявшихъ одного изъ родителей. Въ Свакопмундѣ гереро, не привыкшіе къ западному и сырому климату, попали на холодное сырое побережье. Къ тому же они вначалѣ *были лишены почти всякой одежды и всякой защиты отъ холода*. Поэтому, не смотря на хорошую пищу, изъ плѣнныхъ въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ умерло 792 человѣка. Тоже самое было въ Окагандва, въ Виндчукъ и Людерицкой бухтѣ. Изъ моей общины въ Отвозальца, въ которой до возстанія насчитывалось 756 крещенныхъ, въ живыхъ осталось и вернулось на мѣсто 173 человѣка; изъ нихъ уже въ Отвозальцѣ въ короткое время умерло еще 35. Земля гереро большей частію превратилась въ наводящую ужасъ пустыню. Всѣ степныя рѣчки и источники зачумлены трупами людей и животныхъ. До ноября 1905 года отъ разныхъ болѣзней умерло больше солдатъ (527), чѣмъ пало ихъ въ сраженіяхъ (520). Погибло все прежнее богатство страны, стада гереро и переселенцевъ". (*I. Irle, Was soll aus den Hereros werden?*)

Читатель видитъ отсюда, что если возставшими гереро руководило отчаяніе, то нѣмцами руководило стремленіе все разрушать и уничтожать. Что предъ этимъ массовымъ уничтоженіемъ людей возмутительная жестокости какого нибудь *Велана* или принца *фонъ-Аренберга*! Жестокости отдѣльных лицъ можно устранить, но съ хозяйничаньемъ капитализма неразрывно связана *система*, которая гораздо хуже частнаго проявленія жестокости, въ которой заключается весь корень зла. Вотъ чего не видятъ наши ревизионистскіе поклонники колоніальной политики, чего они не хотятъ видѣть.

Само правительство уже давно поняло дѣйствительную сущность дѣла.

Такъ,—чтобы не ходить далеко за примѣромъ,—г. Дернбургъ въ своей агитаціонной рѣчи во время избиратель-

ной кампаніи сказалъ:

„Когда накладываешь сильную руку на существующія испоконъ вѣка привычки, семейныя отношенія, когда... выступаешь въ походъ противъ суевѣрія, когда силой внѣдряешь правовыя понятія тамъ, гдѣ нѣтъ соответствующаго правового чувства, когда управляешь по-нѣмецки, съ точностью придворной канцеляріи въ Потсдамѣ, когда требуешь слишкомъ напряженнаго труда отъ негровъ, трудоспособность которыхъ очень ограничена, отчасти вслѣдствіе не-привычки къ труду, отчасти вслѣдствіе ужаснаго климата, когда, наконецъ,—я говорю это вполнѣ обдуманно,—при извѣстныхъ условіяхъ нельзя не считаться съ нѣкоторыми дурными и жестокими обычаями,—когда дѣлаешь все это, то *естественно создается почва для непрерывныхъ конфликтовъ*. А если имѣешь дѣло еще съ туземцами, гордыми, хорошо вооруженными и увѣренными въ своемъ численномъ превосходствѣ, то, *само собою понятно, что дѣло должно закончиться возстаніемъ*“.

Какъ мы, впрочемъ, уже знаемъ, въ германскихъ владѣніяхъ въ юго-западной Африкѣ не только „внѣдряли“ чуждыя населенію правовыя понятія, но самымъ грубымъ образомъ нарушали право собственности туземцевъ и вообще выбросили за бортъ всякое правовое понятіе о собственности.

Такова культурная работа нѣмцевъ въ Африкѣ.

Мнѣ кажется, что мы, социалисты, менѣе всего заинтересованы въ поддержаніи лжи. Когда мы обсуждаемъ колоніальные вопросы, мы говоримъ о *дѣловыхъ предпріятіяхъ*, объ образованіи капиталистической прибыли. Съ цивилизаторскими задачами все это не имѣетъ ничего общаго. Напротивъ: всѣ разговоры о культурной миссіи—сплошное плуменіе надъ цивилизаціей и гуманностью.

Колоніи и развитіе капитализма въ Европѣ.

Исторія колоній такъ же стара, какъ и исторія торговли. Но торговля принимала новыя формы, приобрѣтала новое значеніе съ измѣненіемъ хозяйственныхъ основъ общества. При этомъ измѣненія отчасти вызывались интересами са-

мой торговли. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими перемѣнами мѣнялись также связь и взаимныя отношенія между колоніями и ихъ метрополіями. Для капиталистическаго государства колоніи имѣютъ различное значеніе въ различные періоды его развитія. Помимо непосредственнаго значенія колоній, колоніальный вопросъ всегда еще связывался съ вопросомъ объ ознакомленіи съ дальними странами, объ отвлеканіи территорій, естественныя богатства которыхъ еще остаются нетронутыми, съ вопросомъ о существованіи народовъ, экономическая жизнь которыхъ стоитъ еще на болѣе или менѣе первобытной ступени развитія. Нелѣпа была бы въ настоящее время мысль пуститься въ океанъ, чтобы отыскивать новый путь въ Восточную Индію или чтобы открыть новую Америку. Такъ же нелѣпо было бы судить о германскихъ исканіяхъ въ Африкѣ—по значенію, которое Восточная Индія и Америка нѣкогда имѣли для развитія европейской промышленности. Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о современной колоніальной политикѣ, недостаточно считаться только съ капиталистическимъ характеромъ общества; необходимо принять въ расчетъ также степень развитія капиталистическаго производства, фактическія отношенія мірового рынка и фактически существующія отношенія въ колоніяхъ.

Когда испанцы и португальцы, голландцы и англичане отправлялись въ *Восточную Индію*, они очень хорошо знали, чего ищутъ. Восточная Индія была сказочнымъ царствомъ неисчерпаемыхъ сокровищъ, которыхъ въ Европѣ совсѣмъ не находили или находили въ ничтожныхъ количествахъ. Тамъ было царство золота и серебра, алмазовъ и другихъ драгоценныхъ камней, жемчуга, пряностей, тонкихъ бумажныхъ и шелковыхъ тканей, матеріаловъ для красокъ (индиго). Торговля этими товарами велась сухимъ путемъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Дорогу европейцамъ преграждали арабы. Черезъ ихъ руки шла вся торговля съ восточной Индіей,—слѣдовательно, и со всей восточной Азіей. Изъ рукъ арабовъ получали купцы италіянскихъ портовыхъ городовъ восточные товары, которые при посредничествѣ Венеціи распространялись затѣмъ по всѣмъ торговымъ мѣстамъ Европы. Когда открытъ былъ морской путь въ Индію,—обѣздной вокругъ всей Африки,—арабы вооруженной рукой вытѣснили изъ восточно-индійскихъ

приморскихъ городовъ. При этомъ первомъ шагѣ, составившемъ эпоху въ европейской колоніальной политикѣ, дѣло шло, слѣдовательно, о пробитіи бреши въ *торговой монополии*—о *революционизирующемъ* облегченіи торговыхъ сношеній.

Для великихъ перемѣнъ, послѣдовавшихъ за этимъ событіемъ, рѣшающее значеніе имѣлъ не тотъ политическій фактъ, что мѣсто арабовъ заняли португальцы, а тотъ экономическій фактъ, что вмѣсто сухого пути, на которомъ арабы были неизбѣжными посредниками, открытъ былъ *морской путь для прямыхъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній*. Почти въ одно время съ открытіемъ морского пути въ Индію произошло и открытіе Америки (1492 годъ, а въ восточную Индію португальцы въ первый разъ проникли морскимъ путемъ въ 1498 году). Благодаря открытію Америки морской путь въ Индію приобрѣлъ еще больше значенія. Средиземное море, въ которомъ до того скрещивались всѣ міровые торговые пути, упало въ своемъ значеніи, уравнилось со второстепенными морями. Страны Леванта, лишенная значенія единственнаго посредника, начали приходить въ упадокъ. Напротивъ, богатѣе и приобрѣтать значеніе начали города по побережью Атлантическаго океана, который теперь превратился въ великое связующее звено всего мірового общенія. За Португаліей и Испаніей послѣдовали Голландія, Англія и Франція.

Хотя главное значеніе колоній и заключалось въ расширеніи и всеобщемъ распространеніи торговыхъ сношеній, но колоніальныя государства сознательно всѣми силами боролись именно противъ этихъ уравнивательныхъ экономическихъ тенденцій: каждое отдѣльное государство старалось создать для себя торговую монополію и вытѣснить остальные конкурирующія государства. Для достиженія этой цѣли пускались въ ходъ самыя крайнія средства, велись самыя кровопролитныя войны. Такъ, напримѣръ, чтобы сдѣлать невозможной конкуренцію французскихъ поселенцевъ на островѣ Гаити, испанцы вообще прекратили торговые сношенія съ островомъ—„только *разъ въ три года* въ С. Доминго приходилъ правительственный корабль“. (Lupan). Этотъ маленькій примѣръ доказываетъ, между прочимъ, что уже въ самой трудности и продол-

жительности океанических путешествій заключалось условіе для возникновенія нѣкоторыхъ монополій. Дальнѣйшіе успѣхи торговыхъ сношеній требовали устраненія трудностей, сношеній но отдѣльныхъ государства торопились использовать эти трудности, какъ свои привилегіи.

Чтобы сохранить высокія монопольныя цѣны на товары, ограничивали свободу передвиженія кораблей; ставили затрудненія даже торговымъ сношеніямъ съ Европой. Чтобы искусственно поднять цѣны, не разъ сжигались громадныя запасы пряностей.

Если бъ осуществились желанія Португаліи или Испаніи создать для себя вѣчную мировую монополию въ колоніяхъ, то экономическое развитіе Европы было бы задержано на долго. Но именно потому-то и не могли осуществиться подобныя желанія. Колоніальная система всѣхъ остальныхъ государствъ ничѣмъ не отличалась отъ системы испанской или португальской. Колоніальная борьба различныхъ государствъ открыла дорогу тому мощному развитію производства, которое связано съ ростомъ колоній. Развитіе колоній оказало громадное вліяніе на характеръ производства въ Европѣ; коренныя измѣненія въ производствѣ, въ свою очередь, оказали большое вліяніе на развитіе колоній. Но весь процессъ совершался вопреки колоніальной политикѣ европейскихъ правительствъ. Каждый новый шагъ былъ результатомъ непрерывной экономической и политической борьбы противъ стремленій этихъ правительствъ¹⁾.

Съ открытіемъ морскаго пути въ Восточную Индію и въ Америку дана была географическая возможность для эк-

1) Это adnotam для тѣхъ послѣдователей широко распозншагося вульгарнаго марксизма, которые превратили матеріалистическій методъ въ исторію въ историческій фатализмъ. Въ своемъ рвеніи они, между прочимъ, совершенно проглядѣли, что методъ Маркса созданъ именно въ борьбѣ противъ того историческаго фатализма, который якобы основывался на гегеліанской діалектикѣ. Эти господа думаютъ, что, разъ политика капиталистическаго государства въ послѣднемъ счетѣ обуславливается капиталистическимъ развитіемъ производства, то всѣ мѣропріятія правительствъ капиталистическихъ государствъ непогрѣшимы, составляютъ своего рода decocum historiae, отвара мировой исторіи. Въ дѣйствительности мѣропріятія капиталистическихъ правительствъ представляютъ только продуктъ фізіологическихъ выдѣленій мировой исторіи.

сплуатациі этихъ новыхъ міровъ. Но для того, чтобы широкое общеніе съ колоніями сказалось на характерѣ европейскаго производства, должны были еще совершиться *соціальныя перемѣны* въ самой Европѣ.

Пока главными потребителями товаровъ оставались дворъ, дворянство и духовенство, товарный рынокъ былъ очень ограниченъ количественно и качественно. Запросъ былъ только на предметы роскоши. Требовались дорогіе и рѣдкіе товары,—между прочимъ и гастрономическіе. Основой въ торговлѣ было: не большой сбытъ и высокія цѣны. Такъ, на примѣръ, въ Лиссабонѣ въ концѣ 10 столѣтія существовали (по Dr. A. Zimmermann, Eür. Kolonien) такія цѣны:

1 фунтъ перца	1. 50 марокъ
1 фунтъ лорицы	3. 20 "
1 фунтъ гвоздики	3. 50 "
1 фунтъ имбиря	3. 00 "
1 фунтъ мускатныхъ орѣховъ	5. 25 "

При случаѣ цѣны еще сильно повышались. Такъ, на примѣръ, въ 1591 году англичане подняли цѣну на перецъ съ 3 на 6—8 шиллинговъ (Supan).

Читая эти цифры, начинаешь понимать, почему вопросъ о пряностяхъ игралъ такую большую роль въ средне-вѣковой торговлѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ становится также яснымъ, что для дальнѣйшаго развитія торговли необходимо было уничтожить эти высокія цѣны, хотя ихъ и старались сохранить суровыми мѣрами, такъ какъ онѣ приносили громадныя доходы торговымъ предпріятіямъ и правительствамъ. Торговые интересы отдѣльныхъ купцовъ и финансовыхъ интересы правительствъ были несовмѣстимы съ дальнѣйшимъ развитіемъ торговли.

Расширеніе рынка шло рука объ руку съ развитіемъ городовъ. Города имѣли особенно большое значеніе потому, что, благодаря имъ, въ товарныя и денежныя отношенія все шире вовлекались и дворянство, и крестьянство. Само собою разумѣется, и здѣсь все основывалось на взаимодѣйствіи. Города обогащались продажей колоніальныхъ продуктовъ дворянству и духовенству; многіе изъ дворянъ и духовныхъ сильно задолжали городскимъ купцамъ и ростовщикамъ и начали больше нажимать на крестьянъ; крестьяне отъ притѣсненій убѣгали въ города. Такъ, вмѣстѣ

съ богатствами въ городахъ возрастало и населеніе, возрасталъ спросъ на товары. Городскіе рынки расширились не только количественно, но и качественно: возросло не только *потребленіе*, но и *производство*, увеличился спросъ на *сырье и матеріалы для промышленной обработки*.

Только въ 18 столѣтіи колоніальные товары начинаютъ потребляться въ широкихъ размѣрахъ. Въмѣсто пряностей главную роль въ колоніальной торговлѣ начинаютъ играть продукты, потребляемые въ большихъ количествахъ: табакъ, кофе, чай, сахаръ. Однако, рынокъ и для этихъ товаровъ остается еще ограниченнымъ потребностями высшихъ класовъ и верхнихъ слоевъ городской буржуазіи; начинаютъ они, хотя въ незначительныхъ размѣрахъ, потребляться и въ арміи. Крестьянину не доводится ихъ и пробовать. Тѣмъ не менѣе спросъ уже такъ великъ, что оказывается выгоднымъ поселяться въ колоніяхъ и тамъ культивировать продукты для европейскаго рынка.

Это начало новаго фазиса въ отношеніяхъ Европы къ ея колоніямъ. До этого момента отношенія имѣли только *торговый* характеръ, т. е. представляли обворовываніе, расхищеніе, разграбленіе естественныхъ богатствъ чужихъ странъ; теперь наступаетъ періодъ *плантаціоннаго* хозяйства. Какъ уже указано въ другомъ мѣстѣ, для хозяйничанія въ плантаціяхъ капиталу необходимо располагать большимъ количествомъ *человѣческой рабочей силы*. Начинается грандіозная охота на людей, переселеніе негровъ на Индійскіе острова и въ Америку.

Въ то же время въ Европѣ совершаются новыя социальныя измѣненія, которыя даютъ сильный толчекъ дальнѣйшему развитію Сѣверной Америки. Одновременно съ ростомъ въ городахъ буржуазіи, которая расширяетъ товарный рынокъ и для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей увеличиваетъ спросъ на разные продукты, одновременно съ этимъ въ тѣхъ же городахъ появляется *пролетаріатъ*, который ищетъ примѣненія своей рабочей силѣ. Первое мѣсто въ этой эволюціи занимаетъ Англія.

„Прологъ къ перевороту, послужившему основной для капиталистическаго производства, разыгрался въ послѣднюю треть 15 столѣтія и въ первыя десятилѣтія 16-го. Паденіемъ старыхъ феодальныхъ отношеній выбросило на рабочій рынокъ массу бездомныхъ пролетаріевъ... Непосред-

ственнымъ толчкомъ къ перевороту въ Англіи послужилъ, главнымъ образомъ, расцвѣтъ *мануфактурной обработки шерсти* во Фландріи и соответственное повышеніе цѣнъ на необработанную шерсть. Феодальное дворянство не воскресло послѣ большихъ феодальныхъ войнъ; новое дворянство было истинное дитя своего времени, для котораго олицетвореніемъ высшаго могущества были *деньги*. Лозунгомъ новаго дворянства было: превращеніе пахотной земли въ пастбища для овецъ“ (К. Марх, Капитал I.)

Отсылаю читателя къ главѣ изъ „Капитала“ Маркса, изъ которой заимствована эта цитата. Тамъ можно видѣть, съ какою утонченностью и безпощадностью совершалась экспроприація крестьянина и его превращеніе въ безземельнаго и бездомнаго пролетарія. Насъ же здѣсь не такъ сильно интересуеъ самый процессъ, какъ его послѣдствія.

„Паденіе старыхъ феодальныхъ отношеній и совершавшаяся толчками насильственная экспроприація земли оставили безъ крова массу пролетаріата, который не могъ поглотиться развивавшейся мануфактурой съ такой быстротой, съ какой его выбрасывали на улицу. Да и помимо этого, неожиданно выбитые изъ своей обыденной жизненной колеи не могли сразу приспособиться къ дисциплинѣ новыхъ условій жизни. Многіе превратились въ нищихъ, въ разбойниковъ, въ бродягъ, — отчасти изъ склонности къ бродяжничеству, въ большинствѣ же случаевъ подъ давленіемъ безысходной нужды.

„Отсюда—такое кровавое законодательство противъ бродяжничества во всей Западной Европѣ въ концѣ 15 и въ продолженіе всего 16 столѣтія“ (К. Марх.)

Несчастные, у которыхъ капиталъ дома вырвалъ послѣдній клочекъ земли изъ-подъ ногъ, частью кинулись въ Америку искать новой родины. Новый *соціальный слой*, переселявшійся въ Америку, заложилъ основну для величайшей въ мірѣ колонизаціи.

Изъ кого, въ сущности, состояли остальные элементы, отправлявшіеся въ Америку? Это были авантюристы, которымъ хотѣлось быстро разбогатѣть. Въ новую страну они ничего не приносили съ собою, кромѣ ненасытной жадности. Они грабили все, что только можно было грабить, и даже тамъ, гдѣ они заводили плантаціи, все дѣло

держалось только руками негровъ, которыхъ до смерти замучивали работой; постоянный привозъ новыхъ негровъ изъ Африки давалъ возможность продолжать дѣло. Эти переселенцы-авантюристы охотнѣе всего отправлялись въ *тропическія* и даже *южно-тропическія* области, которыя по климату менѣе удобны для европейцевъ, но легче поддаются хищнической эксплуатаціи. Число такихъ европейцевъ было не велико, но громадно было опустошеніе, которое они производили въ странѣ.

Пролетаризированные крестьяне, отправлявшіеся въ Америку, искали не золота, не невольничьяго труда, а только земли, къ которой они могли бы производительно прилагать свою *рабочую силу*. Они поэтому выбирали для поселенія такія мѣста, которыя по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ наиболѣе соотвѣтствовали бы европейскимъ. Благодаря различному соціальному характеру обѣихъ переселявшихся группъ и соотвѣтственному различію избираемыхъ для поселенія мѣстъ создалось два типа колоній. Характеръ каждого типа ярко выступаетъ передъ глазами, если только сравнить экономическое и культурное состояніе Сѣверной и Южной Америки. А между тѣмъ, по своимъ природнымъ даннымъ Южная Америка неизмѣримо богаче Сѣверной. Какой отсюда можно сдѣлать выводъ? Да только тотъ, что развитіе колоній въ меньшей степени зависитъ отъ ихъ природныхъ богатствъ, чѣмъ отъ примѣняемой въ нихъ *рабочей силы*. Можно сдѣлать еще одинъ выводъ: своимъ процвѣтаніемъ Сѣверная Америка обязана не купцамъ, не колоніальнымъ чиновникамъ, не буржуазіи, не капиталистическимъ любителямъ барышей, а исключительно *пролетаризированному европейскому крестьянству*. Тѣмъ самымъ бродягамъ и нищимъ для которыхъ въ Европѣ не находилось иного мѣста, кромѣ богадѣльни и каторги, съ которыми въ Европѣ не умѣли обращаться иначе, какъ съ кнутомъ въ рукѣ,—это имъ новый міръ обязанъ своими богатствами, своимъ блескомъ.

Съ крестьянскимъ переселеніемъ начинается въ Америкѣ *воздѣлываніе хлѣба*. Но для того, чтобы Европа могла извлечь пользу изъ американскаго хлѣба, необходима была и техническая предпосылка—усовершенствованіе перевозки. Она дана была съ изобрѣтеніемъ *парохода*. *Техническая*

революція, совершившаяся въ концѣ 18 столѣтія, вообще оказала рѣшающее вліяніе на отношенія Европы къ ея колоніямъ.

Мы уже указывали на то, что развитіе городской промышленности создало рынокъ для потребностей новаго производства. На ряду съ краской для тканей (индиго) среди возимыхъ изъ колоній товаровъ видное мѣсто начинаютъ занимать *хлопчатобумажныя нитки и хлопко* въ сыромъ видѣ. Однако, до изобрѣтенія механическаго ткацкаго станка, обработка хлопчатой бумаги имѣетъ въ Европѣ очень скромные размѣры. Съ изобрѣтеніемъ ткацкаго станка совершается переворотъ въ текстильной промышленности, и въ то же время фабрика начинаетъ вытѣснять мануфактуру. Въ торговыхъ сношеніяхъ съ колоніями *хлопчатая бумага* все болѣе выступаетъ на первый планъ. Восточная Индія изъ поставщика предметовъ роскоши и лакомствъ превращается въ необходимѣйшій факторъ промышленнаго развитія Европы, такъ какъ она поставяетъ самый важный для того времени сырой матеріалъ.

Развитіе хлопчатобумажной промышленности въ Англіи вызвало быстрый расцвѣтъ *культуры хлопка* въ Америкѣ. Въ это же время, благодаря введенію машинъ, англійская фабрика вновь выбросила на улицу массу рабочихъ, увеличившихъ потокъ переселенія въ Америку. И всѣ эти процессы усиливаются, принимаютъ болѣе быстрый темпъ, благодаря развитію пароходства.

Какъ извѣстно, въ концѣ 18 столѣтія американскіе переселенцы завоевали себѣ независимость отъ метрополіи. Освобожденіе отъ вліянія англійской колоніальной политики было необходимымъ политическимъ условіемъ для дальнѣйшаго развитія колоній.

Таково было положеніе дѣлъ въ концѣ 18 и въ началѣ 19 столѣтія. Даны были всѣ *предпосылки* для процвѣтанія Сѣверной Америки. Но полный расцвѣтъ наступилъ нѣсколько позже. Америка въ томъ видѣ, какой она теперь имѣетъ,—порожденіе 19 столѣтія.

Колоніи и развитіе капиталистическаго мірового рынка.

Въ 1800 году Соединенные Штаты насчитывали едва 5,3 миллиона жителей, въ 1900 г. — 78 миллионѣвъ. Въ періодъ 1821 — 1900 гг. зарегистрировано 19,5 миллионѣвъ переселенцевъ въ Америку. Въ дѣйствительности, переселилось, безъ сомнѣнія, гораздо больше людей, чѣмъ зарегистрировано.

Въ Европѣ капиталистическая промышленность захватываетъ одну страну за другой и пролетаризуетъ все большія и большія массы крестьянъ; въ связи съ этимъ увеличивается и потокъ переселенцевъ изъ Европы въ Америку. Не лишено будетъ интереса поближе разсмотрѣть здѣсь статистику переселенія въ Новый Свѣтъ.

Иммиграція въ Соединенные Штаты.

Годъ.	Чел.
1821 — 30	143439
1831 — 40	598126
1841 — 50	1713251
1851 — 60	2598214
1861 — 70	2466752
1871 — 80	2944695
1881 — 90	5189004
1891 — 1900	3844420

1821 — 1900 19468900

Сѣверная Америка сдѣлалась бассейномъ, куда стекались всѣ массы пролетаризованнаго въ Европѣ населенія. Тотъ самый ирландскій мелкій арендаторъ, тотъ самый нѣмецкій крестьянинъ, которые вѣками вели самое жалкое существованіе, которые едва въ состояніи были поддерживать ту нищенскую жизнь, въ которой родились, — это они создали американское сельское хозяйство, американскую промышленность, американское государство, американскую культуру.

До 60-хъ годовъ 19 столѣтія въ американскомъ вывозѣ господствующую роль играла хлопчатая бумага. Только съ этого времени первенствующую роль начинаетъ играть вывозъ зерноваго хлѣба. И это потому, что въ большихъ

количествахъ производить хлѣбъ можно было лишь тогда, когда достаточно разрослось населеніе страны. Громадные транспорты американскаго хлѣба, наводнившего Европу въ 60-хъ годахъ, были дѣломъ рукъ тѣхъ ирландцевъ, которые въ 40-хъ годахъ покинули родину потому, что тамъ они остались безъ хлѣба ¹⁾

Въ 80-хъ годахъ Америка, кромѣ зерноваго хлѣба, начала доставлять еще большими количествами и мясо.

Этимъ Америка достигла кульминаціоннаго пункта того, чего вообще колонія можетъ достигнуть въ своихъ отношеніяхъ къ метрополіи. Доставкой хлопчатой бумаги колоніи вывели европейскую текстильную индустрію изъ тѣхъ тѣсныхъ рамокъ, въ которыхъ держало ее сельское хозяйство въ Европѣ; доставкой пищевыхъ продуктовъ Америка освободила всю европейскую индустрію вообще отъ власти сельскаго хозяйства Европы. Для промышленности явилась возможность собирать вокругъ себя народъ, пищевыя потребности котораго только отчасти покрываются европейскимъ сельскимъ хозяйствомъ. Этотъ моментъ въ торговлѣ долженъ былъ оказать революціонизирующее вліяніе на все европейское сельское хозяйство, такъ какъ торговля проявила тенденцію понизить сильно поднявшуюся въ Европѣ земельную ренту до уровня, при которомъ европейское земледѣліе оказалось бы въ состояніи конкурировать съ американскимъ. Поэтому то американская торговля и натолкнулась на политическое противодѣйствіе со стороны европейскихъ капиталистическихъ землевладѣльцевъ, которые таможенными пошлинами старались парализовать американскій ввозъ. Съ какимъ успѣхомъ дѣйствовали европейскіе землевладѣльцы, мы уже показали въ главѣ объ американской конкуренціи.

Въ этой таможенной борьбѣ мы имѣемъ яркій примѣръ тому, какъ иногда политика капиталистическаго государства становится въ противорѣчіе съ интересами самой капиталистической эволюціи. Поддерживать на высотѣ земельную ренту было въ интересахъ одного только класса

¹⁾ Населеніе Ирландіи составляло:

1821 г. 68 миллионѣвъ	1851 г. 6,2 миллионѣвъ	1881 г. 5,2 миллионѣвъ
1831 " 78 " "	1861 " 4,8 " "	1891 " 4,7 " "
1846 " 83 " "	1871 " 5,4 " "	1901 " 4,5 " "

капиталистических землевладельцев; однако этот класс сумел использовать в своих интересах всю силу государства. Желания землевладельцев были исполнены, хотя это и задержало сельско-хозяйственное развитие Европы на целую четверть века, задержало и общее промышленное развитие Европы. Стеснение промышленности однако прошло незаметно для общественного сознания потому, что производство было стеснено не абсолютно, а только относительно. Так как для капиталистов решающее значение всегда имеют только непосредственные интересы дела, то им ход промышленного развития казался вполне нормальным.

Таможенная война против ввоза американских сельскохозяйственных продуктов представляет *колоссальный бунт Европы против ее колоний*. Смысл и сущность колониальной политики заключались в использовании продуктов и естественных богатств колоний; смысл и сущность охранительных пошлин заключаются в ограждении себя от продуктов и естественных богатств тех же колоний. Плодородная почва придавала Сѣверной Америкѣ большую ценность, какъ колоніи, но именно отъ плодородія сѣверо-американской почвы теперь ищутъ спасенія въ пошлинахъ

Особенность мышления капиталистов заключается в томъ, что противорѣчія, вытекающія изъ капиталистической эволюціи, имъ кажутся внѣшними условіями, данными самой природой. Такъ, резервная армія пролетаріата, которая создается самими капиталистами, имъ кажется излишкомъ населенія, созданнымъ самимъ Богомъ; точно такъ же имъ кажется, что война, которую они ведутъ противъ дешеваго американскаго хлѣба, имъ навязана Америкой и мѣшаетъ имъ развивать собственное производство. Однако на европейское сельское хозяйство и на европейскую промышленность ввозъ дешевыхъ пищевыхъ продуктовъ изъ Америки могъ бы оказать только такое же вліяніе, какъ и удешевленіе сырья: могъ бы содѣйствовать только большому развитію и земледѣлія, и промышленности. Такое вліяніе оказали дешевые пищевые продукты въ самой Америкѣ. Если Европа ограждаетъ себя отъ этого вліянія, если она предпочитаетъ стѣснять, а не развивать свое производство, то это одно изъ тѣхъ внутреннихъ противо-

рѣчій, которыя возникаютъ въ *ндрахъ самой капиталистической эволюціи Европы*.

Капитализмъ въ Европѣ достигъ той стадіи, на которой поперекъ дороги ему становится развитіе его же собственного производства. Война изъ-за европейской земельной ренты была первымъ столкновеніемъ между системой капиталистической собственности и процессомъ развитія капиталистическаго производства. Здѣсь предъ нами цѣлый общественный классъ, который обогатился, благодаря капиталистической эволюціи; но его интересы частнаго собственника вдругъ оказались въ самомъ рѣзкомъ противорѣчьи съ интересами самой капиталистической эволюціи. Противорѣчіе между узкой формой собственности и всеобъемлющими тенденціями производственнаго развитія вообще начинаетъ становиться самой характерной чертой капиталистическаго развитія Западной Европы. Самостоятельные производители исчезаютъ; ихъ экономическое значеніе падаетъ еще гораздо быстрее, чѣмъ ихъ число. Классъ капиталистовъ оказывается лицомъ къ лицу съ имъ же самымъ разореннымъ пролетаріатомъ. Тѣ отношенія, которыя создаются производствомъ при отнятіи у рабочаго орудія производства, въ очень рѣзкой формѣ отражаются на товарномъ рынкѣ въ видѣ оторванности потребителя отъ товарной массы. Какъ земельная рента, которая подняла на высоту промышленность, становится препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія сельскаго хозяйства въ Европѣ, точно такъ же и низкая заработная плата, вытекающая изъ законовъ капиталистической эксплуатаціи, становится въ Европѣ очень чувствительнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія товарнаго рынка. Мы уже выше указали на то, что въ средніе вѣка необходимо было расширеніе товарнаго спроса для того, чтобы достигли большаго развитія сношенія съ колоніями и производствами. Мы говорили, что такое расширеніе товарнаго рынка вызвано социальнымъ развитіемъ буржуазіи, которое, въ свою очередь, обусловлено развитіемъ производства. Теперь предъ нами подобная же проблема. Развитіе производства требуетъ увеличеннаго спроса на товары. А спросъ на товары можетъ возрасти только при превращеніи широкихъ массъ населенія въ покупателей товаровъ и при увеличеніи потребностей этихъ широкихъ массъ, т. е. при увеличеніи

благосостоянія рабочего класса. Но капиталистическое право собственности на орудія производства мѣшаетъ соціальному процвѣтанію пролетаріата въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ политическія привилегіи дворянства и феодальное землевладѣніе въ свое время мѣшали соціальному развитію буржуазіи. Пока не будетъ устранено это препятствіе къ развитію пролетаріата, до тѣхъ поръ все болѣе и болѣе рѣзкія формы будетъ принимать противорѣчіе между развитіемъ капиталистическаго производства и развитіемъ капиталистическаго товарнаго рынка.

Это противорѣчіе и создаетъ то лихорадочное *исканіе рынковъ для сбыта*, которое такъ характерно, какъ для современнаго капитализма вообще, такъ и для *современной капиталистической колониальной политики*. Всѣ отношенія кореннымъ образомъ измѣнились: мы видѣли, что въ колоніяхъ сначала искали дорогихъ продуктовъ и лакомствъ; затѣмъ ихъ превратили въ поставщиковъ предметовъ массоваго потребленія и сырья для расширенія производства въ метрополіяхъ. Теперь всѣ эти задачи отступаютъ на задній планъ предъ желаніемъ найти въ колоніяхъ *покупателя европейскихъ фабрикантовъ*.

Слѣдующая небольшая таблица торговли Великобританіи съ ея колоніями за послѣднее пятидесятилѣтіе наглядно показываетъ всѣ эти перемѣны (таблица изъ „Dictionary of Statistics“ Mulhall'a дополнена мною по „Statesman's Year-book“).

1861—70 гг.	704	345	524	197
1871—80	824	299	712	241
1881—87	636	241	606	223
1904—05 ¹⁾	113	34	116	54

Такимъ образомъ, въ десятилѣтіе 1861—70 ввозъ изъ колоній превышалъ еще вывозъ въ колоніи на 180 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или, въ среднемъ, на 18 милліоновъ въ годъ; во второе десятилѣтіе—на 11,2 милліоновъ въ годъ; въ слѣдующій промежутокъ—на 4, 3 милліона. Но въ періодъ 1904—05 гг. *вывозъ* въ колоніи уже превышаетъ ввозъ на три милліона фунтовъ стерлинговъ.

¹⁾ Для послѣдняго года включены и драгоцѣнные металлы.

Съ особенною яркостью отмѣчается здѣсь рѣзкая перемѣна въ торговлѣ съ Восточной Индіей, этой древнѣйшей и важнѣйшей англійской колоніей: 45 лѣтъ тому назадъ ввозъ изъ Индіи въ метрополію превышалъ вывозъ почти на 15 милліоновъ, теперь вывозъ изъ метрополіи въ Индію на 20 милліоновъ превышаетъ ввозъ!

Эти измѣненія, имѣющія основой общую капиталистическую эволюцію, усиливаются еще благодаря измѣненію предметовъ торговли съ колоніями.

По мѣрѣ того, какъ *пряности* переставали составлять рѣдкость, ихъ значеніе въ торговлѣ постепенно понижалась и наконецъ пало до нуля. Конечно, это надо понимать не въ абсолютномъ, а въ относительномъ смыслѣ—пало въ сравненіи съ общимъ развитіемъ торговли. Когда рѣчь идетъ о міровомъ рынкѣ, основной законъ котораго заключается въ непрерывномъ увеличеніи массы товаровъ,—всегда приходится имѣть дѣло съ относительными величинами¹⁾. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Европа прекрасно сумѣла сбросить съ себя ту зависимость, въ которую ее ставили колоніи, пока она только отъ нихъ могла получать извѣстные товары. Если нѣкогда ревностно искали экзотическихъ продуктовъ для европейскаго рынка и европейской промышленности, то теперь не менѣе ревностно стараются создавать въ Европѣ мѣстные суррогаты колониальныхъ продуктовъ. *Тростниковый сахаръ* замѣняется *свекловичнымъ*; индиго замѣняется химической краской; картофель начинаютъ сѣять въ Европѣ, и онъ

¹⁾ Капиталистическое производство растетъ непрерывно. Слѣдовательно, вопросъ можетъ быть только о *степени и темпѣ* роста. Это надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ излюбленнаго капиталистическими министрами торговли приема: доказывать цѣлесообразность правительственной торговой политики простой ссылкой на абсолютный ростъ промышленности. Они совершенно не замѣчаютъ, что такого рода доказательства они могли бы приводить, какую бы политику ни избрали—политику охранительныхъ пошлинъ или политику свободной торговли. Такъ, *Каприви* могъ бы находить такое же оправданіе своей политикѣ торговыхъ трактатовъ и низкихъ пошлинъ, какъ *Бюловъ*—своей политикѣ высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Если такимъ путемъ можно что-нибудь доказать, то развѣ только то, что стихійная сила капиталистической эволюціи всегда торжествуетъ надъ глупостью государственныхъ мужей.

достигаетъ здѣсь колоссальнаго распространенія; хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, но все же успѣшно начинаетъ культивироваться въ Европѣ и табакъ. Наряду съ этимъ, впрочемъ, начинаютъ потребляться новые продукты, которые привозятся изъ-за моря. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ *нефть*. Какъ извѣстно, онъ чрезвычайно быстро вошелъ во всеобщее употребленіе во всей Европѣ; но съ неменьшей быстротой и успѣхомъ съ нимъ начали конкурировать газъ и электричество. Какъ предметъ потребленія въ концѣ 19 столѣтія довольно широкое распространеніе получилъ *какао*; какъ сырье для промышленныхъ цѣлей начали распространяться *джутъ и каучукъ*. Однако какао вмѣстѣ съ кофе уже и теперь долженъ вести тяжелую борьбу противъ конкуренціи различныхъ *суррогатовъ кофе*, а по мѣрѣ того, какъ каучукъ находитъ себѣ все большее примѣненіе въ промышленности, промышленная техника все ревностнѣе старается найти суррогатъ для него. Получается такое положеніе: съ одной стороны, Европа перестаетъ нуждаться въ колоніяхъ, какъ въ поставщикахъ чисто колоніальныхъ товаровъ, съ другой стороны—изъ-за моря все больше ввозится продуктовъ, которые Европа сама производитъ съ древнѣйшихъ временъ: *зерновой хлѣбъ и шерсть*.

Безостановочно развиваясь, *заокеаническая торговля* вмѣстѣ съ тѣмъ энергично освобождается отъ власти тѣхъ неожиданностей и случайностей, которымъ подвергалась въ теченіе вѣковъ. Благодаря современному урегулированному паромному сообщенію между Европой и Сѣверной Америкой совершается быстрѣе и представляетъ меньше риска, чѣмъ въ началѣ 19 столѣтія путешествіе изъ Берлина въ Константинополь или даже изъ Лиссабона въ Амстердамъ. Прорытіе *Суэцкаго канала* создало морской путь, который по своему значенію далеко превосходитъ открытіе перваго морского пути въ Восточную Индію. Наконецъ, уже въ наши дни съ *проложеніемъ сибирской желѣзной дороги* создано сухопутное сообщеніе между Европой и дальнимъ Востокомъ. Сношенія съ странами Атлантическаго и Тихаго океана въ техническомъ отношеніи теряютъ свою исключительность, перестаютъ быть привилегіей отдѣльныхъ государствъ, все болѣе и болѣе превращается въ одну изъ вѣтвей великаго міроваго общенія.

Произошло не мало и важныхъ *политическихъ перемѣнъ*, которые тоже не остались безъ вліянія на нынѣшнія отношенія между Европой и колоніями. До конца 18 столѣтія вся заокеаническая торговля составляла для Европы колоніальную торговлю. Все, что находилось по ту сторону Атлантическаго океана и на Тихомъ океанѣ, огуломъ считалось колоніями. Положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось, когда Соединенные Штаты объявили себя независимыми, т. е. когда въ Новомъ Свѣтѣ возникло самостоятельное государство современнаго типа.

Если мы присмотримся къ положенію дѣлъ въ настоящее время, то найдемъ, прежде всего, что отъ Европы политически независима самая важная колоніальная область—Америка. *Канада*, правда, продолжаетъ еще считаться англійской колоніей, но ея административная связь съ метрополіей существуетъ только формально. На дѣлѣ Канада уже давно составляетъ отдѣльное государство, живущее самостоятельную экономическую жизнью и преслѣдующее свои самостоятельныя политическія задачи. Если Англія пользуется въ Канадѣ торговыми преимуществами, то не въ силу своего колоніальнаго владычества, а благодаря сохранившейся еще экономической связи между обѣими странами¹⁾. То же самое можно сказать и объ *Австраліи*. Придется Англіи также мириться и съ довольно широкою политическою автономіей *Канской колоніи*, къ которой теперь принадлежатъ и покоренныя бурскія республики. Торговля съ этими странами не можетъ болѣе разсматриваться, какъ колоніальная, она имѣетъ вполне интернаціональный характеръ.

Въ настоящее время безусловно необходимо дѣлать строгое различіе между понятіями *заокеаническая торговля и торговля съ колоніями*. Но колоніальные политики, въ особенности нѣмецкіе, самымъ грубымъ образомъ подсовываютъ одно понятіе на мѣсто другаго. О пользѣ, которую приносятъ колоніи, говорятъ такимъ тономъ, какъ будто

¹⁾ Если бъ Германія понизила свои пошлины на сельско-хозяйственные продукты, она могла бы добиться такого трактата съ Канадой, который нанесъ бы значительный ущербъ торговымъ преимуществамъ Англіи въ этой странѣ. Но Германія предпочла, въ интересахъ аграріевъ, вступить въ таможенную войну съ Канадой.

отказываться отъ колоній означало бы совершенно отказаться и отъ заокеанической торговли вообще. А между тѣмъ самое бѣглое знакомство съ статистикой показываетъ, что заокеаническая торговля Европы уже давно ведется съ самостоятельными государствами, а не съ колоніями. Возьмемъ для примѣра Англію, страну самую богатую колоніями. Въ 1904 году торговый оборотъ Англіи составлялъ (въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ):

съ	ввозъ	вывозъ
Соединенъ. Шт. Сѣверн. Америки	119	20
Штатами Южн. Америки	40	27
Канадой	23	11
Австраліей	24	17
Остальными англ. колоніями	73	94

По мѣрѣ того, какъ на мѣстахъ прежнихъ старыхъ колоній выросли самостоятельныя государства, вопросъ заокеаническаго обмѣна изъ *колоніально-политическаго* превратился въ *торгово-политическій*. Таковъ результатъ капиталистической эволюціи въ колоніяхъ.

На примѣрѣ Соединенныхъ Штатовъ С. Америки мы ознакомились съ схемой этой эволюціи въ ея классической и вполне законченной формѣ. Какъ общая схема развитія капиталистическаго производства примѣнима ко всѣмъ странамъ съ незначительными лишь вариациями, вытекающими изъ территоріальныхъ условій, точно такъ же примѣнима ко всѣмъ странамъ и схема капиталистической эволюціи въ колоніяхъ. Примѣру Соединенныхъ Штатовъ послѣдовали Канада и Австралія, а еще раньше ихъ, но на свой ладъ, тому же примѣру послѣдовали штаты Южной Америки. Для насъ, само собою разумѣется, важна здѣсь не только политическая независимость, завоеванная колоніями, а также и, прежде всего, *самостоятельность ихъ экономическаго развитія*.

Нынѣ тотъ же процессъ развитія начинается переноситься и въ *Азію*. Развитіе капитализма въ Азіи долгое время задерживалось густой населенностью страны, благодаря которой иммиграція европейцевъ не могла принимать широкихъ размѣровъ. Мы знаемъ, что и Америка развивалась чрезвычайно туго цѣлыхъ три столѣтія — до тѣхъ

поръ, пока не нахлынулъ на нее могучій потокъ переселенцевъ, пробудившихъ къ жизни всѣ продуктивныя силы страны. Не золото и серебро, а *человѣческая рабочая сила* обогатила Америку. Восточная Индія, которая связана морскимъ путемъ съ Европой такъ же давно, какъ и Америка, не имѣла никакихъ европейскихъ переселенцевъ, кромѣ чиновниковъ и купцовъ — ничтожнаго количества людей, которые долгое время держались исключительно въ предѣлахъ портовыхъ и торговыхъ мѣстъ. И этой горсточкѣ европейцевъ приходилось дѣйствовать не на дѣвственной почвѣ. Чтобы проложить дорогу капитализму, надо было одержать побѣду надъ культурнымъ и общественнымъ строемъ старой Индіи — страны съ прочно установившимися, сложными экономическими отношеніями, съ сложною, чрезвычайно развѣтвленною соціальною организациею, съ прочно установившимися формами государственной жизни. Здѣсь дѣло сводилось не къ тому только, чтобы, какъ въ Америкѣ, истребить туземцевъ и занять ихъ мѣсто: здѣсь необходимо было разрушить цѣлый старый строй общественныхъ отношеній, освободить народныя массы отъ старыхъ путъ, чтобы отдать ихъ въ распоряженіе капитала. Мы не будемъ останавливаться на приѣмахъ, которыми прибѣгали европейцы. Что они, въ концѣ концовъ, имѣли успѣхъ, доказываютъ слѣдующія данныя объ индустріальномъ развитіи Восточной Азіи:

	1889	1904/5
Выдѣлка хлопчатой бумаги	2780000	5230068
Протяженіе желѣзныхъ дорогъ въ англ. миляхъ . .	15887	27585
Капиталь акц. обществъ въ рубляхъ	—	544000000

Въ началѣ 19 столѣтія уже были на лицо всѣ предпосылки для развитія *современной Америки*; точно такъ же въ началѣ 20 столѣтія мы находимъ уже готовыми всѣ

предпосылки для развитія Азіи по типу *современныхъ государствъ*. Но подобно Америкѣ въ 19 столѣтіи, Азія въ 20-мъ совершаетъ свою капиталистическую эволюцію особыми путями. Какъ въ Америкѣ въ 19 столѣтіи такъ теперь въ Азіи совершается процессъ освобожденія отъ Европы; страна постепенно приобретаетъ экономическую и политическую независимость. Если отвлечься отъ нѣкоторыхъ своеобразныхъ особенностей мѣстнаго происхожденія, то можно сказать, что Японія, развившаяся въ современное индустріальное государство, имѣетъ для Азіи значеніе, аналогичное тому, которое имѣла для развитія Америки Новая Англія, когда превратилась въ самостоятельное государство. Японія превращается въ узловой пунктъ новыхъ социальныхъ отношеній въ Восточной Азіи, и должна оказать на социальное развитіе всѣхъ странъ Восточно-Индійскаго океана во всякомъ случаѣ, не меньшее вліяніе, чѣмъ оказали Соединенные Штаты на развитіе центральной и южной Америки. Но при этомъ процессъ Азія въ цѣломъ перестаетъ существовать для Европы, какъ *колониальная область*.

И въ самой Америкѣ существуютъ еще необъятныя пространства земли, которыя во всѣхъ отношеніяхъ могли бы быть пригодны для колонизаціи. Но европейскими колоніями эти земли уже никогда не сдѣлаются. То же самое будетъ отнынѣ и въ Азіи.

Бельгійскіе писатели, Ш. и Р. Пети де-Тозе, въ своей книгѣ о колониальной политикѣ даютъ слѣдующую таблицу земли свободной еще для колонизаціи:

ЧАСТЬ СВѢТА.	Площадь въ гектарахъ.	Нормально воз- можное количе- ство населенія (считая по одному жителю на 2 гек- тара земли).	Дѣйстви- тельное ко- личество населенія.	Ниже нор- мально воз- можнаго на	Свободная земля въ гектарахъ.
Европа	900000000 (Завыченомъ 880000000 по- лярной области).	450000000	358000000	92000000	46000000
Африка	2972000000	1486000000	150000000	1336000000	668000000
Азія	4004000000 (Завыченомъ 880000000 по- лярной области).	2002000000	787000000	1215000000	607500000
Австралія	1100000000	550000000	30000000	520000000	260000000
Америка	4218000000	2109000000	134000000	1975000000	987500000
Весь земной шаръ.	13194000000	6597000000	1459000000	5138000000	2589000000

Итакъ, больше всего свободной земли и теперь еще имѣетъ Америка. По вычисленію нашихъ авторовъ она могла бы еще пріютить почти цѣлый миллиардъ людей. При всей густотѣ населенія нѣкоторыхъ частей Азіи, и здѣсь нашлось бы еще мѣсто для лишнихъ 600 милліоновъ людей. Четверть милліона можно было также еще пристроить въ Австраліи. И все это мѣста, которыя отнюдь не уступаютъ Африкѣ ни по плодородію почвы, ни по естественнымъ богатствамъ, ни по климату. Отчего же всѣ такъ *неудержимо стремятся въ Африку?* Стремленіе въ Африку обуславливается только тѣмъ, что остальные мѣста уже не доступны для колоніально-политическихъ экспериментовъ европейскихъ индустріальныхъ государствъ.

Америка — для американцевъ. Это окончательно рѣшено *испанско-американской войной*. Затѣмъ, *руско-японская война* разрѣшила восточно-азиатскій вопросъ: восточная Азія принадлежитъ монголамъ. вмѣсто раздѣла Китая начнется превращеніе Китая въ государство современнаго типа.

До конца 18 столѣтія внѣ-европейскія области капиталистически развивались только, какъ колоніи, въ 19-мъ столѣтіи онѣ начали превращаться въ самостоятельныя государства, а въ 20 столѣтіи эта новая форма развитія пріобрѣтаетъ болѣе широкіе размѣры.

Представляетъ ли это препятствіе для европейской торговли съ заокеаническими странами? Нѣтъ, напротивъ. Преобразование Азіи, Америки и Австраліи должно расширить міровой рынокъ еще больше, чѣмъ расширило его развитіе Сѣверной Америки въ 19 столѣтіи. Соединенные Штаты, въ особенности послѣ проведенія Панамскаго канала, — чрезвычайно разовьютъ производительныя силы Южной Америки. Японія ускоритъ процессъ политическаго преобразованія Китая, и, благодаря этому, также процессъ его превращенія въ индустріальное государство. Изъ всей этой эволюціи Европа можетъ извлечь пользу не путемъ колоніальной политики, а исключительно путемъ *торговой политики*. Имперская политика Германіи имѣла въ этомъ отношеніи весьма поучительный опытъ. Германія захватила Кіаотчау для того, чтобы оттуда оказывать колоніально-политическое вліяніе на Китай. Если бъ Японія была побѣждена Россіей, если бъ дѣло дошло бы до раздѣла Ки-

тая, то Германія могла бы изъ Кіаотчау врѣзаться широкимъ клиномъ въ китайскія владѣнія. Но дѣло приняло совершенно иной оборотъ, и Кіаотчау остался жалкимъ клочкомъ земли, съ котораго Германія не можетъ двигаться ни назадъ, ни впередъ. Похоже на то, что германское правительство уже отказалось отъ всякихъ широкихъ плановъ, связанныхъ съ Кіаотчау. Раньше вѣрили, что Кіаотчау превратится въ новый Гонконгъ, въ новый центральный пунктъ торговли съ восточной Азіей. Но Кіаотчау не превратился, и не можетъ превратиться въ такой пунктъ, потому что торговля съ восточной Азіей все болѣе и болѣе утрачиваетъ колоніальный характеръ. Впрочемъ, и въ Кіаотчау мы имѣемъ только частицу той глупой колоніальной политики Германіи, которая заключается въ стремленіи по-обезьяньи подражать старой политикѣ Англіи въ такой моментъ, когда сама Англія вынуждена искать новыхъ путей или же нерѣдко бываетъ вынуждена нести печальныя послѣдствія своей прежней колоніальной политики.

На восточномъ материкѣ только еще одна *центрально-азиатская Азія* можетъ быть принята въ расчетъ при колоніально-политическихъ планахъ. И туда стремится Англія изъ восточной Индіи, а Россія съ Кавказа. Османской и Персидской имперіями Западная Европа отрѣзана теперь отъ Средней Азіи такъ же, какъ нѣкогда была отрѣзана отъ Восточной Индіи. Желѣзная дорога черезъ Малую Азію до Персидскаго залива заложитъ начало торговлѣ съ средне-азиатскими областями. Дальнѣйшее развитіе этой торговли будетъ зависѣть отъ будущаго развитія Персіи. Отсылаю читателя къ тому, что говорилъ въ главѣ о внѣшней политикѣ Германіи.

Кромѣ Центральной Азіи остается еще — *Африка*. Отрѣзанный отъ Америки, Австраліи и Азіи, колонизирующій европейскій капиталъ съ тѣмъ болѣею силой обрушивается на Африку, гдѣ онъ ни съ чьей стороны не можетъ еще встрѣтить достаточно сильнаго политическаго отпора. Вотъ почему Африка въ началѣ 20 столѣтія сдѣлалась пунктомъ, гдѣ столпились всѣ европейскія колоніальныя державы.

Движущія силы современной колониальной политики.

Прежде чѣмъ займемся изученіемъ колониальной Африки, представляющей послѣднее убѣжище для колониально-политическихъ опытовъ европейскаго капитала, попробуемъ подробнѣе разобраться въ движущихъ силахъ современной колониальной политики.

Мы уже говорили, что главнымъ толчкомъ для движенія въ колоніи служитъ *исканіе новыхъ рынковъ для сбыта*. Правительства прекрасно сознаютъ это, но они смѣшиваютъ и перепутываютъ новыя задачи съ традиціями и тенденціями, унаслѣдованными отъ предыдущихъ стадій капиталистической эволюціи въ колоніяхъ. Разсмотримъ съ точки зрѣнія современнаго положенія вещей тѣ аргументы, которые приводятся въ доказательство необходимости колоній. Противъ одного аргумента мы уже возразили, указавъ на необходимость проводить строгое различіе между заокеанической торговлей и колониальной торговлей.

I. *Мѣста для колонизаціи*. Изъ исторіи Америки мы знаемъ, что основой для европейской колонизаціи послужила земля, пригодная для *сельско-хозяйственной обработки*, но что главнымъ толчкомъ для переселеній послужилъ тотъ переворотъ, который произвелъ капитализмъ, пролетаризируя крестьянство въ Западной Европѣ. Африка не обладаетъ такой пригодной для обработки земель, какъ обладала Америка, а западная Европа не можетъ уже болѣе выдѣлять пролетаризированнаго крестьянства. Главный контингентъ эмигрантовъ притекаетъ теперь изъ восточной Европы, именно изъ русской Польши, Галиціи и, отчасти, изъ Италіи. Переселенцы направляются въ Сѣверную Америку и Аргентину, которыя могутъ вмѣстить и обезпечить еще много милліоновъ людей. Направить этотъ потокъ эмиграціи въ Африку было бы бессмысленно, да и совершенно неосуществимо. Еще невозможно было бы направить туда промышленныхъ рабочихъ, которыхъ влечетъ въ Америку ея широко развитая индустрія. Если часть этихъ эмигрантовъ и можетъ направиться въ Африку, то, во всякомъ случаѣ,

не въ колониальныя владѣнія Германіи и другихъ государствъ, а въ горнопромышленныя области съ городскимъ населеніемъ, т. е. въ территорію Капской колоніи и бывшихъ Бурскихъ республикъ—въ область, которая уже находится на переходной стадіи отъ колоніи къ самостоятельному государству.

Для насъ, социалистовъ, существуетъ только вопросъ о томъ, какъ помѣшать образованію слоя населенія, не находящаго работы, а не вопросъ объ отправкѣ этого „излишка“ за океанъ. Поставленная нами проблема можетъ быть разрѣшена только съ отмѣной капиталистической формы собственности.

II. *Мѣста для торгового обмѣна*. Разсмотримъ для разнообразія, что ввозитъ Германія, которая вѣдь тоже сдѣлалась индустриальнымъ государствомъ, да еще такимъ, которое, по увѣренію его правительства, не можетъ существовать безъ колоній.

Ввозъ товаровъ въ Германскую имперію въ 1905 году характеризуется слѣдующими цифрами главныхъ его предметовъ. Вывезено:

Пищевыхъ продуктовъ и скота на	2513	милл. марокъ
Сырья для промышл. цѣлей	3516	„ „
Фабрикатовъ	1440	„ „

Главную роль въ германскомъ ввозѣ играютъ, слѣдовательно, пищевые продукты, и среди нихъ первое мѣсто занимаетъ хлѣбъ въ зернѣ; они составляютъ 30 процентовъ общаго ввоза. Но вмѣсто того, чтобы облегчить ввозъ этихъ товаровъ въ страну, имъ ставятъ всевозможныя затрудненія. Среди ввозимыхъ изъ за-границы товаровъ экзотическіе продукты выражаются слѣдующими цифрами: кофе—170 милл. марокъ, табакъ въ листьяхъ—122 милл. марокъ, какао не молотый—33 милл. марокъ. Цѣнность чисто колониальныхъ продуктовъ, какъ видимъ, ничтожна въ сравненіи съ цѣнностью остальныхъ ввозимыхъ пищевыхъ продуктовъ. И всѣ эти продукты обложены высокими таможенными пошлинами; въ 1905 году налогъ на какао составлялъ 31 процентъ, на кофе 42 процента, на табакъ около 50 процентовъ общей стоимости всего товара. Если, какъ утверждаетъ правительство, эти заморскіе товары на столько необходимы для Германіи, что ихъ необходимостью оправдываются и колониальная политика, и колониальныя войны,

и расходы на флотъ,—то зачѣмъ же препятствуютъ ихъ ввозу пошлинами? Зачѣмъ набиваютъ цѣны на нихъ? Охранительныя таможенныя пошлины нужны, чтобы оплатить расходы на содержаніе флота; расходы на флотъ нужны для того, чтобы охранять колоніи; а колоніи нужны, если онѣ вообще нужны—для того, чтобы... по дорогой цѣнѣ получать какао, который доставлялся бы гораздо дешевле и проще, еслибъ не было охранительныхъ таможенныхъ пошлинъ!

У нѣмецкаго рабочаго вырываютъ изъ горла послѣдній кусокъ хлѣба и мяса, чтобы преподнести ему нѣсколько зеренъ какао, который онъ долженъ оплачивать на вѣсъ золота, если дѣйствительно хочетъ полакомиться ими.

Среди сырья главное мѣсто занимаетъ матеріалъ для выдѣлки тканей. Хлопчатой бумаги ввозится на 398 милл. мк., хлопчато-бумажныхъ нитокъ на 65 милл. мк., джута на 48 милл. мк., овечьей шерсти на 327 милл. мк.

Культура хлопчатой бумаги приняла гигантскіе размѣры лишь въ 19 столѣтіи. По Mulhall'у міровое производство хлопка въ 1801 году составляло 520 милл. фунтовъ стерл., а въ 1897 году хлопка производилось уже на сумму въ десять разъ большую, именно—на 5900 милл. фунтовъ стерл. Не смотря на колоссальное развитіе текстильной промышленности, конкуренція между странами, производящими хлопокъ, обостряется и вызываетъ пониженіе цѣнъ. Отъ 70-хъ годовъ—съ окончанія американской аболиціонной войны—до 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія цѣна на хлопчатую бумагу понизилась почти на половину. Это можно видѣть по слѣдующей таблицѣ, которая даетъ также и цѣны на шерсть за тотъ же періодъ времени (по Mulhall'у; расчетъ—по 1 шиллингу за англійскую тонну):

	Хлопчатая бумага	шерсть
1861—70 гг. (америк. аболиц. война)	138,0	165
1871—80 „	66,5	132,2
1881—90 „	54,8	102,0
1891	52,0	87,4
1892	48,0	81,5
1893	49,0	81,4

1894	41,0	79,3
1895	39,0	75,6
1896	46,0	78,4
1897	41,8	74,4.

Въ этотъ періодъ даже владѣльцы *бумагопрядильныхъ и бумаготкацкихъ фабрикъ*, которые, во всякомъ случаѣ, заинтересованы въ дешевыхъ цѣнахъ на сырье,—даже они считали пониженіе цѣны на хлопчатую бумагу препятствіемъ для развитія своего производства, такъ какъ увеличенный привозъ хлопка вызвалъ пониженіе цѣнъ на ихъ продукты. Хлопчатая бумага едва окупала расходы на ея производство, и поэтому страны, производившія хлопокъ, оказались вынужденными сами приступить и къ его переобработкѣ. Такъ, напримѣръ, *Юраше* говоритъ: „Соединенные Штаты могли сохранить и использовать громадныя количества своего хлопка только благодаря тому, что сами широко развили текстильную индустрію, очень осторожно обращались съ шерстью и добились дешевой транспортировки“.

Вновь повышаться начинаютъ цѣны на хлопокъ только съ наступленіемъ не разъ указаннаго нами Sturm und Drang періода промышленности.

Изъ сказаннаго очевидно, что ни въ какомъ случаѣ нельзя разсчитывать на то, что Африка сможетъ доставлять Европѣ хлопокъ по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ до сихъ поръ доставляли другія культивирующія его страны.

Точно также нечего и думать о томъ, что когда-нибудь удастся, благодаря Африкѣ, вызвать пониженіе цѣнъ на шерсть... Южная Африка и теперь уже поставляетъ шерсть въ Европу. Но Австралія давнымъ давно опередила ее въ этомъ отношеніи. Въ 1860 году Австралія производила шерсти всего лишь на 70 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, въ 1880 году производимая Австраліей шерсть оцѣнивалась уже въ 390 милліоновъ, а въ 1897 году—даже въ 670 милліоновъ ф. стерл. Міровое производство шерсти поднялось съ 560 милліоновъ ф. стерл. въ 1820 году до 2390 милліоновъ въ 1897 году. Изъ приведенной выше таблицы видно, что цѣны на овечью шерсть понизилась въ не меньшей степени, чѣмъ цѣны на хлопчатую бумагу.

Удешевленіе производства сырья для промышленныхъ цѣлей такъ же мало можетъ быть задачей современной

колоніальной политики европейских государств, как и удешевленіе пищевыхъ продуктовъ. Для этого нѣтъ на лицо самыхъ необходимыхъ предпосылокъ. Впрочемъ, правительства и не ставятъ себѣ такихъ задачъ. Если бъ Германіи дѣйствительно удалось значительно развить культуру хлопчатой бумаги въ Африкѣ, то первымъ ея дѣломъ было бы установленіе *высокой таможенной пошлины* на хлопчатую бумагу, ввозимую не изъ колоній. Мы говоримъ это въ предположеніи, что общая торговая политика имперіи не будетъ подвергнута радикальному измѣненію. — Какъ высокими пошлинами вызвали дороговизну пищевыхъ продуктовъ, какъ обложили пошлиной *хлопчатую бумагу*, хотя въ ней нуждаются наши бумаго-прядельныя фабрики, точно такъ же, для охраны колоніальныхъ хлопчато-бумажныхъ плантацій, обложить высокой пошлиной сырой хлопокъ, хотя это и нанесетъ величайшій ущербъ всей текстильной промышленности въ Германіи. Охранительныя пошлины колоніальной политики идутъ теперь рука объ руку, и вполне уяснить себѣ нынѣшнюю колоніальную политику Европы можно только въ связи съ таможенной политикой. Къ этому вопросу мы, впрочемъ, еще вернемся.

III. Рынки для сбыта товаровъ. Въшняя торговля Германіи въ 1905 году распредѣлялась между различными частями свѣта въ слѣдующемъ порядкѣ:

	Ввозъ въ Германію. (Въ милліонахъ марокъ).	Вывозъ изъ Германіи. (Въ милліонахъ марокъ).
Европа	4633	4380
Сѣверная Америка . .	1014	565
Южн. (вмѣстѣ съ Центральной) Америка .	883	392
Азія	508	317
Австралія	164	53
Африка	228	123
Сумма	7430	5830

Какъ видимъ, главное мѣсто для сбыта германскихъ фабрикатовъ представляетъ... Европа. За нею слѣдуетъ Сѣверная Америка, т. е. Соединенные Штаты, а потомъ уже Южная Америка и Азія. Эти страны вмѣстѣ по-

нимаютъ—97 проц. всѣхъ вывозимыхъ изъ Германіи товаровъ. Если мы отдѣльно рассмотримъ еще германскій экспортъ въ Азію, то увидимъ, что главная масса вывозимыхъ сюда товаровъ направляется въ Восточную Индію, Китай и Японію. Какой выводъ можно отсюда сдѣлать?

Чѣмъ болѣе развита страна въ экономическомъ, политическомъ и культурномъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе рынокъ для сбыта индустріальныхъ товаровъ она представляетъ. Индустріальная страна не можетъ уже болѣе быть *противопоставлена* рынку для сбыта индустріальныхъ товаровъ. Важнѣйшій рынокъ для индустріи представляютъ сами же индустріальныя страны. Такъ, изъ товаровъ германскаго экспорта на Англію приходится 18 процентовъ, на Соединенные Штаты — 9 проц.; на Францію, Бельгію, Голландію и Швейцарію вмѣстѣ—еще 23 проц.

Цифры достаточно краснорѣчивы. Но такимъ языкомъ цифры заговорили лишь съ тѣхъ поръ, какъ рядомъ съ Англіей возникли другія индустріальныя государства. До этого времени фактическія отношенія на міровомъ рынкѣ были не тѣ. Англія получала сырье изъ колоній, а пищевые продукты съ европейскаго материка, который служилъ въ то же время и рынкомъ для сбыта англійскихъ фабрикатовъ. Такое исключительное положеніе Англіи обуславливалось однако только недостаточнымъ развитіемъ промышленности, ограниченностью міроваго рынка, а также и отсталостью Европы въ социальномъ отношеніи. Но 19 вѣкъ уничтожилъ всѣ предпосылки индустріальнаго владычества Англіи. Производственная техника была поставлена на научную почву и, благодаря этому, сдѣлалась достояніемъ всѣхъ народовъ; 19 вѣкъ установилъ въ Европѣ и Америкѣ капиталистическій строй отношеній и освободилъ пролетаріатъ, въ которомъ капиталистическая индустрія такъ нуждается для своего дальнѣйшаго развитія; 19 вѣкъ заложилъ основу для капиталистическаго развитія даже и въ Азіи. При помощи желѣзнодорожнаго и пароходнаго сообщенія 19 вѣкъ переищшалъ народы; онъ создалъ большіе города, которые превратились въ разсадники интернаціональной культуры, концентрировалъ денежный капиталъ, распространилъ его владычество по всему міру, организовалъ и отдалъ въ его распоряженіе средства для ускоренной передачи свѣдѣній. Однимъ нажимомъ электрической пуговки капиталъ

изъ Лондона или Берлина командуетъ рабочими арміями во всѣхъ частяхъ свѣта. Технической прогрессъ затушевлялъ различіе между сырымъ матеріаломъ и фабрикатомъ, а капиталъ вообще пересталъ признавать это различіе, поскольку оно не является различіемъ съ точки зрѣнія естественныхъ интересовъ. Хлопчатая бумага — фабрикатъ, но въ то же время и сырой матеріалъ для текстильной промышленности. Ввозъ дешевыхъ желѣзно-дорожныхъ рельсовъ создастъ конкуренцію желѣзообрабатывающей промышленности. Ввозъ дешевого ситца вытѣсняетъ крестьянскіе холсты, но создаетъ почву для обработки хлопчатобумажной матеріи. Предъ нами процессъ въ исторіи мірового рынка, заключительный моментъ которого находится въ разрывѣ противорѣчій съ исходнымъ моментомъ: всѣ преимущества конкуренціи выпадаютъ теперь на долю не болѣе старой, а новой индустріи, — той, которая можетъ использовать послѣднія усовершенствованія техники. Та промышленная страна, — будь она въ Азіи или въ Америкѣ, — которая сумѣетъ такъ использовать свои воды, чтобы основать всю свою индустрію на электричествѣ, добываемомъ силой воды, та страна побѣдетъ всѣ остальные на міровомъ рынкѣ.

Развитіе мірового рынка не только уравнило техническія и социальныя условія производства въ Европѣ, Америкѣ и, отчасти, въ Азіи, но создало также, какъ показываетъ торговая статистика, самую тѣсную и глубокую связь между всѣми индустриальными странами. Можно представить такое основное положеніе: развитіе каждой индустриальной страны зависитъ, главнымъ образомъ, отъ развитія ея торговаго общенія съ остальными индустриальными странами.

Развивающійся міровой рынокъ властно требуетъ болѣе тѣснаго сплоченія индустриальныхъ странъ. Развивающійся міровой рынокъ создаетъ *міровое производство*, которое стихійно ищетъ и наиболѣе соответствующихъ ему политическихъ формъ. Торговая политика капиталистическихъ правительствъ въ настоящее время не соответствуетъ запросамъ мірового рынка, а, наоборотъ, идетъ въ разрѣзъ съ этими запросами.

Въ этой противоположности между требованіями мірового рынка и торговой политикой правительствъ мы имѣемъ борьбу

капиталистическаго производства противъ оставленной намъ исторіей группировки государствъ. Борьба имѣетъ долгую исторію за собою. Благодаря этой борьбѣ палъ феодализмъ и возникло централизованное государство; эта же борьба впоследствии привела къ образованію національнаго государства. Классъ капиталистовъ былъ носителемъ революціоннаго начала въ этой борьбѣ. И вотъ теперь, при той стадіи развитія, которой достигъ міровой рынокъ въ настоящее время, производство вновь натывается на политическія преграды. Но теперь классъ капиталистовъ не содѣйствуетъ уже дальнѣйшему развитію процесса, а старается помѣшать ему. И это потому, что капитализмъ достигъ тѣхъ предѣловъ, когда капиталистическая форма собственности находится въ непримиримомъ антагонизмѣ съ интересами производственнаго развитія. Носителемъ новаго начала отнынѣ можетъ быть уже только одинъ *пролетаріатъ*.

Капиталистическое перепроизводство, т. е. несоответствіе капиталистическаго производства съ распределеніемъ цѣнностей, несоответствіе, имѣющее источникомъ капиталистическую форму собственности, заставляетъ капиталъ каждого отдѣльнаго государства, стремиться къ исключительному положенію на міровомъ рынкѣ. Для осуществленія этихъ стремленій пускаются въ ходъ всѣ силы государства. Вотъ въ чемъ заключается смыслъ той таможенной системы, которая начала вырабатываться въ концѣ 19 столѣтія. Внутренній рынокъ — для „національнаго“ капитала, а внѣшній рынокъ... для него же! Ограждая себя баррикадами другъ отъ друга, государства отнимаютъ другъ у друга рынки для сбыта. Этому горю стараются помочь, подводя другъ противъ друга мины въ видѣ *вывозныхъ премій*, которыя должны подрывать значеніе охранительныхъ пошлинъ. Эти мудрствованія въ торговой политикѣ приводятъ, какъ показалъ примѣръ премій на сахаръ, къ самому жалкому банкротству. Тѣмъ сильнѣе становится стремленіе каждого государства создать себѣ рынокъ въ колоніяхъ и сдѣлать его недоступнымъ для другихъ индустриальныхъ государствъ. Стремленіе въ колоніи есть бѣгство капитала отъ его собственной таможенной системы, которую онъ однако переноситъ съ собою и въ колоніи. Такова сущность *империализма*. Индустриальное

государство и цѣлый колоніальный міръ, объединенные между собою и отдѣленные отъ всего остального свѣта крѣпостными стѣнами охранительныхъ пошлинъ! Если бѣ кому-нибудь удалось осуществить этотъ идеалъ, то въ новомъ капиталистическомъ государствѣ съ особенной силой дали бы себя чувствовать тѣ противорѣчія капиталистической эволюціи, которыя заставляютъ мечтать о подобномъ идеалѣ. Но такого идеала нельзя осуществить потому, что движущія силы мірового рынка не отторжимо одна отъ другой. Здѣсь предъ нами опять одинъ изъ тѣхъ парадоксовъ, которые чрезвычайно характерны для настоящаго момента капиталистической эволюціи: въ то время, какъ политика пролетаріата становится на все болѣе и болѣе реальную почву, политика капиталистовъ все болѣе и болѣе удаляется въ безбрежный океанъ беспочвенныхъ и фантастическихъ плановъ. Но въ распоряженіи капиталистовъ находится государственная власть, поэтому утопическая политика капитала можетъ оказаться крайне опасной для народовъ: капиталисты будутъ стараться силой подавить развитіе мірового рынка, что неминуемо приведетъ, отчасти уже не разъ приводило къ катастрофамъ на міровомъ рынкѣ и къ грознымъ политическимъ потрясеніямъ.

Англійскій имперіализмъ.

Чтобы уловить конкретныя основы той колоніально-политической — или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, имперіалистической — борьбы, которою открылся 20 вѣкъ, необходимо разобратся въ отношеніяхъ Англій къ странамъ, держащимся системы охранительныхъ пошлинъ.

Прежде всего разсмотримъ данныя относительно развитія торговыхъ отношеній между Великобританіей и остальной Европой. По Mulhall'у ввозно-вывозная торговля Англій съ Европой составляла въ *процентахъ* общаго англійскаго ввоза и вывоза:

	Ввозъ товаровъ.	Вывозъ товаровъ.
1854—1860 г.	37,1 проц.	41,3 проц.
1861—1880 "	40,8 "	48,2 "
1881—1887 "	42,0 "	43,0 "

Для Англій, слѣдовательно, индустріальное развитіе Европы долгое время представляло выгоду во многихъ отношеніяхъ: Англія увеличила свой ввозъ въ Европу, какъ и свой вывозъ изъ Европы, что, какъ мы уже объяснили выше, и должно было имѣть мѣсто по законамъ развитія мірового рынка. Но съ 1880-ымъ годомъ — съ началомъ новой эры охранительныхъ пошлинъ — происходитъ рѣзкій поворотъ въ отношеніяхъ: вывозъ Англій изъ Европы продолжаетъ возрастать, но относительная цифра ея ввоза въ Европу сильно падаетъ. Это неблагоприятное отношеніе длится долго и принимаетъ болѣе острую форму. Такъ въ періодъ 1881—87 гг. Англія вывозила изъ Германіи товаровъ среднимъ числомъ на 24,6 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, въ 1904 году она вывезла товаровъ на 33,9 милліоновъ, т. е. почти въ полтора раза больше; ввозъ же англійскихъ товаровъ въ Германію *понижился* съ 29 милліоновъ фунтовъ въ годъ періода 1881—87 гг. до 25,1 въ 1904 г. Подобнымъ же образомъ измѣнилась и торговля Англій съ Соединенными Штатами. Какое вліяніе на англо-американскую торговлю оказали таможенные тарифы Динглея и Макъ-Кинлея, показываютъ слѣдующія цифры: въ 1881—87 гг. Англія вывозила изъ Соединенныхъ Штатовъ, среднимъ числомъ, на 89,5 милліоновъ фунтовъ въ годъ; въ 1904 году — на 119,2 милліоновъ фунтовъ. Ввозъ же ея въ Соединенные Штаты *понижился* съ 36,3 до 20,2 милліоновъ фунтовъ. (Всѣ цифровыя данныя взяты изъ „Dictionary“ Mulhall'a и „The Statesmanns Year-Book“).

Изъ чрезвычайно поучительныхъ цифръ, которыя даетъ В. А. С. Гевонсъ, мы заимствуемъ данныя для слѣдующей таблицы, показывающей нѣкоторыя подробности того же процесса:

Общій вывозъ товаровъ, ввозъ фабрикатовъ, перевѣсъ вывоза фабрикатовъ надъ ввозомъ въ Англій (въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ):

Среднимъ числомъ въ	общій вывозъ.	Ввозъ фаб- рикатовъ.	Перевѣсъ вывоза фаб- рикатовъ.
1871—1875 г.	58	58	156
1881—1885 "	63	77	122
1891—1895 "	61	92	100
1901—1905 "	70	135	90

Гевонсъ говоритъ: „Если то же направленіе торговли сохранится надолго, то Великобританія въ недалекомъ будущемъ начнетъ ввозить больше *фабрикатовъ*, чѣмъ вывозить“. А между тѣмъ еще въ серединѣ прошлаго столѣтія Англію называли „мастерской всего міра“! Утрата Англіей ея исключительнаго индустріальнаго положенія вполне соотвѣтствуетъ законамъ развитія міроваго рынка; но охранительныя пошлины остальныхъ государствъ задерживали неблагоприятный для Англіи ходъ вещей.

Мѣшая ввозу англійскихъ товаровъ охранительными пошлинами, европейскія индустріальныя государства пользовались англійской свободой торговли для того, чтобы проникнуть въ англійскія колоніи. На это указываютъ возрастающія цифры общаго англійскаго вывоза. Въ особенности *Германія* извлекла много выгодъ изъ посреднической торговли въ Англіи. Впрочемъ, она не преминула вступить и въ прямая торговля сношенія съ англійскими колоніями, и эта прямая торговля съ колоніями принимала тѣмъ болѣе широкіе размѣры, чѣмъ дальше уходили колоніи въ своемъ экономическомъ и политическомъ освобожденіи отъ метрополій.

Общеизвѣстный политическій фактъ, что англійскій имперіализмъ представляетъ противовѣсъ охранительнымъ системамъ пошлинъ остальныхъ индустріальныхъ государствъ. Поскольку онъ играетъ такую роль, онъ является отраженіемъ развитія міроваго рынка, обратнымъ дѣйствіемъ міроваго рынка на торговую политику тѣхъ государствъ, которыя препятствуютъ его развитію. Дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе—такъ устанавливается равновѣсіе въ развитіи капитализма. Но англійскій имперіализмъ имѣетъ еще и другую сторону: онъ представляетъ не только отраженіе таможенной политики Европы и Америки, но также и политическую реакцію англійскихъ капиталистовъ на социальное развитіе англійскихъ колоній.

Мы знаемъ, что развитіе капитализма въ колоніяхъ толкаетъ ихъ къ отпаденію отъ метрополій. Этотъ процессъ сопровождается расширеніемъ торговыхъ отношеній между колоніями и чужими государствами, при чемъ метрополіи отгѣсняются на второй планъ. Неопровержимыя до-

казательства этому даетъ намъ статистика торговли крупнейшихъ англійскихъ колоній.

Ввозъ *англійскихъ товаровъ* въ колоніи выразился въ слѣдующихъ процентныхъ цифрахъ общаго ввоза въ колоніи (по Гевонсу):

	Канада	Австра	Нов. Зе- лія	Кап- ландія	Натал.	В. Индія.
	40.1	—	66,4	84,8	81,6	78,5
1885—89 г.	36,1	70,5	65,2	80,9	75,8	72,4
1890—94 г.	26,7	66,5	64,2	72,9	69,3	68,3
1895—99 г.	24,5	58,6	59,7	63,4	57,9	65,0
1900—04 г.						

Съ поразительною правильностью мы видимъ пониженіе ввозимыхъ изъ Англіи товаровъ во всѣхъ колоніяхъ.

Англійскій капиталъ, который въ борьбѣ противъ охранительной системы пошлинъ другихъ индустріальныхъ государствъ стремится создать для себя въ колоніяхъ монополію, вступаетъ въ болѣе и болѣе рѣзкій конфликтъ съ развитіемъ производства въ самыхъ колоніяхъ: производственное развитіе колоній требуетъ все большей интернационализациі торговыхъ отношеній.

Капиталистическое развитіе промышленности уравниваетъ технику производства и социальныя отношенія во всемъ мірѣ. Но, благодаря одинаковымъ социальнымъ отношеніямъ и одинаковой technikѣ производства, вновь начинаютъ приобрѣтать значеніе географическія и другія физическія особенности каждой отдѣльной страны,—тѣ самыя особенности, которыя были лишены значенія капитализмомъ на предыдущей стадіи его развитія. Такую смѣну основъ экономическаго развитія мы видѣли сначала въ Америкѣ, потомъ въ Восточной Азіи. Подъ вліяніемъ развитія міроваго рынка этотъ процессъ долженъ еще болѣе усиливаться. Совершенно неразумны поэтому тенденціи англійскаго имперіализма: страны, разбросанныя по разнымъ частямъ свѣта и въ силу своего экономическаго развитія вынужденныя вступать въ тѣсную связь съ сосѣдними странами и внѣанглійскимъ міромъ, англійскій имперіализмъ при помощи государственной силы стремится сплотить въ единое цѣлое, не считаясь съ тѣмъ, что ихъ раздѣляетъ.

Английский империализмъ является симптомомъ не роста, а агоніи колониальнаго могущества Англии. Это—не начало, а завершение историческаго процесса. Идеи империализма лежали въ основѣ английской колониальной политики съ перваго момента ея возникновенія¹⁾. Англии, какъ и остальнымъ европейскимъ колониальнымъ государствамъ, и въ голову не приходило предоставить своимъ колоніямъ самостоятельность; для подавленія самостоятельнаго экономическаго развитія колоній она пускала въ ходъ всѣ свои военныя средства. Но уже въ концѣ 18 столѣтія английскому империализму нанесенъ былъ смертельный ударъ—отпаденіемъ Американскихъ Штатовъ. Съ тѣхъ поръ Великобританія путемъ политики уступокъ и приспособленія сумѣла кое-какъ сохранить болѣе или менѣе слабую политическую связь съ ея колониальными поселеніями. Но теперь колоніи развились такъ широко, что империалистическому владычеству Британіи со всѣхъ сторонъ грозятъ опасности. Эти опасности и заставляютъ Англию пускаться въ отчаянныя аферы. Английскій капиталъ, которому къ тому же приходится выдерживать жестокую борьбу за сохраненіе своего мѣста на мировомъ рынкѣ, хватается за самыя отчаянныя, за самыя нераціональныя средства, чтобы какъ-нибудь сохранить свое колониальное владычество. Таковъ характеръ нынѣшняго англійскаго империализма.

Чѣмъ труднѣе однако становится сохранить монополь-

¹⁾ Въ 17 и 18 столѣтіяхъ Англія много разъ издавала постановленія, запрещавшія ея колоніямъ ввозить товары иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ, имѣющихъ англійскаго капитана и англійскую команду; колоніямъ запрещено было непосредственно вести торговлю съ чужими государствами; составлялись особые списки товаровъ, которые колоніи могли вывозить только въ Англію или черезъ Англію. Среди этихъ товаровъ главное мѣсто неизмѣнно занимали: сахаръ, хлопчатая бумага и табакъ. Списки постоянно пополнялись, такъ что въ концѣ концовъ, охватили всѣ такъ называемые колониальные товары. Постоянно устанавливались запретительныя пошлины на заграничные товары, ввозимые въ колоніи. Мало этого: путемъ пошлинъ и прямыхъ запрещеній Англія стремилась подавлять въ зародышѣ всякую малѣйшую попытку самостоятельной промышленной дѣятельности колоній; налогами она облагала колоніи по своему усмотрѣнію. Это былъ империализмъ, о какомъ въ настоящее время ни одно изъ государствъ и мечтать не можетъ. И, тѣмъ не менѣе, этотъ империализмъ привелъ къ полному крушенію всей системы, даже въ тѣ времена!

ное положеніе въ развивающихся колоніяхъ, чѣмъ больше приходится считаться съ конкуренціей промышленности, возникающей въ самыхъ колоніяхъ или въ мѣстахъ съ болѣе благопріятнымъ географическимъ положеніемъ,—тѣмъ усерднѣе англійскій капиталъ ищетъ колоній въ наиболѣе отсталыхъ странахъ. Поэтому то предметомъ его вождельнй и является теперь *Африка*.

Банки, картели и колониальная политика въ Африкѣ.

Въ своихъ рѣчахъ къ прославленію колониальной политики германскій директоръ колоній *Дернбургъ* указывалъ, какъ на особенно важный фактъ, на то обстоятельство, что за послѣдніе 22 года „національное имущество“ Германіи увеличилось „при самомъ скромномъ разсчетѣ на 30000 милліоновъ“, а вклады въ сберегательныя кассы составляютъ 700 милліоновъ марокъ въ годъ. Указаніемъ на увеличеніе богатствъ буржуазіи директоръ колоній хотѣлъ показать, какъ неблагодарны и нахальны нѣмецкіе рабочіе: буржуазія богатѣетъ, а рабочіе жалуются на государственные налоги, отнимающіе все большую часть ихъ заработка. Впрочемъ, на устахъ этого человѣка, призваннаго перенести на государственныя дѣла банковую практику, приведенныя цифры имѣютъ еще и другое, очень важное, значеніе: суммы, на которыя ссылался господинъ Дернбургъ, въ его глазахъ, являются капиталомъ, который ищетъ себѣ *прложенія*, и, если нѣтъ другихъ средствъ, то найти приложеніе капиталу надо силой. Онъ считаетъ большою ошибкой со стороны Германіи, что она уже давно не ведетъ болѣе рѣшительной колониальной политики. „Но теперь,—заявляетъ онъ,—мы еще болѣе, чѣмъ прежде, нуждаемся въ такой политикѣ, такъ какъ этого требуетъ *ростъ нашей индустріи*“. Въ заключеніе онъ ссылается на мнѣніе одного французскаго писателя, утверждающаго, что „нынѣшняя Германія должна имѣть сбытъ своимъ товарамъ *за океаномъ*, или же она погибнетъ“.

Гибель предстоит не Германіи, а господству капитала. И не въ одной только Германіи!

Мы здѣсь ограничимся только констатированіемъ того факта, что германскій министръ колоній сваливаетъ въ одну кучу заокеаническую и колоніальную торговлю. Благодаря этому, оказывается необходимымъ для торговли съ Африкой сохранить торговлю съ Америкой, которой ставятъ всевозможныя таможенныя препятствія.

Для насъ важно то, что въ официальной мотивировкѣ необходимости колоніальной политики можно открыть ту основу капиталистической колоніальной политики, которую мы выяснили выше. Правда, здѣсь она выступаетъ предъ нами въ замаскированномъ видѣ, благодаря тому, что развитіе капитализма, имѣющее чисто классовое значеніе, принимается за социальное развитіе всей націи. Подъ ростомъ „національнаго имущества“ надо понимать лишь накопленіе капиталовъ: оно и вызываетъ тѣ „потребности растущей индустріи“, о которой говорятъ министры. Но почему „потребности растущей индустріи“ не приводятъ къ соответствующему расширенію *внутренняго рынка*?— Этотъ вопросъ лежитъ внѣ сферы дѣятельности ума капиталистовъ. Мы знаемъ, что указанное противорѣчіе обусловливается капиталистическимъ перепроизводствомъ, что препятствіемъ расширенію потребленія на товарномъ рынкѣ служитъ капиталистическая форма собственности. Вотъ почему капиталъ стремится, минуя внутренний рынокъ, найти внѣшніе. Это стремленіе особенно усиливается подъ вліяніемъ широко разрастающихся отношеній мірового производства. Государственные мужи капиталистическаго общества не въ состояніи объяснить этого явленія; но, какъ фактъ, оно слишкомъ настойчиво надвигается предъ ними, и они считаютъ его естественной необходимостью.

Господинъ *Дернбургъ* употребляетъ жаргонъ биржи. Однако и изъ его словъ вполне ясно, что современная колоніальная политика менѣе занята вопросами объ экономической полезности колоній, чѣмъ вопросами о *внутреннихъ потребностяхъ капитала*: капиталъ заставляетъ искать колоній и находить ихъ, гдѣ бы то ни было, какой бы видъ онѣ ни имѣли, и какими бы средствами ихъ ни приходилось приобретать. Ростъ капитализма выражается въ постоянномъ возрастаніи денежнаго капитала, ко-

торый однако отнюдь не соответствуетъ еще дѣйствительному росту капитализма.

Въ 19 вѣкѣ накопленіе и концентрація денежнаго капитала достигли колоссальныхъ размѣровъ. По Mulhall'у *Богатство банковъ* (капиталъ, резервные фонды и депозиты) въ Великобританіи развивалось слѣдующимъ образомъ:

годъ	милл. ф. стерл.	на 1 жителя
1825	89	4,1
1835	101	4,0
1840	132	5,0
1850	260	9,3
1874	782	24,4
1890	910	24,0

Эти цифры показываютъ только пропорцію роста капитала, а не абсолютное увеличеніе, такъ какъ вклады не залеживались въ банковыхъ кассахъ, а направлялись дальше. Изъ этихъ цифръ мы видимъ также, что банки содѣйствуютъ все большей концентраціи денежнаго капитала. Изъ всѣхъ частныхъ кассъ деньги стекаются въ банки. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія еще очень распространены были сберегательныя кассы, которыя облегчали кошелекъ небогатаго человѣка. Mulhall приводитъ слѣдующія цифры о развитіи сберегательныхъ кассъ въ Европѣ.

Годъ	Вклады въ милл. ф. стерл.	Собств. вклад.	На 1000 жителей книж. сбер. касс.
1840	38,7	—	—
1850	52,7	2748000	12
1860	127,1	—	—
1870	246,3	10482000	40
1889	648,3	19875000 *)	67*)
1896	955,3	42010000	130

Количество денегъ, находящихся въ обращеніи, возрастаетъ не только въ силу общаго роста капитала, но также и благодаря тому, что деньги не задерживаются въ частныхъ

*) Эти цифры относятся къ 1882 году.

руках: фабрикантъ и купецъ оставляютъ въ своихъ частныхъ кассахъ лишь самую минимальную часть наличности, а всѣ остальные притекающія суммы немедленно помѣщаютъ въ банкахъ или въ цѣнныхъ бумагахъ. Входитъ въ практику банковая система расчета, при которой платежи наличными сокращаются и замѣняются переписываніемъ счетовъ. Въ то же время банки и сберегательныя кассы капитализируютъ и другія суммы раньше, чѣмъ ихъ успѣли употребить на покупку товаровъ. Это — деньги крестьянина и ремесленника, доходы такихъ общественныхъ элементовъ, которые стоятъ внѣ производственного процесса (доходы людей свободныхъ профессій, врачей, адвокатовъ, чиновниковъ и т. д.), даже плата рабочихъ и жалованье домашней прислуги. Если количество денегъ капиталистовъ увеличивается благодаря перевѣсу прибавочной цѣнности надъ расходами этого класса, то остальные классы населенія увеличиваютъ количество денегъ путемъ ограниченія своихъ потребностей, путемъ „бережливости“. Столь восхваляемая сберегательныя кассы служатъ такимъ образомъ въ значительной степени ограниченію потребленія на рынкѣ и увеличенію внутренней силы индустріи. Это еще болѣе обостряетъ и увеличиваетъ противорѣчіе капиталистическаго производства, противорѣчіе между развитіемъ производства и формой собственности.

Большое значеніе имѣютъ еще явленія, обусловленные однимъ изъ законовъ производственного развитія, открытымъ Марксомъ. Капиталисты не разбираются въ основахъ этого закона, но чувствуютъ его силу въ формѣ потребности въ расширеніи производства. Это — законъ пониженія доли прибыли. Чтобы понять этотъ законъ, надо помнить, что съ развитіемъ техники производства рабочій оказывается въ состояніи обрабатывать все большее количество сырого матеріала и обращаться съ болѣе и болѣе сложными машинами. Благодаря этому чрезвычайно увеличиваются расходы на сырой матеріалъ, на машины и другія фабричныя приспособленія. Такъ, на примѣръ, по Statistisches Jahrbuch fur das Deutsche Reich, въ желѣзоплавильномъ производствѣ въ Германіи одинъ рабочій въ 1885 году обрабатывалъ въ среднемъ 51,3 тоннъ сырого желѣза, а въ 1904 году — 80 тоннъ; за это время стоимость

продукта, производимаго среднимъ числомъ однимъ рабочимъ, возросла съ 5200 марокъ до 7000. Однако, *прибавочная цѣнность*, которую капиталистъ получаетъ съ рабочаго, не возрастаетъ въ такой же пропорціи, она можетъ и совсѣмъ не повышаться или даже понизиться. Прибавочная цѣнность всего годового производства, хотя и возрастаетъ, но падаетъ на капиталъ, возросшій въ большей прогрессіи, и поэтому даетъ меньшій процентъ прибыли. Законъ понижающейся доли прибыли переносится и въ сферу кредитныхъ отношеній, гдѣ находитъ себѣ выраженіе въ пониженіи процента. Такъ, на примѣръ, средній кредитный процентъ англійскаго банка составлялъ:

1801—50 гг.	1851—60	1861—70	1871—80	1881—88
4, 5 проц.	4, 1 проц.	4, 2 проц.	3, 3 проц.	3, 3 проц.

Чѣмъ бы ни вызывалось скопленіе денегъ — общимъ ростомъ капитала, исчезновеніемъ препятствій для свободного обращенія или ограниченіемъ потребностей потребителей, чѣмъ бы ни обуславливалось пониженіе процента — вытекающимъ изъ законовъ производства пониженіемъ доли прибыли или чрезмѣрнымъ накопленіемъ денежнаго капитала, — банки и капиталисты объясняютъ накопленіе денегъ и пониженіе процента отсутствіемъ достаточно широкой сферы для приложенія капитала. Помочь этому горю, по ихъ мнѣнію, можно только расширеніемъ промышленности.

Расширеніемъ промышленности и техническими усовершенствованіями капиталисты хотятъ спастись отъ закона пониженія доли прибыли; но ихъ старанія, въ конечномъ счетѣ, приводятъ къ большему еще пониженію относительной прибыли. Однако причины этого окончательнаго результата, еще большаго пониженія, остаются непонятными для капиталистовъ благодаря тому, что путемъ оранжерейнаго, искусственнаго развитія промышленности имъ удается на короткое время вызывать повышеніе прибыли. Поэтому они снова и снова возобновляютъ ту же игру.

Общіе законы производства, внутренняя связь, взаимодѣйствіе и противорѣчія различныхъ факторовъ капиталистическаго производства постоянно гонятъ капиталиста впередъ, заставляютъ его безостановочно расширять про-

изводство. Чтобы вознаградить себя за тѣ ограниченія товарнаго рынка, которыя обусловливаются сокращеніемъ потребленія рабочихъ вслѣдствіе эксплуатаціи ихъ капиталомъ, капиталисты бросаются на *производство матеріаловъ для производства*. Каждая новая отрасль производства является для нихъ желаннымъ средствомъ разрушить старое производство, довести старыя фабрики до банкротства, выдвинуть на ихъ мѣсто новыя фабрики, новое производство. Каждое техническое нововведеніе быстро разносится по всему земному шару. Если въ какой-нибудь странѣ чуть начинается зарождаться промышленность, индустріальныя государства тотчасъ же бросаются помогать ей машинами и полуфабрикатами. Въ техническомъ составѣ европейской промышленности въ концѣ 19 столѣтія произошла перемѣна, которая окажетъ громадное вліяніе на развитие рынка въ 20 столѣтіи. На первый планъ вмѣсто текстильной промышленности выдвинулось производство *железнодорожного и машиностроительного*. Если прежде вывозили въ далекія страны дешевый ситецъ, то теперь ищутъ такихъ мѣстъ, гдѣ можно создать цѣлыя новыя *индустріи*. Какъ подарками для дѣтской елки въ настоящее время служатъ игрушечные железнодорожные поѣзда и пароходики съ моторами, такъ приносятъ въ Азію желѣзныя дороги цѣлыя бумагопрядильныя фабрики.

Въ послѣднее время и въ колоніальной политикѣ Африки первое мѣсто занимаетъ *постройка желѣзныхъ дорогъ*. Объясненіе этому явленію слѣдуетъ искать не въ экономическомъ развитіи Африки, а скорѣе въ развитіи *железообрабатывающей индустріи въ Европѣ и Америкѣ*. Железнодорожное и машиностроительное производство толкало въ индустріальныхъ государствахъ къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, въ значительной степени толкало также къ форсированной постройкѣ *броненосцевъ*; теперь оно же властно толкаетъ къ *постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Африкѣ*.

Процессъ ускоряется еще благодаря синдикатамъ, картелямъ и концентраціи банковъ.

Мы задѣваемъ здѣсь область явленій, которая приобрѣли уже самое глубокое значеніе для капиталистической эволюціи нашего времени. Само собою разумѣется, что мы можемъ коснуться этой области лишь вскользь—поскольку

она соприкасается съ собственной темой нашего изслѣдованія.

Концентрація денежнаго капитала въ банкахъ привела къ концентраціи самихъ банковъ. Индустріальная концентрація была результатомъ технического прогресса и капиталистической конкуренціи; но большое содѣйствіе индустріальной концентраціи оказала концентрація денежнаго капитала—въ банкахъ или въ частныхъ рукахъ. Въ картеляхъ и синдикатахъ мы имѣемъ такого рода индустріальную концентрацію, которая далеко опередила техническую концентрацію производства, отчасти даже обусловливаетъ техническую концентрацію. При картеляхъ и синдикатахъ исчезаетъ перегородка между чисто денежнымъ и промышленнымъ капиталомъ: банки владѣютъ акціями и кредитными обязательствами промышленныхъ предприятий; промышленныя предприятия, въ свою очередь, владѣютъ акціями банковъ и имѣютъ своихъ представителей въ банковыхъ наблюдательныхъ комиссіяхъ. Надъ тѣми и другими царствуютъ *индустріальныя картели и банковыя консорціумы*. Третьимъ въ благородной компаніи является *капиталистическое государство*, бюджетъ котораго представляетъ самую крупную концентрацію и промышленнаго и денежнаго капитала. Государство связано самыми тѣсными узами съ частнымъ капиталомъ, благодаря новѣйшей техники военного дѣла и государственными долгамъ,—военная техника и государственные долги неразрывно связаны между собою.

Развитіе капиталистическаго мірового рынка все болѣе толкаетъ всѣхъ на путь мірового производства. Повинуясь законамъ мірового рынка, концентрированный капиталъ давнымъ давно покинулъ почву „національнаго“ государства и нашелъ точки опоры въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ свѣта.

Въ не разъ цитированной мною коллективной работѣ „Die Wertwirtschaft“ А. Terler даетъ очеркъ развитія *интернаціональныхъ отношеній банковъ* за 1905 годъ. По этому очерку можно составить себѣ ясное представленіе о размѣрахъ и значеніи разсматриваемаго процесса.

„Въ *Египтѣ* дальнѣйшія завоеванія дѣлаются при помощи англійскаго и, въ особенности, французскаго капитала. Укажемъ на слѣдующіе факты: Agricultural Bank of

Египт увеличилъ свой капиталъ на 1240000 фун. стерл.; Credit Mobilier Francais съ участіемъ Credito Italiano основалъ Banque France-Egyptien съ 12¹/₂ милліоновъ франковъ; основанъ Land-Bank of Egypt съ 500000 фун. стерл. въ акціяхъ, которыя распространяются въ Парижѣ. Упомянемъ наконецъ о колоссальной операціи Credit Foncier Egyptien, который взялъ на себя всѣ гипотечныя дѣла Cairo Sanich Company при повышеніи своего акціоннаго капитала съ 100 милліоновъ франковъ и эмиссіи облигацій въ 130 милліоновъ франковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ притокъ итальянскихъ денегъ въ Египетъ проявляется въ учрежденіи новыхъ филиальныхъ отдѣленій Banco du Roma. Притекаютъ и австрійскія деньги, что выражается въ открытіи отдѣленій Австрійскаго Земельнаго Банка въ *Каирѣ и Александріи*; Австрійскій Земельный Банкъ ведетъ дѣла вмѣстѣ съ Banque de Salonique, который увеличилъ свой капиталъ съ одного милліона франковъ на 6, а въ текущемъ году на 8 милліоновъ. Притокъ австрійскихъ денегъ выражается также въ участіи, которое принимаетъ Unionbank-Wien въ дѣлахъ Cassa du Sconto e di Risparmio въ Александріи и Каирѣ; акціонный капиталъ Дисконтнаго Банка былъ повышенъ съ 5 на 10 милліоновъ, изъ которыхъ Вѣнскій Уніонъ-Банкъ взялъ на себя два милліона. Появляется на горизонтѣ и Германія. Уже въ началѣ года Nationalbank für Deutschland вмѣстѣ съ греческими банками основалъ въ *Афинахъ* Orientbank, который къ концу года значительно расширился, благодаря присоединенію консорціума, „Дрезденскій Банкъ-Шафгаузенъ“. Въ то время, какъ главное отдѣленіе въ Афинахъ ограничиваетъ свои операціи одной Греціей, второе отдѣленіе Германскаго Оріентъ-Банка, располагающее капиталомъ въ 16 милліоновъ марокъ, постоянно расширяетъ арену своей дѣятельности: пускаетъ прочные корни въ *Константинополь*, открываетъ или собирается открыть отдѣленія въ *Александріи, Каирѣ, Смирнѣ, Солоникахъ*. Вторая группа германскихъ банковъ оперируетъ въ *Болгаріи*: Дисконтное Общество и домъ Блейхредеръ основываютъ въ *Софії* Болгарскій Кредитный Банкъ съ капиталомъ въ 3 милліона франковъ. Дѣятельность германскихъ банковъ вызываетъ однако лихорадочную работу французскихъ и, въ особенности, австрійскихъ финансовыхъ учре-

жденій; послѣднія чувствуютъ, что имъ грозитъ опасность на издавна занятой ими территоріи, и по инициативѣ и подѣ покровительствомъ своего правительства энергично начинаютъ дѣйствовать. Такъ, коммерческій банкъ въ *Софії*, основанный 7 лѣтъ тому назадъ Будапештскимъ банкомъ, теперь значительно расширяется, приводится въ тѣсную связь съ новымъ филиальнымъ отдѣленіемъ въ *Филипполѣ* и старыми отдѣленіями въ *Руссукѣ* и въ *Варнѣ*; энергичное содѣйствіе австро-венгерскимъ банкамъ оказываютъ французы: Banque de Paris et des Pays-Bas беретъ на себя двѣ трети капитала, повышеннаго съ трехъ на четыре милліона франковъ. Вѣнскій Банкъ-Ферейнъ основываетъ новый банкъ въ *Болгаріи*. Англійскій, французскій и итальянскій капиталъ въ концѣ-концовъ прочно устраиваются въ *Абиссиніи*, тогда какъ нѣмецкія попытки въ *Абиссиніи* остаются до сихъ поръ безрезультатными. Основывается Абиссинскій Банкъ съ акціоннымъ капиталомъ въ 500000 ф. стерл., которые предлагаются для подписки по 140 процентовъ. Во главѣ этого банка, главное отдѣленіе котораго находится въ *Каирѣ*, а управленіе въ *Аддисъ Абеба*, стоитъ National Bank of Egypt; въ главномъ управленіи рядомъ съ нимъ вліятельное положеніе занимаетъ парижское Société Générale de Credit Industriel et Commercial и римскій Banca d'Italia. Главная задача Абиссинскаго банка—организація и регулированіе банковыхъ, торговыхъ, финансовыхъ и промышленныхъ предпріятій; но на ряду съ этимъ хедифъ возложилъ на Абиссинскій Банкъ также регулированіе денежнаго обращенія, чеканку монетъ, выпускъ бумагъ, регулированіе денежныхъ дѣлъ правительства, при чемъ банку предоставлены особыя льготы при эмиссіи всѣхъ правительственныхъ кредитныхъ бумагъ. Для защиты интересовъ германской торговли въ *Америкѣ* (внѣ Соединенныхъ Штатовъ) призваны къ жизни два новыхъ учрежденія: Основанный группой „Нѣмецкій Банкъ“ банкъ для центральной Америки въ *Гватемалѣ* съ акціоннымъ капиталомъ въ 10 милліоновъ марокъ и основанный консорціумомъ „Дрезденскій Банкъ—Шафгаузенъ“ и Nationalbank für Deutschland Германскій Южно-Американскій Банкъ съ номинальнымъ капиталомъ въ 20 милліоновъ марокъ; этотъ банкъ оперируетъ въ *Буэнос-Айресѣ*. Кромѣ того, Bank für Chile und Deutschland открылъ

отдѣленія въ *Ла Паунъ, Друкъ и Боливинъ*, Ueberscillche Bank открылъ отдѣленія въ *Лимъ (Перу)*. Но здѣсь энергично отстаиваютъ свои интересы и французы: Union Parisienne сообщая съ Société Générale de Belgique открыла Banque Hypothécaire France-Argentine, а затѣмъ и Société Financière France-Américaine съ капиталомъ въ 50 милліоновъ франковъ; въ послѣднемъ учрежденіи участвуютъ изъ Нью-Йорка дома Speyer и С^о и A. Iselin и С^о. Сильно будетъ представленъ французскій капиталъ также въ имѣющемъ возродиться Бразиліанскомъ Національномъ Банкѣ, который, вѣроятно, будетъ располагать капиталомъ въ 136 милліоновъ франковъ. На Дальнемъ Востокѣ, наконецъ, соперничаютъ другъ съ другомъ Англія и Германія. Въ то время, какъ Германско-Азіатскій Банкъ открываетъ агентуру въ Пекинѣ и въ Японіи учреждаетъ первое банковое представительство въ *Токагамъ*, англійскіе финансисты основываютъ *Japanese and Eastern Corporation Ltd* съ акціоннымъ капиталомъ въ 50000 ф. стерлинговъ и облигаціоннымъ въ 1 милліонъ ф. стерл. Главная задача этого учрежденія — финансированіе промышленныхъ предприятий Японіи и, кромѣ того, также развитіе товарнаго обращенія.

На ряду съ этимъ, въ истекшемъ году обнаруживаются новыя интернаціональныя завоеванія въ финансовой области. Подъ вліяніемъ этихъ завоеваній все болѣе стуживаются территоріальныя грани, разстояніе все болѣе утрачиваетъ значеніе, міровой денежный рынокъ, или, по крайней мѣрѣ, денежный рынокъ стараго міра все болѣе выступаетъ въ роли великаго единаго цѣлаго. И здѣсь опять-таки наибольшую энергію въ развитіи своихъ международныхъ сношеній проявляетъ Германія, и воодушевляется ею Австрія. Такъ, напримѣръ, Дармштадтскій Банкъ начинаетъ принимать болѣе близкое участіе въ Crédit Anversois, Дисконтный Банкъ входитъ въ соглашеніе съ Kuhn, Loeb и С^о, Нѣмецкій Банкъ — съ Spreyer и С^о, Торговое Общество — Hollgarten и С^о въ Нью-Йоркѣ, Дрезденскій Банкъ — съ домомъ J. P. Morgan и С^о въ Нью-Йоркѣ, то же общество учреждаетъ агентуру въ Мадридѣ, близкая къ Національному Банку фирма E. Frickdeauer и С^о Ltd. въ Йоганисбургѣ (Трансвааль) увеличиваетъ свой капиталъ съ 127500 ф. стерл. на 227500. Берлинское Тор-

говое Общество сближается съ Нижне-австрійскимъ Дисконтнымъ Обществомъ, благодаря чему создается связующее звено между германской и австрійской *горной промышленностью*; шафгаузскій Банкъ-Фрейнъ вступаетъ въ тѣсный союзъ съ вѣнскимъ Уніонъ Банкомъ; германскіе и французскіе капиталы вообще начинаютъ принимать самое широкое участіе въ увеличеніи капиталовъ австрійскихъ и итальянскихъ банковъ, которые уже и раньше въ большей или меньшей степени находились подъ ихъ вліяніемъ. Съ другой стороны, вѣнскій Уніонъ-Банкъ начинаетъ заправлять дѣлами фирмы Rosenberg и Cantor въ Лондонѣ съ сохраненіемъ за собою права превратить эту фирму въ свою філіалу; Länderbank также расширяетъ свою лондонскую філіалу, а многія другія австрійскія фирмы сообщая стараются вступить въ болѣе тѣсную связь съ Америкой, но пока не могутъ еще найти формы, въ которой осуществились бы ихъ желанія. Само австрійское правительство выступаетъ съ инициативой учрежденія заокеанскаго банковаго дѣла съ участіемъ всѣхъ банковъ и т. д. Вполнѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ этимъ явленіямъ, что Германія, — по примѣру, давно данному ей Англіей и Франціей, — тоже приступаетъ къ банковской организаціи въ своихъ африканскихъ колоніяхъ. Въ то время, какъ въ Того призывается къ жизни нѣмецкое банковое учрежденіе, гамбургская фирма Woermann сообщая съ Дисконтнымъ Обществомъ и Северо-германскимъ Банкомъ основываетъ банковую агентуру въ Свакопмундѣ. Еще серьезнѣе этихъ попытокъ учрежденіе Германско-Восточно-Африканскаго Банка, въ которомъ принимаютъ участіе различныя банковыя группы. Этотъ банкъ имѣетъ право увеличить свой двухмилліонный капиталъ до 10 милліоновъ марокъ, а при уступкѣ части прибылей мѣстному фиску пріобрѣтаетъ право выпускать мѣстные бумажныя бумаги".

Національный капиталъ бросаетъ свою родину, чтобы помочь промышленному развитію чужихъ странъ. Онъ соединяется, сплавляется съ иностранными капиталами, такъ что становится невозможнымъ отдѣлить нѣмецкій капиталъ отъ американскаго, турецкаго, греческаго. Ubi bene, ibi patria! Гдѣ пахнетъ наживой, тамъ родина!

Интернаціональний характеръ развитія денежнаго рынка ^{конкурировать}) положенія курса на $\frac{1}{2}$ проц. Болѣе любознательны еще переговоры съ *Сербіей*. Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ удалось наконецъ наладить франко-германско-австрийскій заемъ въ 110 милліоновъ франковъ; но все дѣло разстроилось потому, что сербское министерство потерпѣло крушеніе съ своимъ проектомъ о поставкѣ пушекъ. Въ концѣ того же года разстроился тоже совсѣмъ же почти налаженный съ австрійскими банками заемъ въ 70 милліоновъ; причиной крушеній займа на этотъ разъ была возобновившаяся таможенная война. Нѣчто подобное, хотя и съ другимъ исходомъ, имѣло мѣсто, когда бразиліанское государство *Сао Паоло* заключало пятипроцентный заемъ въ 3,89 милліоновъ ф. стерлинговъ. Реализовать заемъ взялся Дрезденскій банкъ сообщая съ Банкомъ de Paris et des Pays-Bas при посредничествѣ (что особенно должно быть отмѣчено!) представительства германскаго *Союза Сталелитейныхъ заводовъ* и фирмы *Круппа* въ Рю де Жанейро. Когда стало извѣстно, что предложенная гарантія обезпеченіе долга *Сорокобанская желѣзная дорога* по паймовому договору обязуется покрывать *все свои матеріальныя потребности исключительно у Круппа*, поднялись такіе протесты, что Дрезденскій банкъ оказался вынужденнымъ выбросить изъ договора этотъ пунктъ. Заказы, прочемъ, достались Круппу и безъ этого пункта. Напомню еще о попыткахъ Нѣмецкаго Банка *арендовать и эксплуатировать государственныя нефтяныя промыслы въ Румыніи*. Попытки эти пока остаются еще безрезультатными. Не менѣе многочисленны случаи реализаціи чужого займа съ цѣлью поддержать опредѣленную политику въ собственной странѣ. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи 10 милліонный краткосрочный заемъ, выданный араоккскому султану однимъ изъ германскихъ консорціумовъ (Блейхредеръ, Мендельсонъ, Дисконтное Общество, Торговое Общество;) характерно при этомъ и то, что, пока шли дипломатическіе переговоры, нѣмцы уступили половину займа одной французской группѣ. Не менѣе характерно и рѣшеніе германскаго консорціума реализовать *русскій* 500 милліонный заемъ — рѣшеніе, связанное съ разработкой русско-германскаго торговаго трактата. То самое — официальное одобреніе *имперскимъ канцелярскимъ германско-японскаго* займа. Во всѣхъ этихъ слу-

Интернаціональный характеръ развитія денежнаго рынка ^{конкурировать}) положенія курса на $\frac{1}{2}$ проц. Болѣе любознательны еще переговоры съ *Сербіей*. Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ удалось наконецъ наладить франко-германско-австрийскій заемъ въ 110 милліоновъ франковъ; но все дѣло разстроилось потому, что сербское министерство потерпѣло крушеніе съ своимъ проектомъ о поставкѣ пушекъ. Въ концѣ того же года разстроился тоже совсѣмъ же почти налаженный съ австрійскими банками заемъ въ 70 милліоновъ; причиной крушеній займа на этотъ разъ была возобновившаяся таможенная война. Нѣчто подобное, хотя и съ другимъ исходомъ, имѣло мѣсто, когда бразиліанское государство *Сао Паоло* заключало пятипроцентный заемъ въ 3,89 милліоновъ ф. стерлинговъ. Реализовать заемъ взялся Дрезденскій банкъ сообщая съ Банкомъ de Paris et des Pays-Bas при посредничествѣ (что особенно должно быть отмѣчено!) представительства германскаго *Союза Сталелитейныхъ заводовъ* и фирмы *Круппа* въ Рю де Жанейро. Когда стало извѣстно, что предложенная гарантія обезпеченіе долга *Сорокобанская желѣзная дорога* по паймовому договору обязуется покрывать *все свои матеріальныя потребности исключительно у Круппа*, поднялись такіе протесты, что Дрезденскій банкъ оказался вынужденнымъ выбросить изъ договора этотъ пунктъ. Заказы, прочемъ, достались Круппу и безъ этого пункта. Напомню еще о попыткахъ Нѣмецкаго Банка *арендовать и эксплуатировать государственныя нефтяныя промыслы въ Румыніи*. Попытки эти пока остаются еще безрезультатными. Не менѣе многочисленны случаи реализаціи чужого займа съ цѣлью поддержать опредѣленную политику въ собственной странѣ. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи 10 милліонный краткосрочный заемъ, выданный араоккскому султану однимъ изъ германскихъ консорціумовъ (Блейхредеръ, Мендельсонъ, Дисконтное Общество, Торговое Общество;) характерно при этомъ и то, что, пока шли дипломатическіе переговоры, нѣмцы уступили половину займа одной французской группѣ. Не менѣе характерно и рѣшеніе германскаго консорціума реализовать *русскій* 500 милліонный заемъ — рѣшеніе, связанное съ разработкой русско-германскаго торговаго трактата. То самое — официальное одобреніе *имперскимъ канцелярскимъ германско-японскаго* займа. Во всѣхъ этихъ слу-

¹⁾ Интернаціональность рынка для денежнаго капитала, какъ интернаціональность товарнаго рынка, привела въ 19 столѣтіи къ всеобщему переходу къ *золотой валютѣ*. Но эволюція идетъ дальше. Расплата деньгами вообще составляетъ особенность періода развитія товарнаго производства. Капиталистическій міровой рынокъ строится на томъ, что деньги замѣняются счетомъ, т. е. на томъ, что деньги утрачиваютъ свое матеріальное существованіе, превращаются въ отвлеченное понятіе. Но при этомъ деньги лишь перестаютъ быть предметомъ фетишистскаго поклоненія, но зато остаются единственнымъ отвлеченнымъ божествомъ.

Съ переходомъ къ золотой валютѣ прекращаются колебанія курсовъ государственныхъ бумагъ и кредитныхъ билетовъ. При этомъ происходитъ и уравненіе учета — явленіе, которое, впрочемъ, имѣетъ болѣе глубокія основы, именно, уравненіе доли прибыли.

Такъ предъ нами во всей красѣ дружно выступаютъ государство не можетъ принимать участія своими денежными средствами, оно должно для компенсации предоставить промышленныя картели, въ особенности желѣзнодорожная тывающая промышленность, банки и государство. Триединому капиталу всѣ льготы, которые находятся въ его вѣдѣніи: высокіе тарифы, освобожденіе на извѣстный срокъ отъ налоговъ, облегченіе въ приисканіи рабочей силы и принудительный трудъ туземцев!), право эксплуатировать слѣдующих имперскихъ выборахъ. Пока въ германскомъ рейхѣ, каменоломни, водопады и т. д. Кромѣ того, въ составѣ велись споры о предѣлахъ и компетенціи политическаго вѣдѣнія съ тѣмъ рискомъ, который несуть частныя общины себѣ правительство и сдѣлали его носителемъ своей политики. Имперскіе выборы 1907 года съ поразительною убѣдительностью доказали это. Не въ однихъ дорогахъ, о которыхъ мы только что говорили, но колоніальной политикѣ было здѣсь дѣло, а въ общепонятно прекрасное германское правительство и правительствомъ королевства Конго. Другія желѣзные дороги которую преслѣдовали картели и банки, и заключались получили официальные гарантіи своимъ капиталамъ по въ колоніальной политикѣ, въ особенности въ вопросѣ 2—4 проц. Это имѣло мѣсто, какъ извѣстно, при прокладкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Восточной Индіи, въ Алжирѣ, въ Африкѣ, въ Южной Америкѣ.

Въ стремленіяхъ строить въ колоніяхъ желѣзную дѣирѣ и т. д.. Наконецъ, нѣкоторыя желѣзнодорожныя рогу вопросъ о ея *доходности* имѣеть меньше значенія, компаніи получили гарантіи съ очень высокими кредитами. чѣмъ вопросъ *государственной гарантіи* или вопросъ объ *обнаженіи*, напримѣръ, на Юго-Западно-Бразиліанскія же- *использованіи финансовыхъ средствъ государства*. Въ этомъ желѣзныя дороги, которымъ было гарантировано minimum 60%, единоклудны всѣ защитники колоніальной политики. То же самое—желѣзная дорога въ португальской провин-

Въ концѣ 90-хъ годовъ Колоніально-Интернаціональнй Ангана" (Les chemins de fer aux colonies et des pays nый Институтъ предпринялъ анкету по поводу проведеніе P. I. VI. Conclusions des rapporteurs). желѣзной дороги въ колоніяхъ. Результаты этой анкеты Поэтому-то при обсужденіи вопроса о постройкѣ же- обнародованы въ 1900 году. Ихъ сводятъ къ слѣдующимъ дорогамъ въ колоніяхъ, что бы какъ-нибудь дующимъ положеніямъ: „Характерная черта всякихъ предѣлѣтъ вопросъ о *доходности*, выдвигаются всевозможныя пріятій, затѣваемыхъ не на родинѣ, это—невозможности зрѣнія—стратегическая, общехозяйственная, цивили- предусмотрѣтъ съ точки зрѣнія опредѣленныхъ отношеній торская... значеніе работъ и заранѣе учесть необходимыя денежныя. Лучше всего обезпечены интересы банковъ въ тѣхъ затраты... Такимъ образомъ, не считая самыхъ исключительныхъ случаевъ, когда желѣзную дорогу строить само *государ- тельныхъ случаевъ*, и частный капиталъ никогда не въ *своѣмъ* они даютъ государству капиталъ и получаютъ его стояніи составить себѣ яснаго представленія о предстоящемъ *обратно* съ процентами, нисколько не заботясь о томъ,

удастся государству выручить проценты или нѣтъ. Точно такъ же и для промышленныхъ картелей выгоднѣе все имѣть съ государствомъ дѣла по поставкѣ рельсовъ т. д.

При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ послѣдніе годы очень успѣшно идетъ разпространеніе желѣзнодорожной сѣти въ Африкѣ.

Длина всей желѣзнодорожной линіи въ Африкѣ составляла:

Въ 1890 году	9386 километровъ
„ 1904 „	26074 „

Но это—только начало, такъ какъ Африка представляетъ необъятную площадь земли. Зарождаются грандіозные планы, какъ, на примѣръ, планъ постройки желѣзнодорожной дороги черезъ Сахару, или приморской желѣзнодорожной, которая соединила бы Александрію съ Капштадтомъ, или крайній сѣверъ съ крайнимъ югомъ Африки. Отчего бы и не задаваться такими грандіозными планами? *Государство все оплатитъ.* Но для массы населенія Европы осуществленіе такихъ плановъ означаетъ постоянное возрастаніе бремени налоговъ.

Какъ колонія, *Африка* меньше всего отличается единствомъ. Ея *сѣверное побережье*, омываемое Средиземнымъ моремъ, отдѣлено отъ населенной неграми тропической области не только громадной пустыней, но и всей предшествовавшей исторіей. Уже цѣлыхъ три четверти вѣка здѣсь занимается колонизаціонной работой Франція. *Алжиръ* уже поглотилъ у Франціи больше денегъ чѣмъ ей пришлось уплатить Германіи въ видѣ военной контрибуціи. Но дефицитъ не уменьшается, а сильно возрастаетъ, такъ какъ къ постоянно увеличивающимся военнымъ расходамъ теперь присоединяются еще расходы на желѣзную дорогу. Въ теченіе 75 лѣтъ своего владѣнія Алжиромъ Франція истратила на эту колонію почти 6265 милліоновъ марокъ больше, чѣмъ получила съ нею. Въ послѣднія 6 лѣтъ, съ 1901 до 1906 года, приплюсовано 1480 милліоновъ. Сумма процентовъ по гарантіямъ, которую французское государство уже уплатило за алжирскую желѣзную дорогу, составляетъ болѣе 700 милліоновъ марокъ.

Совершенно другія соціальныя отношенія мы видимъ въ *Египтѣ*. Въ этомъ государствѣ командуетъ Англія, которая съ 1882 года содержитъ здѣсь свою оккупационную армію. Вопросъ объ Египтѣ составляетъ часть европейскаго *восточнаго вопроса*, который все настоятельнѣе требуетъ рѣшенія и который связанъ съ величайшими опасностями для европейскаго мира.

Колоніальною областью въ собственномъ смыслѣ слова является *центральная Африка*. Сначала здѣсь добывали золото, потомъ—людей. Это—собственная территория охоты на невольниковъ. Но въ послѣднюю четверть 19 вѣка, послѣ того, какъ Стэнли открылъ теченіе Конго (1878 годъ), европейцы начали проникать въ глубь страны.

Присматриваясь къ торговой статистикѣ центральной Африки, всюду находишь повтореніе однихъ и тѣхъ же предметовъ вывоза: каучукъ, слоновая кость, кокосовый орѣхъ и кокосовое масло. Это доказываетъ, что вся колониальная дѣятельность здѣсь еще находится на стадіи разграбленія естественныхъ богатствъ страны. Въ какой мѣрѣ удастся выйти изъ этой стадіи и вызвать развитіе промышленности,—это вопросъ, который зависитъ больше всего отъ вопроса о *покореніи туземцевъ и превращеніи ихъ въ наемныхъ рабочихъ*.

Капиталь успѣлъ уже выработать *программу работъ* для тѣхъ негритянскихъ массъ, которые онъ собираетъ и пролетаризировать. Программа гласитъ: *культура хлопка*. Если нѣкогда вывозили негритянскихъ невольниковъ въ Америку, чтобы тамъ насаждать хлопчатобумажныя плантаціи, то теперь, наоборотъ, хотятъ перевести хлопчатобумажную культуру къ неграмъ. Но, если негры, вывезенные въ совершенно чуждую Америку, въ концѣ концовъ, сумѣли поставить своихъ хозяевъ въ довольно затруднительное положеніе, то ихъ сопротивленіе, безъ сомнѣнія, будетъ неизмѣримо больше въ ихъ собственной странѣ, гдѣ они къ тому же смогутъ выступать такими массами, о какихъ въ Америкѣ и думать нельзя было.

Чтобы установить свою политическую власть въ центральной Африкѣ, европейскимъ колоніальнымъ державамъ пришлось вести не мало кровопролитныхъ, долгихъ войнъ. Пока единственнымъ результатомъ этихъ войнъ было раз-

грабленіе первобытныхъ государствъ, найденныхъ въ Африкѣ и изгнаніе правительствъ этихъ государствъ. Никелъза. Кто произнесъ слова „колоніальная политика“, побѣды одерживались только надъ правительствами, а не надъ народами. А, между тѣмъ, въ одной области тропиковъ насчитывается 105½ миллионъ населенія.

Въ главѣ о культурной работѣ капитализма мы показали, что цивилизаторы разрушили найденный въ Африкѣ социальный строй, путемъ обмановъ и насилія ограбили туземцевъ, отняли у нихъ и скотъ, и землю, лишили ихъ наконецъ всѣхъ источниковъ для существованія. И все это для того, чтобы легче было подхлестываемыхъ голодомъ погнать въ шахты, на плантаціи, или къ стадамъ фермеровъ. Изъ устъ германскаго директора колоній Дерибурга мы слышали, что подобный образъ дѣйствій неминуемо долженъ приводить къ возстанію. Да изъ объясненій нѣкоторыхъ гереро мы знаемъ, что гнетъ и нужда, внесенные европейцами, были такъ ужасны, что негры рѣшались вступать въ борьбу даже въ тѣхъ случаяхъ, когда заранѣе были увѣрены въ томъ, что война имъ принесетъ только окончательную гибель. Съ другой стороны, мы имѣемъ достаточно доказательствъ тому, что военное сопротивление чернокожихъ далеко не представляетъ такого ничтожнаго обстоятельства, съ которымъ не стоило бы считаться: достаточно только припомнить войны французовъ противъ дагомейцевъ, англичанъ противъ ашантийцевъ, позорное поражение англичанъ въ 1879 году въ войнѣ съ зулусами, упорное сопротивление туземцевъ въ царствѣ Магди, отступление итальянцевъ послѣ кровавыхъ поражений въ Абиссиніи. Въ достаточной степени доказала это наконецъ, и война нѣмцевъ съ гереро.

Поэтому всѣ европейскія колоніи въ Африкѣ имѣютъ рѣзко выраженный *военный характеръ*, а въ будущемъ придется еще усилить въ нихъ военный элементъ. Только воробыная мудрость мелкаго мѣщанства, способнаго лишь на политику полумѣръ во всемъ—въ войнѣ, въ резолюціи въ производствѣ, только такая воробыная мудрость можетъ внушить, что въ Африкѣ возможно отдѣлать капиталистическую колоніальную политику отъ капиталистическаго милитаризма. Нѣтъ, чтобы поддерживать такую колоніальную политику, необходимо будетъ постоянно уве-

личивать колоніальную армію, посылать все больше и больше броненосцевъ. Таковы законы политики крови и никелъза. Кто произнесъ слова „колоніальная политика“, долженъ вслѣдъ за этимъ произнести также слова „военный флотъ“ и „военныя сооруженія“. Помимо неизбѣжныхъ возстаній необходимость содержать въ колоніяхъ большую армію вытекаетъ и изъ другихъ причинъ: изъ борьбы *туземныхъ народовъ* между собою, которая является результатомъ предшествовавшей исторіи и социального антагонизма, наконецъ, военныя силы требуются и въ виду борьбы *колоніальныхъ державъ* между собою.

Не эра мира наступаетъ для Африки. Наоборотъ: начинается періодъ *колоніальныхъ войнъ*, которыя систематически будутъ принимать еще болѣе широкіе размѣры, еще болѣе свирѣпый характеръ.

Поэтому то правительства такъ усердно и выдвигаютъ на первый планъ *стратегическое* значеніе желѣзныхъ дорогъ въ колоніяхъ. Соображенія о доходности дорогъ утрачиваютъ всякое значеніе. Къ постройкѣ африканской желѣзной дороги относятся точно такъ же, какъ къ постройкѣ броненосцевъ.

Однако и самыя желѣзныя дороги на первыхъ порахъ являются лишь новымъ средствомъ вызывать туземное населеніе на возстанія, такъ какъ онѣ ускоряютъ процессъ капиталистическаго разоренія страны и туземныхъ народовъ. Когда официальные или офиціозные политики (другихъ вообще не существуетъ) разсуждаютъ объ экономической полезности африканской желѣзной дороги, поскольку они не болтаютъ пустыхъ фразъ о цивилизаціи и т. п., они переносятъ безъ всякой критики на Африку то, что они видятъ передъ собой въ Европѣ. А между тѣмъ, не зачѣмъ далеко ходить за примѣромъ, достаточно взглянуть на Россію, чтобы убѣдиться, къ какимъ результатамъ приводятъ желѣзныя дороги при взвинчиваніи капитализма на отсталыя социальныя отношенія. Въ Россіи желѣзныя дороги, правда, вызвали развитіе промышленности, но онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ вырвали послѣдній кусокъ хлѣба изъ горла 10 миллионъ русскихъ крестьянъ. То же самое было и въ Восточной Индіи. Кромѣ того, желѣзныя дороги сдѣлали излишнимъ многочисленный классъ носильщиковъ, извоз-

чиковъ, погонщиковъ скота; онѣ лишили хлѣба цѣлыя общественный слой и отняли важнѣйшіе побочные заработки у крестьянъ. Этимъ и вызвано упорное противодействие, которое оказываетъ народъ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ, какъ и сопротивление, на которое натолкнулись голландцы при постройкѣ желѣзной дороги на островѣ Ява. То же самое будетъ и въ центральной Африкѣ. Уже и теперь желѣзная дорога въ Конго, сильно развивая вывозъ *каучука*, ведетъ къ истребленію лѣса.

Съ увеличеніемъ колониальныхъ расходовъ растетъ тенденція облагать туземцевъ налогами. Это является новымъ источникомъ недовольства населенія. Въ стремленіяхъ взимать съ туземцевъ налоги вновь сказывается безтолковый эгоизмъ колониально-политиканствующаго мѣщанства: „занимайтесь колониальной политикой, но не заставляйте насъ платить за нее“. Но какимъ же образомъ осуществить такое желаніе, какъ не путемъ возложенія колониальныхъ расходовъ на самыя колоніи? Впрочемъ, правительства и безъ того дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы вводить въ колоніи налоги. Примѣняясь къ первобытнымъ экономическимъ отношеніямъ, они устанавливаютъ налоги натурой, поголовный налогъ и т. д. Обищаніе и угнетеніе народа, постоянное раздраженіе его возстаніями—вотъ результаты введенія налоговъ. Подавленіе возстаній стоитъ потомъ въ десять и въ сто разъ дороже того, что собирается съ туземцевъ въ видѣ налоговъ.

Обратимся теперь къ *Южной Африкѣ*. Въ отличіе отъ всей остальной Африки, ея исторія связана съ европейскими переселеніями и, слѣдовательно, похожа на исторію Сѣверной Америки. Но Южной Африкѣ приходилось переживать гораздо болѣе бурныя столкновенія различныхъ интересовъ. Буры готовы были основать демократическое государство, но рано натолкнулись на вооруженное сопротивление со стороны Англіи. Чтобы избѣгнуть столкновенія, они обратили свои обычныя кочевки въ политическое бѣгство. Какъ извѣстно, они въ концѣ концовъ остановились въ Оранжевой республикѣ и въ Трансваалѣ, гдѣ имъ послѣ кровавой борьбы съ англійскимъ государствомъ удалось добиться независимости. Но съ открытіемъ алмазныхъ копей въ Кимберлѣй началась новая волна переселеній и вмѣстѣ съ тѣмъ начались капиталистическія преобразованія, которыя внесли разложеніе въ самую среду бурскаго населенія. Когда затѣмъ, въ 80-хъ годахъ, въ сабурскихъ республикахъ открыты были богатые залежи золота, преобразовательная и разлагающая работа капитализма приняла колоссальныя размѣры, антагонизмъ между старыми и новыми переселенцами, между горно-промышленными и сельско-хозяйственными округами привелъ въ бурскихъ республикахъ къ ожесточенной политической борьбѣ и въ то же время рѣзко отдѣлилъ Капскую колонию отъ независимыхъ республикъ. Новѣйшія средства сообщенія содѣйствовали тому, что новые переселенцы вскорѣ оказались въ большинствѣ. Отчасти изъ желанія оградить установившіяся социальныя отношенія отъ новыхъ вліяній, отчасти также изъ желанія использовать политическую власть для того, чтобы обезпечить себѣ наибольшія выгоды отъ открытій, буры старались не допускать новыхъ переселенцевъ къ управленію страной. Поэтому, когда вспыхнула послѣдняя большая война, Англія—какъ нѣкогда въ время с веро-американской войны—имѣла противъ себя не всѣхъ переселенцевъ, даже не все бурское населеніе, а лишь ту его часть, которая жила въ обѣихъ республикахъ. Какъ извѣстно, война чуть было не окончилась пораженіемъ Англіи, и только послѣ двухлѣтней борьбы ей удалось сломить буровъ и одержать побѣду. Но вмѣстѣ упорнѣе была война, тѣмъ легче оказалось потомъ сразу и окончательно очистить почву отъ политическихъ конфликтовъ, стоявшихъ на пути объединенія Южной Африки. И мы дѣйствительно видимъ, что, съ одной стороны, объединенная Англія считаетъ необходимымъ дать побѣжденнымъ бурамъ широкую конституцію, а буры и уитандцы выбираютъ въ премьеръ-министры новой англійской колоніи бывшаго военнаго вождя буровъ, генерала *Бота*, который заявляетъ, что „министерство сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы создать *великую и единую націю*“ и что „если и въ Оранжевой колоніи будетъ введена прямо отвѣтственность министровъ, то бурскій кабинетъ приложитъ всѣ старанія, чтобы создать *единую Южную Африку*“. Англійскій империализмъ способствуетъ этой революціи потому, что она пока ему полезна. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, объединившись, Южная Аф-

рика сумѣетъ сдѣлаться независимой отъ Англіи.

По мѣрѣ удаленія отъ южной оконечности Африки сѣверъ, т. е. по направленію къ тропикамъ, и отъ морского побережья въ глубь страны, туземное населеніе становится все болѣе многочисленнымъ. Этихъ туземцевъ тѣснятъ съ юга—европейскіе переселенцы, съ побережья европейскія колоніальныя державы, которыя уже подѣлила между собою всю Африку. Мы уже знаемъ (см. главу о культурной работѣ капитализма въ Южной Африкѣ), что самую рѣзкую форму приняло это двойное движеніе въ *германской юго-западной Африкѣ*. Германская колонія вообще сдѣлалась фокусомъ всѣхъ противорѣчій колоніальнаго развитія Африки.

Экономическое развитіе германской колоніи находится въ большой зависимости отъ англійскихъ владѣній Южной Африкѣ. Все будущее германскихъ фермеровъ зависитъ отъ возрастающаго спроса на мясо въ Капской колоніи и въ бывшихъ бурскихъ республикахъ. Но политическая независимость Южной Африки, которая неминуемо должна быть результатомъ ея соціальнаго развитія, еще болѣе противорѣчитъ интересамъ германской колоніальной политики, чѣмъ интересамъ англійскаго империализма. Послѣдній сумѣетъ влекать выгоды изъ развитія Южной Африки, по крайней мѣрѣ, все то время, пока она находится подъ англійскимъ протекторатомъ. Этимъ и объясняется противорѣчное поведеніе Германіи во время войны въ Южной Африкѣ. Радость нѣмцевъ по поводу неудачи *похода Дрейфуса* вытекала изъ колоніально-политическаго соперничества между Германіей и Англіей. А фронтъ, поставленный Англіей, на короткое время могъ быть полезенъ Германіи. Но побѣда буровъ въ послѣдовавшей большой войнѣ не повела бы къ сохраненію стараго патріархальнаго режима въ бурскихъ республикахъ, а, напротивъ, ускорила бы процессъ сплоченія африканскаго населенія, повела бы къ образованію въ Южной Африкѣ сильной республики, которая скоро положила бы конецъ и господству нѣмцевъ въ Африкѣ. Но, какъ мы знаемъ, и съ пораженіемъ буровъ не снятъ съ очереди вопросъ объ объединеніи Южной Африки, онъ только получилъ новое направленіе. Идея объединенія не исчезла, а, напротивъ, даже приблизилась къ своему осуществленію. Такимъ образомъ

германской колоніи въ Африкѣ постоянно грозитъ опасность съ двухъ сторонъ: опасенъ для нея англійскій империализмъ, но еще болѣе опасна независимость Южной Африки. Выводы, къ которымъ приходитъ имперское правительство подъ вліяніемъ такого положенія вещей, сводятся къ слѣдующему: необходимо усиленно строить въ Европѣ свои броненосцы и увеличивать свои военныя силы въ Африкѣ.

Въ другомъ мѣстѣ мы показали, что африканскіе туземцы склонны взыскивать на отвѣтственность германскаго капитализма не только его собственные грѣхи, но и грѣхи разбойничьей колоніальной политики предшественниковъ Германіи, а также и послѣдствія звѣрскаго политическаго, которую вели буры по отношенію къ туземцамъ. Теперь, когда удалось сокрушить гереро, наступаетъ очередь *овамбо*. Они многочисленнѣе гереро, стоятъ на болѣе высокой ступени культуры (*овамбо* занимаются земледѣніемъ, а гереро—только скотоводствомъ), наконецъ, богаче имѣютъ лучшее оружіе, чѣмъ гереро. Имперское правительство очень хорошо сознаетъ, что колонія еще далеко не завоевана окончательно и что предстоитъ еще тяжелая борьба. Герерская война вылечила отъ иллюзій, отъ представленія, что землями и народами Африки можно овладѣть и помощи дипломатическихъ нотъ и чиновниковъ съ закруженными усами. Конечно, Германія могла бы познать это гораздо раньше и болѣе дешево цѣной: если ужъ ее ничему не научила борьба англичанъ въ Южной Африкѣ, то она могла бы кое-чему научиться изъ борьбы французовъ въ Центральной Африкѣ. Во всякомъ случаѣ, теперь Германія хорошо знаетъ и усердно готовится къ борьбѣ. Проходка желѣзной дороги, къ которой Германія теперь прилагаетъ, имѣетъ стратегическое значеніе не только потому, что дорога помѣшаетъ новымъ возстаніямъ гереро, но и потому, что такимъ образомъ прокладывается путь къ *овамбо*. Необходимость *защиты* выставляютъ, что добиться согласія рейхстага на постройку дороги; воспользуются же ею для *наступленія*. Пока желѣзная дорога не построена, все останется по старому. Но, какъ только дорога будетъ готова, Германія неизбежно ринется на новую большую колоніальную войну.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія мы можемъ сослаться на авторитетный источникъ. Извѣстный генераль-губернаторъ германской юго-западной колоніи въ Африкѣ, генераль-маіоръ *Лейтвейнъ*, въ своей книгѣ „Одиннадцать лѣтъ губернаторомъ“ пишетъ по поводу овамбо: „Они чувствуютъ себя вполне независимыми и даже не помышляютъ признать чью бы то ни было власть надъ собою. Попытки Португаліи силою оружія заставить ихъ признать свою власть до сихъ поръ не имѣли успѣха; со стороны Германіи такихъ попытокъ пока еще не было. *Въ началѣ геререкской войны вѣсело были разговоры о томъ, что окончаніемъ этой войны должна немедленно послѣдовать война противъ овамбо* (въ примѣчаніи онъ прибавляетъ: **поощреніе къ этому я въ частномъ письмѣ получилъ даже изъ авторитетнѣйшей инстанціи**); но теперь издастъ противоположный пароль. Помимо всѣхъ другихъ соображеній, мнѣ кажется, что, въ виду возможности экспедиціи къ овамбо, настоятельно необходимо поскорѣ закончить отавійскую желѣзную дорогу, къ постройкѣ которой уже приступлено“.

Депутаты рейхстага, которые теперь вступили въ парламентъ подъ флагомъ колоніальной политики, должны будутъ бороться за свои мандаты подъ громъ кровавой колоніальной войны.

Мы должны упомянуть здѣсь еще объ одномъ обстоятельстве, осложняющемъ германскую колоніальную политику въ Южной Африкѣ. Большія трудности создастъ португальская колонія *Ангола*, съ которою германская колонія граничитъ съ сѣвера. Португалія не въ состояніи поддерживать свою власть въ колоніяхъ такими военными силами, какъ другія колоніальныя державы. Благодаря этому Ангола сдѣлалась мѣстомъ, гдѣ туземцы Южной Африки могутъ безпрепятственно запасаться оружіемъ. Это во первыхъ. Во вторыхъ, слабость Португаліи вызываетъ соблазнъ отнять у нея эту колонію. При такихъ условіяхъ Ангола легко можетъ сдѣлаться яблокомъ раздора между Англіей и Германіей.

Колоніальныя войны и колоніальные расходы — единственное заключеніе, къ которому неизбѣжно приходи-

тъ какой бы стороны ни приступить къ разсмотрѣнію колоніального развитія Африки.

Мимоходомъ замѣтимъ, что желаніе возложить колоніальные расходы на тѣхъ, кто извлекаетъ изъ колоній большіе доходы, представляетъ чистѣйшую утопію, лишенную всякой практической и теоретической почвы. Распределение колоніальныхъ расходовъ вообще зависитъ не отъ колоніальной политики, а отъ системы распределенія налоговъ въ государствѣ. Пока вся налоговая система страны покоится на косвенныхъ налогахъ съ предметовъ потребления, бремя всѣхъ расходовъ будетъ неизбѣжно лежать на рабочихъ классахъ. При такой системѣ нѣтъ возможности связать опредѣленную категорію государственныхъ расходовъ съ соотвѣтствующею категоріею государственныхъ доходовъ: приходится имѣть дѣло съ *государственнымъ бюджетомъ*, какъ съ недѣлимымъ цѣлымъ. Если бы даже въ настоящее время въ Германіи ввели специальный *колоніальный налогъ* — въ видѣ, на примѣръ, особаго сбора съ биржевыхъ операцій колоніальными цѣнностями — то это вѣдь нисколько не помѣшало бы подъ какимъ-нибудь не колоніально-политическимъ предлогомъ увеличить налогъ на табакъ или сахаръ. По опыту мы знаемъ, что биржевые налоги не помѣшали повышенію потребительныхъ налоговъ. Если вообще возможно установить особый налогъ на классъ капиталистовъ, *пониживъ при этомъ потребительные налоги*, то для проведенія его нѣтъ надобности въ колоніальной политикѣ. Напротивъ, такъ какъ колоніальная политика заранѣе противопоставляетъ расходы приходу, то она не оставляетъ мѣста для пониженія потребительныхъ налоговъ. Но это еще не все. Въ предыдущихъ главахъ мы, надѣемся, привели достаточно фактовъ, доказывающихъ, что экономическая и политическая эволюція колоній совершается въ полномъ соотвѣтствіи съ законами общей капиталистической эволюціи. Предположимъ даже, что всѣ расходы по управленію колоніями несутъ исключительно большіе банки. При капиталистическомъ характерѣ развитія колоній и въ этомъ случаѣ неизбѣжны возстанія и войны, оплачивать которыя все же приходилось бы никому иному, какъ народу. Особенно германскія колоніи въ Африкѣ должны служить яснымъ и грознымъ предостереженіемъ въ этомъ отношеніи: пріобрѣсти ихъ ни-

чего не стоило, но на содержаніе ихъ государство ужъ потратило свѣше милліарда, не считая расходовъ на флотъ.

Всѣми колониальными государствами признано теперь признаеть это и германское имперское правительство что *въ самомъ лучшемъ случаѣ* колоніи могутъ покрывать расходы *по управленію* ими, но *никакъ* не расходы на армию и флотъ, на войны и желѣзныя дороги. А расходы на войны и желѣзныя дороги не только составляютъ самую крупную статью колониальныхъ расходовъ, они въ послѣдніе годы еще страшно вырастають. Благодаря все- этому, въ послѣдніе годы ухудшился бюджетъ Голландіи на которомъ, какъ увѣряють¹⁾, раньше очень благоприятно отражалась дѣятельность Остъ-Индской компаніи.

„Постройка желѣзныхъ дорогъ и гаваней, большія сооружения для орошенія, увеличеніе дорого оплачиваемая персонала для работъ, требующихъ большихъ знаній, все это вызвало большіе расходы; къ нимъ надо еще прибавить расходы продолжительной войны противъ атче. Неудивительно, что не оказалось возможнымъ покрывать такую массу расходовъ изъ источниковъ обыкновенныхъ колониальныхъ доходовъ. Индія перестала быть копилкою изъ которой Нидерланды ежегодно брали въ свою кассу въ среднемъ 30 милліоновъ гульденовъ. Результатомъ реформъ было то, что за эрой преобладанія доходовъ послѣдовала *эра дефицитовъ*.“ (Bh. n. R. Pety de Thoree). Авторы приводятъ слѣдующія данныя остъ-индскаго бюджета, которыя мы даемъ въ круглыхъ числахъ, а за періодъ послѣ 1901 года дополняемъ данными изъ The Statestment of the Indian Revenue and Expenditure for the year 1901-1902.

годъ	Въ милліонахъ гульденовъ	
	доходы	расходы
1898	139,4	154,5
1899	133,3	145,1
1900	142,0	147,8

¹⁾ По сообщеніямъ писателей, сочувствующихъ колониальной политике, которые однако не принимали въ расчетъ расходовъ на флотъ и морскія сооруженія.

1901	149,4	149,9
1902	146,4	160,8
1903	150,4	167,0
1904	155,0	167,3
1905	146,8	166,1
1906	149,1	159,7

Въ 1906 году колониальный дефицитъ Голландіи составлялъ, слѣдовательно, 10,6 милліоновъ гульденовъ. Въ действительности однако расходы были больше: чтобы охранять свои колоніи, Голландія вынуждена содержать еще *военный флотъ*, который ей обходится ежегодно въ 17,3 милліоновъ гульденовъ (бюджетъ 1906 года). Давно прошли тѣ времена, когда изъ колоній извлекали деньги для государственной кассы. Впрочемъ, современная капиталистическая колониальная политика и не ставитъ себѣ задачей извлекать изъ колоній деньги для государственной кассы. Напротивъ, какъ мы не разъ уже показали, новѣйшая колониальная политика ставитъ себѣ только такія задачи: государственныя субсидіи, государственныя гарантіи, государственныя желѣзныя дороги, государственные долги. Современная колониальная политика стремится открыть банкамъ и промышленнымъ картелямъ доступъ въ кассы, собирающія государственные налоги. Въ этомъ отношеніи она служитъ такую же службу, какъ и *военныя сооруженія*.

О размѣрахъ роста фискальной эксплуатаціи народа, съ одной стороны, и зависимости государства отъ банковъ въ слѣдствіе задолженности, съ другой стороны,--можно составить себѣ представленіе по слѣдующимъ даннымъ о движеніи государственныхъ доходовъ и государственныхъ долговъ во всей Европѣ. Заимствуемъ эти данныя изъ Mullhall's Dicrionary.

годъ	Въ милліонахъ марокъ	
	госуд. доходы	госуд. долги
1816	3402	31900
1830	3800	32360
1869	8200	60580
1898	17360	103760

Такъ росли доходы и долги въ теченіе 19-го столѣтія. Конечные результаты движенія 19-го столѣтія служатъ основой для того направленія, которое въ 20-омъ столѣтіи примутъ бюджеты капиталистическихъ государствъ, если только капиталистическому хозяйничанію не будетъ положенъ конецъ. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, съ 1897 до 1907 г., въ трехъ важнѣйшихъ колониальныхъ государствахъ Европы—въ Великобританіи, Германіи и Франціи—одни *расходы на флотъ* возрасли съ 804 милліоновъ до 1188 милліоновъ марокъ въ годъ. Насколько можно вывести изъ общихъ бюджетовъ, эти три государства тратятъ на флотъ и колоніи 1460 милліоновъ марокъ въ годъ.

Колоніи, развитіе техники и заработная плата.

Слова „колониальная политика“ означаютъ: колониальные расходы. Чтобы замаскировать этотъ непріятный фактъ, стараются отвлечь вниманіе рабочаго отъ того, что именно онъ, рабочій, долженъ оплачивать эти расходы. Рабочему рассказываютъ, что, напротивъ, эти расходы создаютъ возможность *обеспечивать всѣхъ работой*. Это—старая уловка, которая была пущена въ ходъ еще при открытіи эры сооруженія броненосцевъ. Позволю себѣ поэтому привести одно мѣсто изъ моей брошюры, изданной въ 1898 году по поводу законопроекта Тирпица. То, что я говорю о постройкѣ флота, можетъ въ одинаковой степени быть применимо и къ дернбурговскимъ планамъ колониальныхъ сооружений.

„Друзья рабочихъ утверждаютъ, что постройка флота обеспечитъ многихъ работой. Правда, но занятія рабочими создаются также и при назначеніи расходовъ на армію, и вообще при *всѣхъ расходахъ*, производимыхъ государствомъ. Деньги вѣдь сами по себѣ не обладаютъ волшебной силой. Деньги даютъ работѣ только точку приложенія. Когда государству ассигнуется извѣстная сумма въ видѣ налога или займа, то это означаетъ лишь, что государству дается возможность для своихъ цѣлей купить извѣстное количество товаровъ или трудъ извѣстнаго количества рабочихъ

Въ этомъ смыслѣ и *военные расходы* доставляютъ рабочимъ занятія: деньги, назначенные на военные расходы, употребляются на покупку зерна у крестьянъ, на приобрѣтеніе другихъ припасовъ черезъ поставщиковъ, затѣмъ на приобрѣтеніе платья, снарядовъ и т. д. Порохъ, который тратится во время войны или при парадахъ и фейерверкахъ—онъ тоже требуетъ работы, тоже даетъ занятіе рабочимъ. Но это вѣрно не только относительно государственныхъ расходовъ, а въ примѣненіи ко *всякимъ* денежнымъ расходамъ; иначе трата денегъ была бы безсмысленною расточительностью. Въ томъ то и заключается могущество и проклятіе денегъ, что всякій, кто ихъ имѣетъ, можетъ по своему капризу „доставлять занятія рабочимъ“, требуя тотъ или иной товаръ. Чванливый богачъ имѣетъ возможность не только убивать свое время, онъ еще транжиритъ и рабочее время множества работоспособныхъ людей. Тотъ, кто накачиваетъ въ себя шампанское, платитъ содержателю ресторана, лакею, виноторговцу, винодѣлу, фабриканту бутылокъ и т. д. Поэтому богачи всегда твердятъ, что они оказываютъ благодѣяніе народу, набивая свое брюхо сластями и деликатесами. Съ чего бы жилъ безъ нихъ кондитеръ? То же самое можно сказать, когда государство непроизводительно тратитъ народныя деньги и народный трудъ. Чего не хотятъ видѣть благодѣтели рабочихъ, это то, что деньги не ржавѣютъ безцѣльно и въ рукахъ *бѣднаго* человѣка, въ рукахъ *плательщика налоговъ*. Рабочій, крестьянинъ — они отлично знали бы, на что употребить свои деньги, если бѣ государство не отнимало ихъ въ формѣ потребительныхъ и всякихъ другихъ налоговъ. Массы германскаго народа не утопаютъ въ роскоши; можно указать вещи, въ которыхъ нуждается и которыхъ не имѣетъ семья нѣмецкаго рабочаго, ремесленника и крестьянина. Если бѣ не приходилось уплачивать такъ много налоговъ государству, можно было бы шить себѣ больше платья, въ которомъ, какъ извѣстно, постоянно терпитъ недостатокъ каждая небогатая семья; рабочій и ремесленникъ могли бы лишнихъ два, три раза въ мѣсяцъ имѣть мясо за своимъ столомъ; крестьянинъ былъ бы въ состояніи откормить свинью для себя, а не вынужденъ былъ бы въ мѣшкѣ тащить на базаръ поросенка и продавать его за нѣсколько марокъ, которыя нужны на

уплату налоговъ и податей. Когда всѣ эти милліоны выдаются *правительству* для усиленія его могущества на морѣ, они, эти милліоны денегъ, растрачиваются на крупновскіе заводы, на большія кораблестроительныя верфи, на толстыя брони, на пушки, динамитъ, уголь, морскія галеты, на паклю, сало, деготь, на покрытіе счетовъ нѣмецкихъ морскихъ офицеровъ въ китайскихъ сомнительныхъ чайныхъ и нѣмецкихъ матросовъ въ китайскихъ домахъ терпимости. Но, еслибъ эти деньги оставались въ рукахъ нѣмецкаго народа, нашлась бы работа для ткачей, сапожниковъ, портныхъ, пекарей, лавочниковъ, мясниковъ, колбасниковъ. Что важнѣе: чтобы каждый нѣмецъ имѣлъ платье для прикрытія своего тѣла, или, чтобы корабли имѣли брони для своего прикрытія?

„Такъ обстоитъ дѣло съ „занятіями“, которыя доставляетъ флотъ, съ пользой, которую приносятъ рабочимъ постройка флота. Когда египетскіе фараоны строили пирамиды, они тоже „доставляли занятія“ рабочимъ. Если вычислить, сколько европейскія государства тратятъ на гигантскіе броненосцы, на пушки и т. под., сколько сотенъ тысячъ рабочихъ тратятъ на это свой трудъ, то получатся суммы, неизмѣримо большія, чѣмъ тѣ, которыя египетскій народъ потратилъ на монументальныя постройки своихъ деспотическихъ властителей. При всѣхъ „занятіяхъ“, которыя такъ щедро доставались египетскому феллаху, онъ оставался голоднымъ и оборваннымъ“.

На тѣ деньги, которыя Германія уже издержала на свой военный флотъ, можно было бы къ сѣти германскихъ желѣзныхъ дорогъ пристроить еще одну сѣть, такой же величины, т. е. можно было бы по всѣмъ желѣзнодорожнымъ линіямъ проложить еще одну колею, и при этомъ еще сэкономить очень солидныя суммы. Окупились-либы такіе расходы? Во всякомъ случаѣ, не въ меньшей степени, чѣмъ расходы на броненосцы, которые ничего не приносятъ, кромѣ опасности вызвать войну. Несомнѣнно, что проложеніе второй желѣзнодорожной колеи вызвало бы мощный подъемъ сообщенія и промышленности и, въ то же время, значительно обезопасило бы движеніе по желѣзнымъ дорогамъ. Но у насъ, вмѣсто того, тратятъ милліарды на панцырныя брони и совершенно не заботятся о

желѣзныхъ дорогахъ ¹⁾.

Для капитала безразлично, что онъ производитъ—корабельныя брони, желѣзныя дороги или ночныя кофточки. Само по себѣ производство служить для него только переходнымъ моментомъ роста, вся сущность въ конечномъ результатѣ—въ прибыли. Тѣмъ не менѣе, и въ капиталистическомъ обществѣ чрезвычайно важное значеніе для развитія производства имѣетъ характеръ производимыхъ предметовъ. Мы это видѣли при сопоставленіи желѣзныхъ дорогъ съ панцырными бронями. Но этого не замѣчаютъ капиталисты до тѣхъ поръ, пока неожиданно для нихъ не терпитъ крушенія то, что они старательно создавали, пока не наступаетъ кризисъ, застой, упадокъ. Вся колониальная сутолока вмѣстѣ съ постройкой желѣзныхъ дорогъ въ Африкѣ несомнѣнно, и даже въ очень недалекомъ будущемъ, приведетъ къ *торговому кризису*, такъ какъ желѣзныя дороги и сталелитейная индустрія развиваются безъ всякаго соотвѣтствія съ остальными отраслями производства. Само собою разумѣется, вся тяжесть кризиса падетъ, главнымъ образомъ, на плечи рабочихъ.

Между колониальной политикой и развитіемъ производства начинаетъ проявляться и другого рода связь—связь, въ силу которой колониальная политика должна не только вызывать въ производствѣ спорадическіе кризисы, а постоянно отражаться на немъ неблагоприятно. Чтобы оцѣнить все значеніе этого явленія, необходимо принять въ расчетъ вліяніе *охранительныхъ пошлинъ*. Охранительныя пошлины и колониальная политика современныхъ индустриальныхъ государствъ идутъ вѣдь рука объ руку, на что я не разъ указывалъ на предыдущихъ страницахъ.

По своему вліянію на *внутренній рынокъ* охранительныя пошлины являются своего рода *премией на отсталыя формы* производства. Что же касается *вывозной промышленности*, то вліяніе на нее охранительныхъ пошлинъ имѣетъ за собою длинную исторію.

¹⁾ Въ Германіи съ каждымъ годомъ сильнѣе даютъ себя чувствовать отрицательныя стороны перехода желѣзныхъ дорогъ въ руки государства. На первыхъ порахъ чувствовались выгоды большей концентрации, но уже много лѣтъ желѣзнодорожное сообщеніе въ Германіи страдаетъ отъ одеревенѣлости бюрократическаго управленія и фискальнаго пристрастія государства.

Мы уже знаемъ, что міровой рынокъ устанавливаетъ все болѣе тѣсную взаимную связь между отдѣльными государствами, заставляетъ каждое все болѣе нуждаться въ другихъ. Всѣ государства взаимно снабжаютъ другъ друга товарами. Товары требуются все болѣе разнообразные и болѣе утонченной обработки. Спросъ на чужіе товары является результатомъ широкаго развитія производства нашего времени, но, въ свою очередь, вызываетъ и дальнѣйшее усовершенствованіе производственной техники. Но взаимная связь и экономическое взаимодействіе между различными государствами не могутъ достигнуть полнаго развитія. Возникаютъ новыя противорѣчія, благодаря препятствіямъ, которыя вытекаютъ изъ капиталистической формы собственности, благодаря тому, что капиталистическая форма собственности противопоставляетъ производство и потребление, какъ враждебные другъ другу социальные элементы. Однако эта связь существуетъ. Такъ мы видимъ, что въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія на ряду съ развитіемъ продуктовъ массоваго потребления все болѣе развивается производство продуктовъ специальныхъ или болѣе высокаго качества, требующихъ болѣе тонкой обработки. По качественной обработкѣ продуктовъ особенно соперничаютъ между собою въ эту эпоху Англія и Германія. Охранительныя пошлины стремятся парализовать ввозъ чужихъ товаровъ. Поэтому вывозящія страны стараются производить продукты болѣе высокаго качества, которые стоятъ дороже и, слѣдовательно, легче могутъ выдерживать высокія пошлины; но въ то же время продолжаютъ вывозить и продукты массоваго потребления. Такого рода взаимоотношеніе можно уловить въ торговлѣ между Америкой и Германіей. Впрочемъ, очень скоро охранительныя пошлины направляются главнымъ образомъ противъ болѣе дорогихъ, специальныхъ товаровъ. Таковы тенденціи тѣхъ новыхъ „специализированныхъ“ таможенныхъ тарифовъ, которые въ послѣднее время изготовляются въ парламентскихъ волшебныхъ котлахъ. Такимъ монстромъ является и нынѣшній германскій таможенный тарифъ. Необходимость проходить черезъ тонко сплетенную сѣть таможенныхъ тарифовъ отражается крайне убыточно на всѣхъ ввозимыхъ товарахъ. Поэтому вывозящимъ странамъ остается только прибѣгнуть къ слѣдующимъ средствамъ: 1) расширить вы-

возъ продуктовъ массоваго распространенія и 2) вывозить полуфабрикаты, которые обложены менѣе высокими пошлинами. Такимъ образомъ, вывозная промышленность, успѣвшая подняться до обработки продуктовъ высокаго качества, насильственно отодвигается назадъ на болѣе низкій уровень производственной техники.

Такое же пониженіе производственной техники вызываетъ и *производство для удовлетворенія примитивныхъ потребностей* туземцевъ колоній.

Только что указанные моменты легче всего можно уловить въ промышленности Англіи, которая больше всѣхъ вывозитъ въ колоніи и которая, при своей свободѣ торговли, сильнѣе всѣхъ чувствуетъ вліяніе охранительныхъ пошлинъ другихъ странъ. В. Гевонсъ пишетъ въ „Weltwirtschaft“: „Естественнымъ стремленіемъ англійской промышленности было—постепенно подыматься на болѣе высокій уровень, пользоваться лучше обученными рабочими, развивать болѣе совершенную технику. На дѣлѣ однако пришлось дѣлать значительныя отклоненія отъ этого естественнаго пути. Рынки болѣе цивилизованныхъ и развитыхъ странъ закрылись; необходимость считаться съ отсталыми частями свѣта, заставила англійскую промышленность производить товары, соответствующіе потребностямъ этихъ отсталыхъ странъ“. Тотъ же авторъ говоритъ объ англійской *шерстяной промышленности*: „По характеру производства существуетъ громадная разница между хлопчатобумажной и остальными отраслями текстильной промышленности. Въ хлопчатобумажной промышленности до послѣднихъ двухъ лѣтъ самой характерной чертой была сильно возрастающая тенденція вырабатывать продуктъ все болѣе высокихъ сортовъ, требующихъ матеріала болѣе высокаго качества, болѣе совершенныхъ машинъ и болѣе искусныхъ рабочихъ, чѣмъ продуктъ низшихъ сортовъ. Въ шерстяной же промышленности, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ ея отрасляхъ, проявляется какъ будто тенденція *пойти назадъ*, перейти отъ производства законченныхъ фабрикатовъ къ производству полуфабрикатовъ.“

„О значеніи этого явленія можно судить по слѣдующему факту: при приготовленіи готовой шерстяной матеріи стоимостью въ 100 фунт. стерл. на плату рабочимъ затрачивается 40 ф. стерл., тогда какъ при приготовленіи выче-

сокъ или сырой шерсти стоимостью въ 100 ф. стерл. на плату рабочимъ затрачивается лишь 6,17 ф. стерл. Ясно, что, говоря о шерстяной промышленности, какъ и о промышленности желѣзо-и сталеобрабатывающей,—мы должны относиться очень осторожно, съ большими ограниченіями къ тѣмъ теоріямъ относительно развитія англійской промышленности, которыя заимствуются изъ ортодоксальныхъ учебниковъ. Повидимому, требованіе возрастающей трудоспособности рабочихъ не является общимъ принципомъ всей текстильной промышленности. Многія отрасли при готовленіи готоваго фабриката въ текстильной промышленности *совершенно исчезли или приходятъ въ упадокъ*, а со-ответственно этому появляется и спросъ на рабочихъ съ *более низкою трудоспособностью*“.

Производство для колоній качественно понижаетъ промышленность, ставитъ болѣе низкія требованія промышленной техники и рабочимъ, приводитъ къ регрессу въ промышленности. Таковы результаты, къ которымъ пришла Англія, образцовое колониальное государство. По этому же пути желаютъ направить и германскую промышленность государственные мужи канцелярскихъ зеленыхъ столовъ и торговые политики биржи.

Въ послѣдніе годы много кричатъ о техническомъ превосходствѣ германской промышленности. Прежде Англія была едва достигаемымъ идеаломъ въ этомъ отношеніи. Теперь Германія смотритъ на Англію свысока. Теперь гордо кричитъ, что „германской марки“ нельзя уже вытравить даже и въ районѣ господства самой Англіи. Какъ извѣстно, высокомеріе обыкновенно предшествуетъ паденію. Не смотря на всѣ гордыя фразы, германская промышленность не идетъ уже далѣе по тому пути, на которомъ она была. Поднятію германской промышленности на высокій уровень не въ малой степени содѣйствовало производство именно для высоко развитыхъ англійскаго и американскаго рынковъ. Но, вмѣсто дальнѣйшаго развитія связи съ этими рынками, ее начали стѣснять охранительными пошлинами и всѣми силами устремились въ колоніи. Что это вызоветъ въ Германіи, какъ вызвало нѣкогда въ Англіи, регрессъ въ промышленной техникѣ, можно уже теперь доказать цифрами германской торговой статистики.

Для примѣра возьмемъ чаще всего встрѣчающуюся въ

статистическихъ отчетахъ товарную группу „хлопчатая бумага“, занимающую 38—53 пункты таможеннаго тарифа. Вычисливъ *среднюю стоимость* метро-центнера вывозимыхъ изъ Германіи хлопчатобумажныхъ товаровъ, мы по даннымъ официальной торговой статистики получимъ для различныхъ странъ слѣдующія цифры на 1903 годъ:

При вывозѣ изъ Германіи въ	Стоимость 100 килограмм. хлопчатобумажн. товаровъ.
Соединенн. Штаты Сѣв. Америки	1143 марки
Великобританію	995 „
Сербію	445 „
Германскія владѣнія въ восточной Африкѣ .	484 „
Германскія владѣнія въ юго-западной Африкѣ .	442 „
Британскія владѣнія въ западной Африкѣ .	437 „
Португальскія владѣнія въ восточной Африкѣ .	432 „

Я въ таблицу включилъ *Сербію* для того, чтобы показать, что дѣло не въ климатическомъ различіи, которое вообще едва ли можетъ имѣть значеніе для хлопчатобумажныхъ товаровъ, а въ различіи культурныхъ потребностей различныхъ странъ. Впрочемъ, цифры достаточно краснорѣчиво говорятъ сами за себя.

Что составъ и техническій уровень промышленности оказываютъ громадное вліяніе на высоту заработной платы, неопровержимо доказывается уже фактомъ различія заработной платы въ различныхъ отрасляхъ промышленности. Въ то время, какъ въ Германіи стараются соблазнять рабочихъ колониальною промышленностью, мы видимъ, что въ Англіи именно колониальная промышленность заставляетъ буржуазныхъ ученыхъ умѣрять свои оптимистическіе взгляды на развитіе заработной платы, даже приводитъ къ прямо пессимистическимъ выводамъ.

„Ортодоксальные учебники“, о которыхъ упоминаетъ Гевонсъ въ приведенной нами цитатѣ, очевидно представляютъ не что иное, какъ тотъ жидкій социаль-политическій супъ для нищихъ, который уже много лѣтъ ведрами стряпается въ университетахъ взамѣнъ научной политической экономіи. Классическая политическая экономія, насколько она нашла себѣ выраженіе въ трудахъ А. Смита и Д. Рикардо, была очень далека отъ такой поверхностной и односторонней разработки вопроса о заработной платѣ. Въ совершенно законченномъ видѣ разработанъ этотъ вопросъ

у *К. Маркса*: здѣсь проблема рассмотрѣна во всей ея полнотѣ и сложности.

Мы живемъ въ эпоху господства идеи развитія. Революція въ познаніи природы привела къ революціи въ познаніи общества. Нѣтъ болѣе бога, который говорилъ бы: „я былъ, есмь и буду во вѣки вѣковъ“. Нѣтъ болѣе общественныхъ отношеній, которыя претендовали бы на вѣчное существованіе. Мудрецы буржуазной науки съ теченіемъ времени начали изучать исторію хозяйственныхъ отношеній. Это однако не мѣшаетъ имъ возводить въ основное начало то или иное частичное и временное явленіе капиталистическаго производства. Поэтому мы видимъ, что они вынуждены непрерывно отмѣнять одни основныя начала политической экономіи и создавать новыя. Когда наступилъ періодъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ, ученые думали, что пересталъ дѣйствовать законъ земельной ренты, хотя только этимъ закономъ и можно было объяснить занимавшее ихъ явленіе; когда въ періодъ промышленнаго подъема повысилась плата за трудъ, они отвергли законъ Рикардо о заработной платѣ — законъ, который, какъ и все ученіе Рикардо, охватываетъ только крайніе моменты явленія и даетъ поэтому такое же ложное представленіе о цѣломъ, какъ примитивная живопись, которая знаетъ только линіи, а не плоскости. Буржуазные ученые отвергли тогда законъ Рикардо и провозгласили основнымъ закономъ капиталистическаго производства повышение заработной платы. Теперь имъ приходится вновь заняться пересмотромъ своихъ основныхъ законовъ ¹⁾.

¹⁾ Чтобы понять капиталистическій строй общества, недостаточно еще разсматривать его, какъ продуктъ исторіи: необходимо также уловить основной законъ его историческаго развитія. Буржуазная наука, — даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она руководится историческимъ методомъ, — все еще приступаетъ къ проблемѣ съ общими, а priori построенными понятіями, которыя не даютъ видѣть главныхъ признаковъ капитализма. Они ищутъ „народнаго хозяйства“ тамъ, гдѣ есть только непрерывная война между развивающеюся промышленностью и воздвигающимся на почвѣ промышленнаго развитія новымъ социальнымъ строемъ. Основной законъ развитія капиталистическаго общества вытекаетъ изъ формы собственности этого общества: этотъ законъ заключается въ накопленіи капитала, въ постоянномъ его ростѣ. Положивъ этотъ законъ въ основу своего изслѣдованія капиталистическаго производства, Марксъ нашелъ въ немъ такой же ключъ къ пониманію капиталистическаго общества, какой представ-

Повышенію заработной платы содѣйствовало возникновеніе болѣе совершенной и сложной техники производства, требовавшей болѣе интеллигентныхъ рабочихъ (одновременно однако развивалось также автоматическое производство и механическое распределеніе труда, которыя дѣлаютъ возможной работу необученныхъ рабочихъ, какъ и работу женщинъ и дѣтей). Повышенію заработной платы содѣйствовалъ и ростъ постоянного капитала, т. е. той его части, которая вкладывается въ фабричныя сооруженія, машины, сырой матеріалъ; увеличеніе постоянного капитала заставляетъ предпринимателя стремиться къ интенсификаціи труда, къ тому, чтобы въ каждый часъ вырабатывалось возможно больше, а для этого требуется болѣе искусный и сильный рабочій, котораго приходится и оплачивать дороже. (Благодаря тому же росту постоянного капитала, съ другой стороны, начинается широко практиковаться и ночная работа, непрерывающееся производство). Повышенію заработной платы, наконецъ, содѣйствовало развитіе большихъ городовъ, которое увеличило спросъ на рабочія руки въ гораздо большей степени, чѣмъ развитіе желѣзныхъ

путь законъ сохранения энергіи для пониманія внѣшняго міра. Технический прогрессъ представляетъ не основной а производный законъ капиталистическаго производства: онъ имѣетъ значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока содѣйствуетъ накопленію капитала; но, какъ только капиталъ находитъ новые пути для своего увеличенія, онъ знаетъ не хочетъ технического прогресса, какъ это показываетъ переходъ отъ фабричнаго къ домашнему производству. Точно также и повышение заработной платы допускается капиталомъ лишь до тѣхъ поръ, пока помогаетъ ему увеличиваться. Капиталъ лучше оплачиваетъ рабочаго только для того, чтобы самому получить больше; но онъ немедленно замѣняетъ мужской трудъ женскимъ и дѣтскимъ, какъ только находитъ, что такая замѣна принесетъ ему барыши. Эти явленія совершенно упустили изъ виду буржуазные социаль-реформаторы, когда создавали свои положенія о повышательныхъ тенденціяхъ заработной платы. Правда, низкая заработная плата не всегда является самой выгодной для капитала. Но не всегда же выгодна для него и высокая заработная плата. Тѣ важныя социальныя отношенія, которыя обусловливаются измѣненіемъ заработной платы и, въ свою очередь, сами начинаютъ оказывать вліяніе на развитіе производства, такъ же мало интересуютъ капиталъ, какъ и самое развитіе производства, которое для него служитъ тоже лишь средствомъ накопленія. Капиталъ не заглядываетъ далеко впередъ. Такъ глисты не беспокоятся по поводу нарушеній процесса питанія, которыя они вызываютъ въ живомъ организмѣ и жертвой которыхъ сами когда-нибудь падутъ.

дорогъ (съ другой стороны, сильно возросла и масса пролетаризованнаго крестьянства). На ряду со всѣми указанными условіями, благопріятно отозвавшимися на заработной платѣ въ Европѣ, слѣдуетъ упомянуть еще *экономическое развитіе Сѣверной Америки*. Мы уже знаемъ, что Америка была бассейномъ для стока излишка европейскаго населенія, для переселенія тѣхъ массъ народа, которыя капиталъ оставилъ въ Европѣ безъ работы. Рабочій рынокъ Европы, въ особенности Англіи, освободился отъ того понижающаго вліянія, которое оказывали эти безработныя массы на заработную плату. Пролетаризированные европейскіе крестьяне, превратившись въ американскихъ фермеровъ, сократили предложение рабочихъ рукъ и, въ то же время, увеличили спросъ на индустріальные товары. Но тѣ самыя условія, которыя благопріятствовали повышенію заработной платы въ Европѣ, послужили почвой для установленія высокой заработной платы и въ самой Америкѣ. Кромѣ того, недостатокъ рабочихъ рукъ и обиліе земель дали возможность американскому рабочему устроиться лучше, чѣмъ живетъ рабочій въ Европѣ. Американской промышленности, такимъ образомъ, съ самаго же начала приходилось считаться съ высокой заработной платой, какъ съ неустранимой предпосылкой ея капиталистическаго развитія. Поэтому американская промышленность оказалась вынужденной въ основу своей техники положить большую интенсификацію труда, болѣе совершенную обработку продуктовъ и возможно широкое примѣненіе машинъ. Насколько техническій прогрессъ американской промышленности давалъ перевѣсъ американскимъ товарамъ въ Европѣ, европейскіе капиталисты ощущали недостатокъ въ такихъ рабочихъ, какъ американскіе, сознавая, что именно этимъ рабочимъ Америка обязана своими преимуществами. Благодаря этому и въ Европѣ началъ появляться слой болѣе интеллигентныхъ и лучше оплачиваемыхъ рабочихъ. Впрочемъ, европейскій капиталъ скоро нашелъ другіе пути и средства для того, чтобы приспособить американскую технику къ европейскому уровню заработной платы.

Въ Англіи заработная плата повышалась больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ европейскихъ странахъ; въ то же время Англія богаче всѣхъ остальныхъ европейскихъ странъ и колоніями. На этомъ основаніи выработалась привычка

безъ всякой критики связывать эти два факта, считать повышеніе заработной платы въ Англіи результатомъ англійскаго экспорта въ колоніи. Сомый поверхностный анализъ фактовъ опровергаетъ такіе выводы. Какъ извѣстно, повышеніе заработной платы въ Англіи происходило въ теченіе трехъ десятилѣтій—въ 50-ые, 60-ые и 70-ые годы прошлаго столѣтія. Уже въ 80-хъ годахъ процессъ повышения платы началъ замедляться. Англійскій же экспортъ въ колоніи измѣнялся слѣдующимъ образомъ (по Mulhall'y):

Англійскій экспортъ въ колоніи.	Въ процентахъ общаго вывоза Англіи
1854—60 гг.	29,6
1861—70 "	24,6
1871—80 "	25,6
1881—87 "	29,9

} 25,1

Періодъ повышенія заработной платы въ Англіи, слѣдовательно, совпалъ съ періодомъ относительнаго уменьшенія ея экспорта въ колоніи (уменьшеніе вызвано тѣмъ, что увеличилось участіе въ экспортѣ остальной Европы и Америки). Далѣе, по даннымъ торговой статистики за 1904/5 годъ англійскій экспортъ въ колоніи составляетъ теперь уже свыше 80 процентовъ ея общаго вывоза. О томъ, какъ это отразилось на промышленности и заработной платѣ, очень интересныя вещи рассказываетъ Гевонсъ въ своемъ отчетѣ.

Не индусамъ, не малайцамъ, не неграмъ, а европейцамъ и американцамъ обязана своимъ развитіемъ промышленность Англіи, какъ, впрочемъ, и промышленность Германіи.

Достаточно ознакомиться со статистикой англійской эмиграціи, чтобы понять, почему англійскіе рабочіе въ половинѣ прошлаго столѣтія оказались въ состояніи успѣшно бороться за повышеніе заработной платы.

Изъ Англіи выселилось (по Тозее):

Годы	Общая сумма	Среднее въ годъ
1815—1853	3.463.592	91147
1853—1883	6.981.400	698140
1883—1890	2.352.696	336099
1890—1898	2.122.575	265322
1815—1898 всего	14.920.263	человѣка,

Эти цифры показываютъ размѣры всей эмиграціи изъ Англіи, не только въ Соединенные Штаты. Австралія и Канада оказывали на Англію такое же вліяніе, какъ и Соединенные Штаты — только не въ такой рѣзкой и глубокой захватывающей формѣ.

19 столѣтіе было вѣкомъ заселенія *новыхъ* міровъ и открытія ихъ для экономической жизни. 20-ое начинается индустріализаціей *старого міра*. Это различіе должно во многихъ отношеніяхъ отразиться и на развитіи мірового рынка. Не малое значеніе оно должно имѣть и для условій труда въ Европѣ.

Какъ, въ свое время, индустріализація Америки, такъ теперь индустріализація Азіи и Африки должна привести къ значительному расширенію мірового рынка и вызвать къ жизни новыя великія производственныя силы. Но индустріализація Америки освободила европейскій рабочій рынокъ отъ излишка рабочихъ рукъ; индустріализація же Азіи и Африки приводитъ въ движеніе громадныя массы народа.

Фабричная работа, безъ сомнѣнія, является культурнымъ завоеваніемъ, но отнюдь не представляетъ чего-то присущаго исключительно одной бѣлой расѣ. Монголія, какъ показываетъ примѣръ Японіи, уже позаимствовала ее; научился ей уже и американскій негръ, научится ей, въ концѣ концовъ, и африканскій негръ.

Въ другомъ мѣстѣ (см. „Культурная работа капитализма въ Африкѣ“) мы познакомились съ мнѣніемъ дирекціи Саутъ-Вестъ-Африканской кампаніи относительно пригодности негровъ для горнопромышленныхъ работъ. Подобныя же свидѣтельства мы имѣемъ и изъ другихъ источниковъ.

Такъ управленіе желѣзной дороги въ Конго даетъ (въ анкетѣ Интернаціональнаго Колоніальнаго Института) слѣдующій отчетъ о выполненіи желѣзнодорожныхъ работъ:

„За исключеніемъ ремесленниковъ, — каменщиковъ, плотниковъ, кузнецовъ, — которые немного знали свое дѣло, всѣхъ остальныхъ рабочихъ пришлось обучать съ самаго начала. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ удалось выработать армію превосходныхъ, прекрасно дисциплинированныхъ рабочихъ, которыхъ, по мѣрѣ истеченія срока контрактамъ, постепенно замѣняли *туземцами*. Теперь туземцевъ-рабо-

чихъ уже достаточно для веденія дѣла, когда предварительныя работы будутъ закончены. Можно быть увѣреннымъ, что низшій персоналъ отнынѣ уже можно будетъ пополнять, не прибѣгая къ ввозу рабочихъ изъ за границы. Исключеніе придется дѣлать только для главныхъ мастеровъ и для такихъ специальностей, которымъ рабочій можетъ научиться только въ теченіе долгаго періода времени. Во всякомъ случаѣ, когда рабочіе, находящіеся теперь въ Конго, возвратятся на родину, въ западной части Африки, между Сенегалемъ и Конго, уже будетъ свыше 10000 рабочихъ, вполне подготовленныхъ къ работѣ въ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя могутъ возникнуть на этомъ побережьи“.

Относительно сооруженія желѣзной дороги въ Суданѣ сообщается: „Работы, которыя еще остается сдѣлать, теперь производятся туземной черной расой. Эта раса поставляетъ рабочихъ для ручныхъ и земляныхъ работъ, а также и для построекъ, хотя рабочихъ послѣдней категоріи приходится еще подучивать. Но особенно много поставляетъ эта раса кузнецовъ, которые прекрасно знаютъ свое дѣло и обладаютъ достаточной сноровкой, чтобы соединять различныя части мостовъ“.

Д-ръ Аксель Прайеръ, написавшій очень содержательную книгу объ акціонерныхъ обществахъ и крупно-промышленныхъ предпріятіяхъ въ колоніяхъ, высказываетъ слѣдующее мнѣніе относительно работы цвѣтнокожихъ рабочихъ: „По своей работѣ цвѣтнокожій рабочій и качественно, и количественно уступаетъ европейскому рабочему, работающему у себя на родинѣ. Исключеніе составляютъ, правда, *китайцы*, которые способны поразительно долго производить тяжелыя работы въ самыхъ нездоровыхъ тропическихъ мѣстностяхъ. Остальные цвѣтнокожіе далеко уступаютъ китайцамъ; но чисто мускульной работы они могутъ совершить больше, чѣмъ обыкновенно въ состояніи совершить на тропикахъ бѣлый рабочій. Въ качественномъ отношеніи работа цвѣтнокожаго, при тщательномъ обученіи и бдительномъ надзорѣ, вполне удовлетворительна. Въ особенности работа китайца. Нерѣдко она даже достигаетъ такой точности и правильности, какую въ Европѣ врядъ ли можно найти. Благодаря такимъ качествамъ цвѣтнокожій, при умѣломъ обращеніи съ нимъ, вполне пригоденъ для ра-

ботъ, какъ на фабрикахъ, такъ и на горныхъ промыслахъ и плантаціяхъ“.

Какъ извѣстно, давно уже началась эмиграція монголовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ монголовъ насчитывалось:

	Китайцевъ.	Японцевъ.
Въ 1860 г.	34933	—
„ 1870 „	63199	55
„ 1880 „	105465	148
„ 1890 „	107488	2039
„ 1900 „	90167	24610

Уменьшеніе числа китайцевъ при переписи 1900 года было результатомъ принятыхъ Соединенными Штатами мѣръ противъ ввоза кули. Всякій согласится, что эти цифры, хотя онѣ и проявляютъ тенденцію возрастать, сами по себѣ слишкомъ еще ничтожны, чтобы вызывать тревогу. Америка привыкла имѣть дѣло съ неизмѣримо большими цифрами иммиграціи, привыкла и къ цвѣтнокожимъ (напомнимъ только о неграхъ). Какое же сильное вліяніе должна оказывать монгольская конкуренція, если даже Америка прибѣгаетъ къ драконовскимъ мѣрамъ. Запретительныя мѣры впрочемъ принимаются вездѣ, гдѣ только появляются китайцы. Такъ, напримѣръ, въ Австраліи и Южной Африкѣ.

Однако то, что представляла конкуренція кули до сихъ поръ, было лишь маленькой, незначительной прелюдией къ тому, что она будетъ представлять въ будущемъ. Индустриализація Китая дастъ такой толчекъ эмиграціи, приведетъ въ движеніе такія массы, о какихъ раньше и думать нельзя было. Какое вліяніе оказываетъ индустриализація страны вообще, мы видимъ уже по растущему числу японскихъ переселенцевъ. Но припомнимъ экономическую исторію Европы, вспомнимъ о массахъ пролетаризированнаго крестьянства, которые нищенствовали и голодали, пока ихъ волной невынесло въ Америку! Въ Китаѣ съ его необъятной территоріей, которая, впрочемъ, уже и теперь страдаетъ отъ перенаселенности, въ Китаѣ пролетаризація приметъ колоссальные размѣры и приведетъ къ послѣдствіямъ, которыя теперь даже трудно себѣ представить.

Достаточно присмотрѣться къ тому, какъ уже теперь тамъ все кипитъ и клокочетъ. Возстаніе боксеровъ было предостереженіемъ; но о немъ успѣли уже позабыть. Со

времени боксерскихъ возстаній безпорядки въ Китаѣ не прекращаются. Желѣзныя дороги приходится прокладывать по мѣстамъ, буквально кишачимъ цѣлыми толпами народа. Многочисленное населеніе, обитавшее близъ старыхъ большихъ дорогъ, разбрасывается во всѣ стороны. Еще болѣе многочисленные мелкіе торговцы и ремесленники разоряются; за ними послѣдуетъ и китайскій крестьянинъ. У многихъ миллионовъ людей капиталъ въ Китаѣ вырываетъ почву изъ-подъ ногъ. Куда же имъ дѣться? Если ихъ не пустять въ Европу и Америку, они направятся въ Африку. Уже и теперь насчитываютъ отъ 2-хъ до 3-хъ миллионовъ переселенцевъ въ годъ (Thozee). Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ *восточной Азии* возникаетъ промышленность, которая такъ же имѣетъ базисомъ *дешевыя рабочія руки*, какъ американская промышленность имѣла базисомъ *дорогія рабочія руки*. Если европейскій рабочій и не столкнется непосредственно съ монгольскимъ въ европейской фабрикѣ, то вліяніе монгольскаго рабочаго онъ почувствуетъ въ другой формѣ: въ томъ пониженіи заработной платы въ Европѣ, которое вызовутъ *дешевые товары*, производимые китайскимъ рабочимъ на китайской фабрикѣ.

Давленіе монгольской конкуренціи будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе европейская промышленность будетъ приспособляться къ *потребностямъ монголовъ и негровъ*, т. е. чѣмъ бо ѣе европейская промышленность будетъ *приспособляться къ потребностямъ колоній*. Само собою вѣдь понятно, что монголамъ легче всего будетъ удовлетворять собственнымъ потребностямъ и потребностямъ народовъ, которые по культурѣ имъ ближе, чѣмъ европейцамъ. Да и, помимо того, для удовлетворенія потребностей *менѣе культурныхъ народовъ*, промышленность можетъ ограничиться *менѣе высокой техникой*. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что и географическія условія рынка для *монголовъ* болѣе благоприятны, чѣмъ для европейцевъ.

„Въ настоящее время носителями культуры являются бѣлые. Но въ будущемъ съ бѣлыми можетъ сравняться, если не превзойти ихъ, другая человѣческая раса, раса *цвѣтнокожихъ*, именно—монголы. Намъ пришлось бы зайти слишкомъ далеко, если бъ мы вздумали здѣсь перечислять всѣ данныя для такого предположенія: способность къ размноженію, тѣлосложеніе и черты характера монголовъ. Но

достаточно указать на развитие Японской имперіи въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Можно еще прибавить, что, по мнѣнію всѣхъ лучшихъ знатоковъ восточной Азіи, китайцы еще превосходятъ японцевъ, какъ по своей работоспособности, такъ и по характеру, и что, по мнѣнію тѣхъ же знатоковъ, въ китайцахъ дремлютъ такія способности, которыя, разъ проснувшись, придадутъ совершенно новую фیزیомію всему цивилизованному міру. Эти способности должны проявиться, прежде всего, въ важнѣйшей отрасли современной хозяйственной жизни — въ индустріальной промышленности. Что будетъ съ европейскими индустріальными государствами, если нынѣшніе зачатки китайской индустріальной дѣятельности постепенно разовьются, примутъ большіе размѣры и распространятся на производство всевозможныхъ фабрикатовъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ предоставимъ будущему. Для судебъ пояса теплыхъ странъ гораздо больше еще значенія имѣетъ тотъ фактъ, что китайцы безъ всякаго вреда для своего здоровья могутъ долго заниматься физической и всякими другими работами на тропикахъ, въ узкомъ смыслѣ слова, что они тамъ устраиваются и размножаются не хуже, чѣмъ у себя на родинѣ. Живя въ тропическихъ зонахъ, китайцы не претерпѣваютъ никакихъ измѣненій ни въ тѣлосложеніи, ни въ духовномъ своемъ складѣ. Объ этомъ можно судить по китайцамъ на Явѣ, предки которыхъ переселились сюда много вѣковъ тому назадъ. Что касается хозяйственныхъ способностей китайцевъ, то уже теперь въ Кантонѣ, Сингапурѣ и Явѣ есть крупные купцы, которые располагаютъ милліонами и нерѣдко являются опасными конкурентами для большихъ европейскихъ фирмъ. Переселеніе китайцевъ въ теплыя страны уже и теперь составляетъ трудную проблему для колониальныхъ государствъ бѣлой расы. Въ будущемъ эту проблему еще труднѣе будетъ разрѣшить: она охватитъ сначала экономическую область, а потомъ, можетъ быть, распространится и на политическую" (Д-ръ А. Прейеръ).

Такимъ образомъ, мы и здѣсь приходимъ къ тому же выводу: будущее европейской промышленности не въ колоніяхъ, а въ тѣсномъ экономическомъ сплоченіи всей Европы.

Колоніи же ведутъ къ техническому регрессу и систематическому пониженію заработной платы.

Часть четвертая.

Эра обмановъ въ имперской политикѣ.

Новый рейхстагъ.

„Правительство такъ же мало является творцомъ своей политики, какъ и буржуазныя партіи. Правительство является однимъ изъ условій существованія буржуазныхъ партій, буржуазныя партіи—однимъ изъ условій существованія правительства. Но существованіе ихъ всѣхъ обуславливается капиталистическою эволюціей. Уносимые ураганомъ капиталистической эволюціи, они втягиваютъ страну въ самыя жестокия экономическія и политическія противорѣчія, но спастись отъ этого урагана они не могутъ: они всѣ—только наемники капитала, слѣпое орудіе въ его рукахъ“. Введеніемъ для настоящей книги послужило изслѣдованіе того парламентскаго положенія, которое привело къ роспуску рейхстага; это изслѣдованіе привело насъ къ разсмотрѣнію движущихъ силъ капиталистической эволюціи. Теперь мы испробуемъ обратный путь: ознакомившись съ тѣми противорѣчіями и крайностями капиталистической эволюціи, которыя въ Германіи, какъ и въ другихъ индустріальныхъ государствахъ, гонятъ капиталъ въ колоніи,—мы въ связи съ добытыми нами данными попробуемъ изучить политику имперскаго правительства и имперскаго рейхстага.

Исходъ выборовъ былъ пріятною неожиданностью даже для самого правительства, которое поэтому въ первые дни послѣ выборовъ предавалось громкому ликованію. Поскольку требовалось использовать для политической рекламы патріотически-радостное настроеніе буржуазіи, постольку ликованіе было цѣлесообразнымъ. Но оно разоблачало правительство, такъ какъ это ликованіе *послѣ* выборовъ обнаруживало, какую тревогу испытывало правительство *предъ* выборами. Правительство было въ опьяненіи, и это настроеніе чувствовалось еще на первыхъ засѣданіяхъ новаго рейхстага. Но вскорѣ наступило и отрезвленіе.

Выборы обнаружили нѣкоторый поворотъ въ сторону либерализма; но такъ какъ это связано было съ реакціонной борьбой противъ социалдемократіи, то, въ концѣ концовъ, выборы привели не къ усиленію, а къ ослабленію либерализма въ парламентѣ. Въ прежнія времена каждый разъ, когда буржуазныя партіи выступали съ либеральными требованіями, они всегда находили въ социалдемократіи надежную поддержку. Если сложить голоса и мандаты либеральныхъ партій, то увидимъ, что всѣ эти партіи вмѣстѣ на выборахъ 1903 года получили 54,1 процента всѣхъ поданныхъ голосовъ. Тотъ же самый процентъ голосовъ—54,1—онѣ получили и на выборахъ 1907 года. Но число депутатовъ въ 1903 году составляло 170, а при послѣднихъ выборахъ едва достигло 154. Разбивъ социалдемократію на выборахъ 1907 года, либерализмъ самъ лишилъ себя важнѣйшей опоры: чтобы обрѣсти благосклонность правительства, онъ поступилъ своей политической силой.

Либерализмъ добился лишь того, что, благодаря незначительному увеличенію своихъ мандатовъ и гораздо болѣе значительному увеличенію консервативныхъ мандатовъ, онъ въ союзѣ съ консервативными партіями можетъ создать большинство въ рейхстагѣ. Либеральныя партіи теперь могутъ примкнуть къ правительственному большинству. И это все, что имъ еще остается.

Правительство можетъ теперь опираться на двоякаго рода большинство: консерваторы плюсъ либералы или консерваторы плюсъ центръ. Правительство, слѣдовательно, можетъ, въ случаѣ надобности, обойтись безъ либераловъ, но не можетъ обойтись безъ консерваторовъ.

Такимъ образомъ, консерваторы въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, являются хозяевами положенія въ парламентѣ. Они ничего не имѣютъ противъ легкаго кокетничанья имперскаго канцлера съ либералами, въ особенности, если это кокетничанье служитъ и выраженіемъ пренебреженія къ центру. Но они зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ихъ могуществу не нанесенъ былъ ущербъ болѣе тѣснымъ сближеніемъ канцлера съ либералами.

Поэтому господину фонъ-Бюлову пришлось совершить путешествіе въ Каноссу—предстать предъ совѣтомъ союзныхъ сельскихъ хозяевъ и пропѣть хвалебный гимнъ свининой

онъ долженъ былъ сгладить впечатлѣніе отъ своихъ слышаній либерально звучащихъ рѣчей.

Въ роспускѣ рейхстага и рѣзкомъ выступленіи правительства противъ центра многіе видѣли крутой поворотъ имперской политики въ сторону либерализма. Если бы правительство дѣйствительно хотѣло пойти по пути либеральной политики, оно должно было бы вторично распустить рейхстагъ для того, чтобы на новыхъ выборахъ выступить съ опредѣленно выраженной либеральной программой и создать себѣ либеральное большинство въ будущемъ рейхстагѣ. Но для этого нынѣшнее имперское правительство совершенно непригодно. Оно, впрочемъ, ничего подобнаго не желаетъ, никто и не ждетъ отъ него ничего подобнаго. Правительство распустило рейхстагъ потому, что не могло дальше тянуть прежней канители; теперь оно добилось большинства въ рейхстагѣ и меньше всего склонно заниматься устройствомъ дѣла либерализма. Повторяю то, что писалъ предъ выборами: „Физиономія имперскаго правительства настолько ясна по его прошлому, что никто не заподозритъ у этого правительства широко задуманныхъ плановъ“. Попорхавши, неувѣренно и безпомощно, по либеральному полю, имперскій канцлеръ благодушно усѣлся на навозной кучѣ аграризма. Онъ пришелъ къ философскому заключенію, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

Въ своемъ либерализмѣ имперскій канцлеръ не выйдетъ изъ тѣхъ рамокъ, которыя ставятъ ему консерваторы. Приобщеніе либераловъ къ правительственной партіи представляетъ милостыню, которую консерваторы бросаютъ либераламъ.

Каждый парламентскій день все убѣдительнѣе вколачиваетъ либераламъ въ голову сознаніе, что на выборахъ они только устроили дѣла консерваторовъ. И чѣмъ лѣвѣе стоитъ либераль, тѣмъ отвратительнѣе онъ себя чувствуетъ. Либералы получили возможность утверждать—отнюдь не отвергать—правительственные законопроекты; но и для утвержденія законопроектовъ они должны отказаться отъ всего, что ихъ отдѣляетъ отъ реакціонныхъ партій. Въ отличіе отъ картельныхъ выборовъ 1887 года, которые дали большинство изъ консерваторовъ (вмѣстѣ съ имперской партіей) и національ-либераловъ, на этотъ разъ тре-

буется не „спариваніе“, какъ гласилъ новый терминъ, а полная перетасовка всѣхъ партій. Для того, чтобы создать консервативно-либеральное большинство, должны объединиться, по меньшей мѣрѣ, слѣдующія партіи: консерваторы, имперская партія, Союзъ сельскихъ хозяевъ, антисемиты, національ-либералы, Союзъ свободомыслящихъ и Народная Партія Свободомыслящихъ!

Такое большинство, само собою разумѣется, не можетъ существовать постоянно; оно будетъ создаваться только въ нужные моменты, и, чтобы создать его, въ каждомъ случаѣ придется оказывать политическое давленіе. Поэтому правительство будетъ постоянно прибѣгать къ такимъ же мѣрамъ воздѣйствія на общественное мнѣніе, къ какимъ оно прибѣгало при послѣднихъ выборахъ. Такимъ образомъ и соотношеніе силъ въ парламентѣ, въ свою очередь, будетъ содѣйствовать политическому авантюризму, который и безъ того имѣетъ достаточно богатую почву во внутреннихъ противорѣчіяхъ капиталистической колоніальной политики.

На основаніи изложеннаго мы можемъ сказать, что въ ближайшемъ будущемъ имперская политика въ основныхъ чертахъ будетъ сводиться къ слѣдующему:

1. Неуклонное сохраненіе охранительныхъ пошлинъ, въ особенности аграрныхъ.

2. Безграничное увеличеніе бюджета военнаго, морского и колоніальнаго.

3. Безостановочное искусственное расширеніе колоніальной политики.

Но, не смотря на все это, капиталистическая эволюція усердно обостряетъ классовыя противорѣчія, ревностно старается довести ихъ до крайнихъ предѣловъ.

Аграрныя противорѣчія.

Въ главѣ о *повышеніи ценъ* мы указывали на то, что, благодаря вздорожанію земли, росту арендной платы и задолженности, дороговизна неминуемо вызоветъ большія затрудненія для самаго сельскаго хозяйства и, прежде всего, поведетъ къ разоренію крестьянства. Крупные землевладельцы пока еще продолжаютъ громко ликовать. Правда,

мелкое крестьянство успѣло уже доспекулироваться до настоящаго кризиса со свининой, но помѣщиковъ это очень мало задѣваетъ. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ кризисъ даже на руку, такъ какъ съ ограниченіемъ конкуренціи со стороны крестьянъ является возможность шире развить свиноводство при помѣщичьихъ винокуренныхъ, пивоваренныхъ, сахарныхъ заводахъ и молочныхъ фермахъ, и, кромѣ того, благодаря кризису, поденщики становятся болѣе покорными. Но начинаютъ обнаруживаться и болѣе грозные симптомы; ихъ уловили уже даже за зеленымъ столомъ прусскаго министерства.

На засѣданіи прусской палаты депутатовъ, происшедшемъ 7 февраля 1907 года, прусскій министръ земледѣлія произнесъ рѣчь, которую небезполезно будетъ освѣтить здѣсь настоящимъ свѣтомъ. Для того, чтобы видѣть вещи при полномъ свѣтѣ, всегда приходится немного отступать отъ той узкой и уклончивой точки зрѣнія, на которой по долгу службы обязаны стоять министры крупныхъ землевладельцевъ.

Г. фонъ Арнимъ, прусскій министръ земледѣлія, сказалъ:

„Прошелъ годъ со времени вступленія въ силу нашей новой таможенной системы. Въ своей бюджетной рѣчи г. министръ финансовъ уже обратилъ ваше вниманіе на благотворное вліяніе этой новой таможенной политики. Безъ сомнѣнія, она отразилась оживляющимъ образомъ и на земледѣліи. Тѣмъ не менѣе, я не могу закрыть глаза и на то, что надежды, возлагающіяся на таможенное законодательство, все же оказались нѣсколько преувеличенными. По моему убѣжденію, повышеніе заработной платы и обусловленное вздорожаніемъ всѣхъ продуктовъ *увеличеніе производственныхъ расходовъ* составляютъ очень чувствительный *противовѣсъ* тѣмъ выгодамъ, которыя вытекаютъ изъ нѣкотораго повышенія цѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Съ этимъ, въ особенности, надо согласиться, если принять въ соображеніе, что высокія цѣны на скотъ не могутъ надолго удержаться“.

Остановимся здѣсь на минутку. Что вздорожаніе товаровъ обуславливается повышеніемъ заработной платы,—это слишкомъ явная передержка, извращенное толкованіе того факта, что при вздорожаніи товаровъ заработная плата

неизбѣжно должна повиситься, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, ухудшилось бы положеніе рабочихъ. Но для насъ важнѣе всего признаніе министра, что повышение цѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ мѣшаетъ развитію производства—обстоятельство, на которое мы много разъ указывали въ настоящей книгѣ.

Но послѣдуемъ, однако, далѣе за прусскимъ министромъ земледѣлія.

„Если принять въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, то нельзя не придти къ убѣжденію, что существующія у насъ *высокія цѣны на землю* не имѣютъ необходимой опоры въ соотвѣтственномъ увеличеніи доходности земли. У меня это явленіе вызываетъ очень *серьезныя опасенія*. И именно потому, что причины вздорожанія земли лежатъ не столько въ увеличеніи ея доходности, сколько въ увеличенномъ спросѣ на нее; увеличенный же спросъ на землю вызванъ расширеніемъ закупки земли государственными и частными переселенческими банками, закупками доменъ, покупкой земли частными лицами, разбогатѣвшими на промышленныхъ предпріятіяхъ. Всѣ эти обстоятельства *соблазняютъ и профессиональнаго сельскаго хозяина*, иногда прямо заставляютъ его производить на землю такія затраты, которыхъ она не въ состояніи погашать“.

Заслуживаетъ особаго вниманія жалоба на переселенческіе банки, съ которою вступаетъ министр земледѣлія, не вполнѣ сознавая ея значеніе. Во времена надвигавшагося земельного кризиса помѣщики радостно привѣтствовали „государственные и частные переселенческіе банки“, такъ какъ эти банки давали имъ возможность съ выгодой дробить свои имѣнія. Теперь, когда земельная рента повышается, помѣщикамъ хочется увеличивать свои имѣнія; но имъ не хочется платить дорого за землю, а переселенческія учрежденія являются неприятными конкурентами по закупкѣ земель. Если прежде была тенденція создавать мелкоземлевладѣльческое крестьянство, то теперь господствуетъ тенденція откупить у крестьянъ землю. На эту тенденцію мы указывали въ главѣ о *повышеніи цѣнъ*.

Господинъ фонъ Арнимъ продолжаетъ:

„Всеобщее повышение цѣнъ вызываетъ опасеніе еще и потому, что оно даетъ себя чувствовать не только при

продажѣ, но и при наслѣдованіи, что важнѣе всего. При каждомъ переходѣ земли по наслѣдству возрастаетъ задолженность. *Эта быстро растущая задолженность земли*, по моему убѣжденію, представляетъ одно изъ главныхъ золъ, отъ которыхъ въ настоящее время страдаетъ сельское хозяйство; въ ней *единственная причина безпомощности сельскаго хозяйства въ моменты неблагоприятныхъ экономическихъ конъюнктуръ*. Безъ сомнѣнія, нынѣшнему поколѣнію сельскихъ хозяевъ наши таможенные пошлины приносятъ не мало существенной выгоды. Но также несомнѣнно, что черезъ нѣкоторое время—вѣроятно всего, что уже черезъ одно поколѣніе—эта выгода будетъ *стерта* повышенной задолженностью земли, такъ что сельское хозяйство *вновь окажется въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ оно находится теперь*.

Такимъ образомъ, въ послѣдствіи можетъ оказаться, что нынѣшнее таможенное законодательство не принесло никакой пользы, что оно даже принесло вредъ. Никто вѣдь не станетъ отрицать, что по какимъ-либо причинамъ можетъ оказаться необходимымъ понизить или даже совсѣмъ отмѣнить пошлины. А это неминуемо повело бы у насъ къ *самымъ ужаснымъ катастрофамъ*. Наше таможенное законодательство можетъ быть оправдано только въ томъ случаѣ, если мы примемъ мѣры для предупрежденія неблагоприятныхъ явленій, связанныхъ съ такимъ законодательствомъ. Съ этой точки зрѣнія мнѣ кажется, что одна изъ первыхъ задачъ нашего таможеннаго законодательства должна заключаться въ томъ, чтобы *создать для нашей земельной собственности возможность освободиться отъ долговъ*“.

Короче говоря: земельная рента повышается; вмѣстѣ съ нею повышаются цѣны на землю, покупаемую и арендуемую; возрастаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и задолженность земли. При высокой задолженности, высокой рентѣ и высокихъ арендныхъ цѣнахъ становится невозможнымъ понижать цѣны на зерновой хлѣбъ. Если же по какимъ-либо причинамъ зерно при такихъ условіяхъ начнетъ падать въ цѣнѣ, то это неминуемо вызоветъ аграрный кризисъ. Прусскій министр земледѣлія, правда, не совсѣмъ еще выяснилъ себѣ эту роковую связь явленій, которая намъ такъ хорошо извѣстна, но значеніе отдѣльныхъ фактовъ

онъ уже признаетъ. И прусскій министръ земледѣлія намъ заявляетъ, что при такихъ условіяхъ охранительныя пошлыны начинаютъ приносить вредъ сельскому хозяйству и весь процессъ долженъ завершиться „ужаснѣйшей катастрофой“. Какія средства для предупрежденія катастрофы предлагаетъ онъ?—„Освобожденіе земельной собственности отъ долговъ“. Надо обладать наивностью капиталистическаго государственнаго мужа, не омраченною болѣе глубокимъ пониманіемъ сущности капиталистической эволюціи, чтобы не замѣтить безбрежнаго утопизма такого „практическаго“ предложенія!

Если вообще возможно освободить сельско-хозяйственную земельную собственность отъ задолженности, то — только въ эпоху паденія, а не повышенія цѣнъ на землю.

Когда цѣна земли повышается, никакіе совѣты, исходящіе отъ зеленаго стола, какъ бы благожелательны они ни были, не могутъ помѣшать помѣщику прибѣгать къ новымъ ипотекамъ. Онъ былъ бы глупцомъ, если бы этого не дѣлалъ, такъ какъ надъ нимъ немедленно взялъ бы верхъ любой сосѣдъ, пользующійся ипотекой. Въ эпоху повышенія цѣнъ на землю помѣщикъ находится въ положеніи дѣловаго человѣка, которому предлагаютъ широкій и дешевый кредитъ. Само собою понятно, что онъ имъ пользуется. Насколько ему капиталъ не нуженъ для расширенія сельскаго хозяйства и побочныхъ промысловъ, связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, онъ употребляетъ деньги на чисто индустріальныя предпріятія, что уже издавна и довольно широко практикуется помѣщиками. Восточно-прусскіе помѣщики — лучшіе кліенты биржи. Разсчетъ у нихъ очень простой: въ то время, какъ по закладнымъ листамъ прусскихъ поземельныхъ банковъ приходится платить не болѣе 3 — 4,5 процентовъ, акціонерныя общества въ Германіи, поскольку они вообще приносили чистый доходъ, давали въ 1905 году средній дивидендъ въ 11,6 процента, а въ болѣе важныхъ отрасляхъ промышленности и больше. Такъ, напримѣръ, горная промышленность давала 12,7 проц., машиностроительная — 12, кирпичные заводы — 12,5, сахарные заводы — 17, а химическіе заводы даже — 24,3 проц.! При такихъ условіяхъ очевидно, что ипотека представляетъ для помѣщика очень выгодную операцію.

Какое бы употребленіе помѣщикъ ни давалъ своей

капитализированной земельной рентѣ, она остается тяготѣть надъ его землей въ видѣ гипотечнаго долга. Долгъ составляютъ тѣ деньги, которыя хранятся въ портфель помѣщика въ видѣ акціонерныхъ бумагъ, приносящихъ дивиденды; гипотечнымъ долгомъ являются тѣ суммы, которыя помѣщикъ даетъ своимъ сыновьямъ и дочерямъ, деньги, которыя онъ тратитъ на игру, на женщинъ и лошадей. И, какъ только зерновой хлѣбъ начинаетъ падать въ цѣнѣ, помѣщикъ начинаетъ жаловаться на задолженность, взывать къ государству, и на народъ возлагается обязанность улучшать ренту капиталистическаго собственника земли.

Опасенія будущаго паденія хлѣбныхъ цѣнъ не удерживаютъ помѣщика отъ закладыванія земли. Напротивъ, такія опасенія заставляютъ его еще усиленнѣе стремиться къ гипотечнымъ операціямъ, пока общія условія для нихъ наиболѣе благоприятны.

Гипотечная статистика на территоріи прусскаго королевства показываетъ слѣдующія цифры:

Годъ	Погашеніе	Заключеніе новыхъ закладныхъ	Повышеніе задолженности
1895	506	783	278
1896	492	813	321
1897	490	848	358
1898	472	860	388
1899	504	778	274
1900	482	877	396
1901	558	959	401
1902	627	1020	394
1903	645	1090	445
1904	631	1038	407

До 1901 года цифры гипотечныхъ погашеній колеблются очень мало; больше колебаній обнаруживаютъ цифры новыхъ закладныхъ операцій; съ 1901 года число погашеній очень замѣтно возрастаетъ — что является признакомъ преуспѣнія сельскаго хозяйства — но въ это же время особенно увеличивается и число новыхъ закладныхъ, такъ что *задолженность возрастаетъ*. То же самое будетъ продолжаться и дальше — до тѣхъ поръ, пока будетъ повышаться цѣна

на землю. Здѣсь не помогутъ никакіе совѣты никакихъ министровъ земледѣлія.

Совершенно иное положеніе занимаетъ *крестьянинъ* относительно роста цѣны и задолженности земли. Источникомъ дохода крестьянина служитъ не земельная рента и не капиталъ, а его собственный *трудъ*. На суммы, выручаемыя имъ съ гипотекъ, нельзя ни соорудить винокурень, ни приобрести акцій, которыя давали бы достаточные для существованія дивиденды. Для крестьянина вздорожаніе земли проявляетъ только свою оборотную сторону: высокія арендные цѣны, большія затрудненія въ приобретеніи земли и, прежде всего, большія потери при раздѣлахъ земельного наслѣдства.

Относительно германскаго, и специально прусскаго, крестьянства очень интересныя свѣдѣнія даетъ комбинированная статистика поземельныхъ сборовъ, размѣровъ землевладѣнія и чистаго дохода землевладѣльцевъ:

Классъ обложенія поземельнаго дохода	Размѣры земельной соб- ственности	Число собственни- ковъ	Изъ 100 платель- щиковъ налога имѣли доходъ въ	
			ниже 900 марокъ	ниже 500 марокъ
60— 90 мар.	8,0 гектар.	110019	71,9	98,5
90— 300 "	14,7 "	310118	38,8	91,2
300—1500 "	37,1 "	180806	5,3	42,5
1500 и болѣе "	298,8 "	27933	1,0	6,6
60 и болѣе	32,6	628876	33,3	74,6

Изъ этой таблицы мы видимъ, что въ Пруссіи даже средній крестьянинъ, имѣющій около 8 гектаровъ земли, можетъ выработать лишь 1500 марокъ дохода въ годъ, (только 1,5 проц. имѣютъ болѣе высокой доходъ), что болѣе семи десятыхъ этого класса крестьянства имѣетъ менѣе 900 марокъ годового дохода; положеніе этого класса крестьянства, слѣдовательно, хуже положенія промышленныхъ рабочихъ. Но и крестьяне, имѣющіе около 15 гектаровъ земли, въ

Пруссіи не въ состояніи подняться выше класса, имѣющаго 1500 марокъ годового дохода: девять десятыхъ изъ нихъ имѣютъ даже менѣе 900 марокъ годового дохода. При этомъ въ нашей таблицѣ совершенно отсутствуетъ крестьянство, имѣющее мелкіе участки: поземельный налогъ ниже 60 марокъ, соотвѣтствующій, какъ видно изъ таблицы, участкамъ менѣе, чѣмъ въ 8 гектаровъ въ среднемъ, не регистрируется. Приведенная таблица даетъ свѣдѣнія только о 628878 землевладѣльцахъ, тогда какъ по переписи 1895 г. въ Пруссіи было 1,2 милліона часто земледѣльческихъ хозяйствъ и соотвѣтственно этому всего 3,3 милліона сельскихъ хозяйствъ. Если принять это въ соображеніе и причислить имѣющихъ болѣе 6000 марокъ годового дохода къ классу *богатыхъ*, а имѣющихъ 1500—6000 марокъ къ классу *состоятельныхъ*, то получимъ слѣдующую картину *соціального расчлененія* сельско-хозяйственного населенія въ Пруссіи:

Богатыхъ помѣщиковъ Почти десять тысячъ
Состоятельныхъ хозяевъ и
многоземельныхъ крестьянъ Двѣсти тысячъ

Обнищалаго крестьянства { Одинъ милліонъ въ чисто
земледѣльческихъ хозяй-
ствахъ.
Два милліона въ побоч-
ныхъ сельско-хозяйствен-
ныхъ промыслахъ.

Для милліоновъ малоземельнаго крестьянства основой экономического существованія служитъ не земледѣліе, а скотоводство. Когда подымались цѣны на мясо, быстро расширялось скотоводство, въ особенности свиноводство; тѣмъ быстрѣе оно столкнулось съ тѣми узкими границами, которыя ставитъ потребленію мяса низкая заработная плата фабричныхъ рабочихъ. Быстрое расширение скотоводства и ограниченное потребленіе мяса: перепроизводство на лицо! Съ того момента, какъ крестьяне лишились возможности продавать свой скотъ, они могли чувствовать только оборотную сторону вздорожанія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ: дороговизну корма для скота. Тутъ то во всей силѣ проявились основныя причины неустойчивости крестьянскаго хозяйства: слишкомъ ничтожный оборотный капиталъ, слишкомъ ничтожные размѣры землевладѣнія.

Яркую картину положенія, создавшагося на этой почвѣ, даетъ въ одной корреспонденціи изъ Мекленбурга Kreuzzeitung—газета, насквозь проникнутая аграризмомъ и консерватизмомъ:

„Въ Мекленбургѣ создано положеніе, совершенно неподдающееся описанію. При всѣхъ стараніяхъ—невозможно продать ни одной головы скота по такой цѣнѣ, которая хоть нѣсколько покрыла бы расходы по вскормленію. Если собственники *крупныхъ имѣній*, не смотря на страшную нужду въ кормѣ, все же пытаются удержать у себя скотъ въ надеждѣ, что въ недалекомъ будущемъ установятся *лучшія цѣны*, то этого *не можетъ сдѣлать бѣднякъ*—арендаторъ и поденщикъ, работающій изъ части, ремесленникъ и т. д.—такъ какъ онъ *рѣшительно не можетъ найти ни корма, ни мѣста* для своей скотины... И бѣдняки вынуждены бить шестинедѣльных поросятъ, чтобы выручить за нихъ хоть что-нибудь“.

Само собою понятно, что для крупнаго скотоводства желанный моментъ „лучшихъ цѣнъ“ наступитъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ быстрѣе „поденщики, ремесленники“ и т. д. перебьютъ своихъ поросятъ. Крестьянинъ долженъ уступить мѣсто помѣщику. Когда это случится, пусть цѣна на мясо подымается еще выше. Пусть даже, благодаря высокимъ цѣнамъ, еще понизится потребленіе мяса—помѣщикъ все же получитъ еще достаточно, если только крестьянинъ будетъ устраненъ съ рынка.

Вытѣсненіе крестьянина можно еще ускорить тѣмъ, что помѣщики *лишатъ его аренды* и такимъ образомъ—еще больше увеличатъ его нужду въ „кормѣ“ и „мѣстѣ“ для скота.

Пока существовало несоотвѣтствіе между падавшими цѣнами на хлѣбъ и высоко взвинченными цѣнами на землю, до тѣхъ поръ крестьяне, въ роли мелкихъ арендаторовъ и работниковъ изъ части, были для помѣщика желанными объектами эксплуатаціи. Но съ повышеніемъ цѣны на хлѣбъ положеніе измѣнилось. Стремленіе отмѣнить на помѣщичьемъ дворѣ расплату натурой и замѣнить ее денежной платой проявляется уже давно. Оно возникло и развивалось вмѣстѣ съ распространеніемъ денежнаго хозяйства и развитіемъ сельско-хозяйственной техники, повысившей продуктивность земли. Теперь это стремленіе

еще усиливается. Земля пріобрѣтаетъ особенную цѣнность для помѣщика: она *вся* ему самому нужна. Картофельные и другіе участки отнимаются у батрака и половника, всѣ работники начинаютъ оплачиваться деньгами... Но эти деньги приносятъ батраку такъ же мало пользы, какъ и арендная сумма, остающаяся въ карманѣ, когда у него отнимаютъ арендованный выгонъ, безъ котораго онъ не въ состояніи прокормить свой скотъ.

По даннымъ 1895 года въ Германской Имперіи изъ всѣхъ хозяйствъ, имѣвшихъ менѣе 5 гектаровъ, половина держала арендованную землю; изъ хозяйствъ съ 5—20 гектарами арендованную землю держали 36 процентовъ. Если въ сравненіи со всею обрабатываемою площадью площадь аренды и не особенно велика, то специально для мелкихъ хозяйствъ какой-нибудь клочекъ земли сплошь и рядомъ является вопросомъ жизни.

Борьба интересовъ, вызываемая въ деревнѣ повышеніемъ цѣны на землю, оказываетъ гораздо больше вліянія, съ неизмѣримо большею силою толкаетъ миллионы крестьянъ на путь политической оппозиціи, чѣмъ это сама по себѣ могла бы сдѣлать какая угодно социалдемократическая агитація.

Прошли времена, когда восточно прусское дворянство сидѣло подъ плакучими ивами и рыдало такъ, что вмѣстѣ съ нимъ чуть не рыдали камни. Теперь передъ нами торжествующіе аграріи. Толпой тѣснятъ они впередъ, наживаютъ богатства и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на то социальное разложеніе, которое оставляютъ позади себя. Тѣмъ съ большею силою прорвутся политическіе результаты этой экономической революціи.

Аграріи и промышленность.

Съ неменьшею силою выступаютъ и внутреннія противорѣчія промышленной эволюціи—тѣ противорѣчія, съ которыми мы ознакомились въ главахъ о конкуренціи Америки и повышеніи цѣнъ. Дороговизна сдѣлалась всеобщей, распространилась на все, на личныя услуги, на всѣ товары, не исключая газетъ, юмористическихъ листковъ

и театральных билетов. Если случайно цѣны на какой-нибудь товаръ и понижаются, то это происходитъ отъ обычнаго волнообразнаго движенія цѣнъ или, какъ это было съ цѣнами на мясо, отъ частичныхъ кризисовъ. Такія случайныя колебанія нисколько не мѣшаютъ тому, что въ общемъ *цѣнообразованіе переносится на болѣе высшій уровень.*

Противоположность интересовъ аграрнаго и промышленнаго капитала обостряется, благодаря давленію капитала, сплоченнаго союзами предпринимателей. Въ прусскомъ ландтагѣ эта противоположность интересовъ рѣзко проявилась при обсужденіи запроса о вздорожаніи угля.

Отвѣтственность за дороговизну угля хотѣли возложить на синдикаты углепромышленниковъ. Графъ *Камилль* высчиталъ, какіе высокіе дивиденды приносятъ угольные копи, указавъ, какъ много милліоновъ должны приплатить промышленность и сельское хозяйство вслѣдствіе вздорожанія угля, и прибавилъ:

„Что въ сравненіи съ этими цифрами значитъ пресловутое, якобы страшное, вздорожаніе жизненныхъ припасовъ? Впрочемъ, развѣ и уголь не принадлежитъ къ числу предметовъ первой необходимости (на скамьяхъ правой: „совершенно вѣрно!“) въ такой же мѣрѣ, какъ хлѣбъ? А развѣ цѣны на зерновой хлѣбъ и скотъ тоже увеличились въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ *вдвое*, какъ цѣны на уголь?“

Въ отвѣтъ на это министръ торговли *Дельбрюкъ*, въ качествѣ представителя правительства, и депутатъ *Гиршъ*, въ качествѣ представителя синдиката углепромышленниковъ, заявили, что не меньшимъ колебаніямъ подвергались цѣны на уголь и до образованія синдиката и что подобныя же колебанія имѣютъ мѣсто также и за границей. Ясно, что такимъ путемъ только перенесли споръ съ вопроса о политикѣ цѣнъ углепромышленнаго синдиката на почву общихъ вопросовъ эволюціи капиталистическаго производства. Законъ спроса и предложенія—заявилъ господинъ *Дельбрюкъ*.

Мы не станемъ вдаваться съ представителемъ прусскаго правительства въ подробности о причинной связи между явленіями. Мы не спросимъ его, почему это никакъ не можетъ создаться постояннаго отношенія между спросомъ

и предложеніемъ. Не спросимъ его также: не указываютъ ли тѣ колебанія цѣнъ, которыхъ, по признанію самаго министра, не въ состояніи устранить даже синдикаты, но указываютъ ли они на то, что существуетъ какой-то факторъ, постоянно нарушающій нѣкоторые виды социальнаго соотношенія, не скрывается ли какой-нибудь законъ подъ правильно повторяющимися отступленіями товарнаго рынка? Все это не относится къ вѣдомству министра торговли: это вопросы науки. Мы хотимъ здѣсь только указать на то, что и представитель правительства, и представитель синдиката въ своихъ рѣчахъ обошли самый фактъ вздорожанія угля и тотъ фактъ, что это вздорожаніе отразилось крайне вредно на развитіи какъ индустріи, такъ и земледѣлія. Ихъ мудрость изсякла какъ разъ тамъ, гдѣ начинается сущность проблемы. Расцвѣтъ промышленности принесъ съ собою вздорожаніе угля, вздорожаніе угля мѣшаетъ расцвѣту промышленности. Отчего это происходитъ? Какая взаимная связь между этими явленіями? Какъ выпутаться изъ роковой дилеммы?—Ничего этого они не знаютъ. Они знаютъ только, что такимъ путемъ они рано или поздно придутъ къ кризису.

„Въ теченіе всего прошлаго года всѣ отрасли промышленности работали съ наибольшею напряженностью, на текущій годъ имѣется уже масса заказовъ, имѣются въ виду обширныя работы, которыя дадутъ занятіе сотнямъ тысячъ рукъ. Промышленная дѣятельность протекала въ здоровомъ руслѣ, чрезмѣрной спекуляціи не было,— и тѣмъ не менѣе вдругъ произошелъ страшный крахъ со всѣми промышленными бумагами, точно всему наступилъ конецъ. Милостивые государи, что это представляетъ собою: конечное крушеніе хорошей конъюнктуры или только временный перерывъ, за которымъ послѣдуетъ новый подъемъ? Никто не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Отвѣтить тѣмъ труднѣе, что, не смотря на паденіе курса, еще и теперь продолжается тотъ же бурный спросъ на уголь, который ставитъ каменноугольную промышленность въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ его не легко удовлетворить“ (депутатъ *Гиршъ*).

Благодаря частной собственности на орудія производства, общественное производство разлагается на конкурирующіе между собой элементы. Въмѣсто социальнаго взаимо-

дѣйствія создается антагонизмъ интересовъ. Нѣтъ народнаго хозяйства, есть только частныя капиталистическія предпріятія. Хотя каждая отдѣльная отрасль производства и связана со всѣми остальными, но каждое отдѣльное капиталистическое предпріятіе знаетъ только свои частныя интересы. Все, что общественно объединяетъ производство, превращается, такимъ образомъ, въ источники его разрушенія. Картели, тресты и синдикаты приводятъ только къ тому, что вмѣсто разрозненной борьбы, безчисленныхъ мелкихъ конкурентовъ ведется большая война цѣлыхъ отраслей промышленности противъ общаго производства.

Вздорожаніе угля мѣшаетъ развитію производства; это должно, въ концѣ концовъ, отразиться и на угольномъ рынкѣ. Однако угольныя копи приносятъ громадныя дивиденды. Такъ какъ синдикатъ углепромышленниковъ не можетъ сдѣлаться хозяиномъ всей конъюнктуры, то ему не остается нечего другого, какъ извлечь изъ нея столько пользы, сколько позволяютъ силы синдиката. А силы эти отнюдь не малы.

Немало значенія имѣетъ еще и то, что германскій синдикатъ углепромышленниковъ давно уже превратился и въ картель желѣзопромышленниковъ. Комбинированная картель владѣльцевъ угольныхъ копей и желѣзообрабатывающихъ заводовъ заинтересована въ поддержаніи высокихъ цѣнъ на уголь по тремъ причинамъ: 1, для того, чтобы положить въ карманъ побольше прибыли отъ угля; 2, чтобы поддержать высокія цѣны на желѣзо; 3, чтобы парализовать конкуренцію заводовъ исключительно желѣзообрабатывающихъ.

Благодаря конкуренціи и картельному сплоченію капитала, явленіе капиталистическаго рынка, которое мы здѣсь имѣемъ предъ собою, доводится до такихъ размѣровъ, что получаетъ форму борьбы отдѣльныхъ капиталистовъ противъ всей націи. Начинаютъ даже называть имена этихъ капиталистовъ.

Такъ, напримѣръ, защищающій интересы аграріевъ д-ръ Ганъ заявилъ:

„Собственно говоря, мы, въ сущности, имѣемъ здѣсь дѣло только съ нѣсколькими крупными банками, съ одной стороны, и нѣсколькими крупными фирмами—съ другой стороны: съ Нѣмецкимъ Банкомъ, Дисконтнымъ Банкомъ

Шаффгаузенскимъ Банковымъ Союзомъ, съ Дрезденскимъ и Дармштадскимъ Банками, а затѣмъ, на Рейнѣ и въ Вестфаліи—съ большими фирмами—Стиннесъ, Ганніэль, Каннегиссеръ, Круппъ. Но, прежде всего, мы не должны забывать, милостивые государи, господина Тиссена, который, какъ мнѣ кажется, въ настоящее время все болѣе и болѣе входитъ въ силу, а черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ самой большой фирмой горнозаводской промышленности во всей области нижняго Рейна и Вестфаліи (на скамьяхъ правой: „слушайте, слушайте!“). Милостивые государи! Если здѣсь не вмѣшается *правительство*, если оно не сдѣлается собственникомъ достаточно большихъ каменноугольныхъ копей и не окажетъ такимъ образомъ воздѣйствія на горнозаводскую индустрію, то мы увидимъ дальнѣйшее развитіе начавшагося процесса, мы увидимъ наконецъ, что все захватили въ свои руки гг. Тиссенъ, Ганніэли, Стиннесы и какъ ихъ тамъ еще зовутъ—я неохотно называю эти почтенныя имена“.

Но правительство, съ своей стороны, заявило устами министра торговли *Дельбрюка*: „Итакъ, я думаю, что въ общемъ казенные заводы въ вопросѣ о *цѣнахъ* должны будутъ слѣдовать за *синдикатами* и соображаться съ *конвенціей*“. А представитель синдиката, депутатъ *Гиршъ*, доказывалъ, что правительство хозяйничаетъ еще гораздо хуже, чѣмъ синдикатъ. И никто не возразилъ Гиршу ни слова

Гиршъ заявилъ:

„Въ періодъ 1893—1898 гг. казенный уголь Саарскаго округа стоилъ въ среднемъ 9,07 марокъ за тонну, т. е. на 1 марку дороже частнаго угля Рурскаго округа; въ 1899—1905 гг. казенный уголь стоилъ даже на 1,48 марокъ дороже частнаго (11,56 марокъ)... Если въ прежнія времена еще можно было указать на то, что въ Саарской области производственные расходы значительно больше, то за послѣднее десятилѣтіе это не имѣло мѣста: въ это десятилѣтіе тонна угля въ Саарскомъ округѣ обходилась лишь въ 4,56 марокъ, тогда какъ въ Рурскомъ округѣ она обходилась въ 4,73 марки... Казенная прусская желѣзная дорога въ 1895—1907 гг. уплачивала своему собрату, казенной прусской горной промышленности, въ среднемъ 12,44 марки за тонну угля для локомотивовъ; частный уголь для локомотивовъ въ Рурскомъ округѣ стоилъ 9,95 марокъ за тонну

Такимъ образомъ, переплачивалось 2,49 марки, а въ послѣднія 7 лѣтъ переплачивалось даже 3,08 марки за тонну... Казна не ограничивается тѣмъ, что она доставляетъ хорошій уголь по дешевой цѣнѣ за границу (лучшіе сорта она отправляетъ во Францію, Италію и Швейцарію); она обслуживаетъ за границу лучше, чѣмъ свою страну“.

Милитаризмъ, флотъ и колоніальная политика еще болѣе подгоняютъ казенную промышленность, чѣмъ картель желѣзо и углепромышленниковъ подгоняетъ углепромышленный синдикатъ. Но милитаризмъ, флотъ и колоніальная политика — только самыя естественныя послѣдствія того хаоса, той суммы противоположностей и противорѣчій, которая называется капиталистической формой производства. Такъ замыкается заколдованный кругъ. Буржуазные парламентскіе дѣятели и правительственные государственные мужи беспомощно стоятъ предъ нимъ, и единственное, что они еще могутъ сдѣлать, это — упрекать другъ друга въ смертныхъ грѣхахъ.

Крупное землевладѣніе и индустрія конкурируютъ между собою изъ-за эксплуатаціи рабочаго. Индустрія — изъ нужды, а не по доброй волѣ — платитъ болѣе высокую заработную плату. Крупные землевладѣльцы видятъ въ этомъ недобросовѣстный пріемъ конкуренціи, почти нравственное преступленіе: мораль капиталистической эксплуатаціи требуетъ, чтобы рабочая плата была низведена до послѣдней возможности. Аграріи никакъ не могутъ переварить того факта, что батраки и поденщики имѣютъ возможность уходить въ промышленныя области и такимъ образомъ спасаться отъ унижительнаго обращенія и нищенской платы, выпадающихъ на ихъ долю въ деревнѣ. Но съ подъемомъ промышленности, при которомъ повышается спросъ на индустріальныхъ рабочихъ, и съ большей интенсификаціей земледѣлія, вытекающей изъ вздорожанія, указанныя противорѣчія еще болѣе обостряются. И мы слышимъ, какъ горько жалуется въ прусскомъ ландтагѣ графъ *Канницъ* на то, что угольные копи заманиваютъ къ себѣ сельскихъ рабочихъ. Онъ приходитъ къ слѣдующему выводу, въ высшей степени характерному для отношенія аграріевъ къ народу:

„Каждый взрослый рабочій представляетъ очень солидный капиталъ, пущенный нами въ оборотъ; но какъ только

рабочіе подрастаютъ, они представляютъ свою рабочую силу въ распоряженіе крупной промышленности, и промышленность жнетъ тамъ, гдѣ не она сѣяла („совершенно вѣрно!“ на скамьяхъ правой“).

Изъ этихъ словъ вы можете видѣть, вы, крестьяне и крестьянскія дѣти, вы можете видѣть, за что васъ почитаютъ аграріи. По ихъ мнѣнію, вы живете на свѣтѣ не для себя, вы — не свободные граждане, сами располагающіе своей судьбой: вы — не болѣе, какъ „капиталъ, пущенный въ оборотъ!“ Помѣщикъ, землю котораго вы обрабатываете и скотъ котораго вы пасете, онъ васъ самихъ тоже рассматриваетъ, какъ породу скота, разводимаго имъ. Вашими руками онъ обогащается; но, по его мнѣнію, вы навсегда остаетесь его неоплатными должниками. Вы принадлежите ему, вы сами и все ваше потомство!

Съ какою самоувѣренностью германскіе аграріи добиваются осуществленія своихъ эксплуататорскихъ желаній, показываетъ тотъ фактъ, что они внесли предложеніе установить вывозную пошлину на уголь. Такая пошлина нужна была, между прочимъ, для того, чтобы ограничить добычу угля и такимъ образомъ освободить рабочія руки. Прочитируемъ по стенографическому отчету слѣдующее мѣсто изъ рѣчи депутата *Гирша*:

„Предположимъ, напримѣръ, что вывозъ, въ общемъ, ограниченъ на одну треть: это въ самыя худшія времена повело бы къ лишенію работы 25000 горнорабочихъ, получающихъ въ годъ 25—30 милліоновъ марокъ (депутатъ д-ръ Ганъ: „которыя пошли бы въ пользу сельскаго хозяйства!“)... Я собственно хотѣлъ было сказать: это, понятно, не соответствуетъ желаніямъ г. интерпеллянта. Но теперь, послѣ рѣчи г. интерпеллянта и послѣ возгласовъ, которыя я здѣсь слышу, теперь я вынужденъ сказать: это вполне соответствуетъ желаніямъ г. интерпеллянта“.

Итакъ, десятки тысячъ рабочихъ должны быть выброшены на улицу для того, чтобы доставить аграріямъ дешевую рабочую силу! И это должно сдѣлать государство. Трудно придумать болѣе неопровержимое доказательство тому, что вся государственная политика аграріевъ вмѣстѣ съ ихъ патріотизмомъ не представляетъ ничего иного, кромѣ политики эксплуатаціи народа.

Само собою разумѣется, и крупные промышленники не

оставили безъ отвѣта упрека въ томъ, что они взвинчиваютъ заработную плату. Повышать заработную плату поистинѣ не входитъ въ кругъ ихъ желаній. Но

„милостивые государи! гдѣ же причина тому, что заработная плата поднялась такъ высоко? („О го!“ на скамьяхъ правой). Это, прежде всего, результатъ того, что рабочему приходится больше тратить на свое существованіе (горячіе протесты справа; „совершенно вѣрно!“ у національ-либераловъ). А приходится рабочему больше тратить прежде всего потому, что вздорожали специально жизненные припасы. Послѣднее съ особенною отчетливостью можно констатировать для 1906 года“.

Рабочіе хорошо сдѣлаютъ, если въ своей борьбѣ за заработную плату будутъ крѣпко помнить это авторитетное заявленіе, исходящее изъ предпринимательскихъ круговъ.

При томъ оборотѣ, который приняли дѣла, промышленники и землевладѣльцы не могли обойтись и безъ обстоятельныхъ объясненій по поводу имперской таможенной политики.

Депутатъ *Гиршъ*: „...поэтому 20, 25 лѣтъ работали, чтобы создать синдикатъ. Но онъ созданъ не во имя какой-нибудь теоріи, а для достиженія *чисто практическихъ, реальныхъ цѣлей*. Точно такъ же вѣдь и наши землевладѣльцы не во имя теоріи требовали и добились высокихъ пошлинъ при послѣдней тарифной кампаніи въ рейхстагѣ. Они ставили себѣ *чисто практическую задачу*. Именно — поднять на достаточную высоту цѣны на сельско-хозяйственные продукты (на скамьяхъ національ-либераловъ: „на спиртъ и сахаръ!“)... А также на зерновой хлѣбъ и скотъ!“

Достаточно ясно: мы, какъ и вы, заботимся только о прибыли!

Въ другомъ мѣстѣ представитель синдиката упрекалъ аграріевъ въ томъ, что „въ свое время картели изъявили согласіе и не противились тому, чтобы *изъ кожи индустріи были вырваны тѣ ремни, которыми была связана по рукамъ и ногамъ въ рейхстагъ обструкция противъ таможенного тарифа*“.

Въ заключеніе онъ заявилъ: „Милостивые государи! Сельско-хозяйственные пошлины были бы сметены, если бы промышленность не оказалась болѣе въ состояніи давать

высокую заработную плату, которая необходима для покрытія необходимѣйшихъ расходовъ при вздорожаніи жизненныхъ припасовъ“!

На это аграрій, д-ръ *Ганъ*, далъ такую реплику: „Не хочу отрицать: благодаря высокимъ пошлинамъ, промышленность оказалась въ пріятномъ положеніи, когда можетъ господствовать на внутреннемъ рынкѣ (возраженія со стороны національ-либераловъ)... Да, г. коллега д-ръ *Воймеръ*! Мы вмѣстѣ съ вами засѣдали въ таможенно-тарифной комиссіи, и вы, навѣрное, еще помните, какія *чудесныя, высокія пошлины* мы вамъ тогда утвердили. Благодаря имъ вы господствуете на внутреннемъ рынкѣ; вы, въ общемъ, повысили цѣны въ размѣрѣ всей суммы пошлинъ. На внутреннемъ рынкѣ за-граница не можетъ вамъ составить конкуренціи. По крайней мѣрѣ при цѣлой массѣ товаровъ — на примѣръ, о рельсахъ даже и напоминать вамъ нѣтъ надобности“!

Такимъ образомъ, уже черезъ какой-нибудь годъ послѣ введенія новыхъ таможенныхъ тарифовъ промышленники и землевладѣльцы уже хватили другъ друга за горло. На этотъ разъ, правда, только для того, чтобы съ любезной улыбкой расходиться въ разныя стороны. Они предостерегали другъ друга, рекомендовали другъ другу солидарность. „Немного побольше солидарности! это намъ всѣмъ будетъ полезно!“ (деп. *Гиршъ*). Объединенные картелями промышленники и аграріи отлично сознаютъ, что, если между ними произойдетъ разрывъ, то рухнетъ вся система охранительныхъ пошлинъ. Но съ системой охранительныхъ пошлинъ самыми тѣсными узами связана вся политика имперскаго правительства.

Однако экономическія противорѣчія обладаютъ большею силою, чѣмъ желанія и намѣренія политиковъ. Когда индустріальные промышленники голосовали за новый таможенный тарифъ, имъ и въ голову не приходило, что оплачиваніе аграрныхъ пошлинъ падетъ на нихъ въ формѣ повышенія заработной платы. Если они и колебались при утвержденіи пошлинъ, то колебанія вызывались только опасеніями затруднить заключеніе торговыхъ договоровъ. Что касается цѣнъ на жизненные припасы, то все время, пока на мировомъ рынкѣ цѣны на зерно проявляли понижающую тенденцію, вздорожаніе жизненныхъ припасовъ имѣло только относительный характеръ; цѣны поднимались только

въ сравненіи съ цѣнами въ государствахъ свободной торговли. А это нисколько не беспокоило индустріальный капиталъ, который рассчитывалъ быстро справиться съ сопротивленіемъ рабочихъ, если бѣ рабочіе вздумали сопротивляться. Но оказалось не то: вздорожаніе пріобрѣло абсолютный характеръ; жизненные припасы продолжаютъ безъ конца повышаться. А, благодаря твердости и солидарности профессионально организованныхъ рабочихъ, предприниматели вынуждены соглашаться, по крайней мѣрѣ, на частичное повышение заработной платы. При такихъ условіяхъ вопросъ о пошлинахъ на хлѣбъ пріобрѣтаетъ самый живой, непосредственный интересъ для индустріальныхъ предпринимателей. Что касается крупныхъ землевладѣльцевъ, то чѣмъ болѣе они интенсифицируютъ свое хозяйство, чѣмъ быстрѣе капитализируютъ въ ипотекахъ поднявшееся въ цѣнѣ зерно, тѣмъ ошутительнѣе для нихъ станетъ вызванное промышленными пошлинами вздорожаніе машинъ и другихъ принадлежностей инвентаря.

Колоніальная политика одна только и можетъ послужить мостомъ между крупнымъ землевладѣніемъ и крупной промышленностью, сгладить противоположность ихъ интересовъ.

Но обостряющійся антагонизмъ между обѣими категориями крупнаго капитала, прежде всего, даетъ новый сильный толчекъ къ *колоніаль-политическимъ похижденіямъ*, къ политикѣ авантюризма, лишенной всякой реальной почвы, какой бы то ни было опредѣленной цѣли—къ политикѣ, диктуемой отчаяніемъ, диктуемой однимъ только желаніемъ какъ-нибудь спастись отъ внутренняго разложенія.

Но, если только наступить торговый кризисъ—вся система рухнетъ сразу.

„Замѣнить торговую политику колоніальной—значить проложить дорогу къ полному политическому крушенію“. (См. стр. 36 настоящей книги).

Милитаризмъ и бюрократія.

Для опредѣленія мѣста Германіи въ міровой исторіи достаточно знать, что Германія—капиталистическое государство. Но этого отнюдь еще недостаточно для того, чтобы

судить о ближайшемъ политическомъ будущемъ Германіи: оставаясь капиталистическимъ, каждое государство въ то же время является также милитаристскимъ и бюрократическимъ.

Посмотримъ, какъ развивался милитаризмъ въ Германіи, начиная съ 1871 года *).

Война 1871 года превратила Германію въ самое сильное, въ военномъ отношеніи, государство Европы, а слѣдовательно, и всего міра. Правда, Россія все еще превосходила Германію по количеству народонаселенія. Но въ сравненіи съ объединеннымъ въ имперскій союзъ 41 милліономъ нѣмцевъ, живущихъ въ самомъ сердцѣ Европы, небольшую силу представляли 100 милліоновъ русскихъ мужиковъ, разсѣянныхъ по двумъ частямъ свѣта на пространствахъ, въ 40 разъ превосходящемъ территорію Германіи, лишенныхъ средствъ сообщенія, лишенныхъ народныхъ школъ, въ странѣ съ неразвитымъ производствомъ, безъ промышленности, безъ городовъ, изнывающихъ подъ гнетомъ закоснѣлой политической системы. Въ 1868 году *Мольтке* въ прусскомъ ландтагѣ заявилъ, что лучшій путь для *разоруженія Европы* это—объединеніе Германіи. Черезъ три года идеаль Мольтке осуществился: Германія была объединена и обрѣла такимъ могуществомъ, о какомъ никто и не мечталъ раньше. Побѣдоносная армія, испытанная въ многочисленныхъ бояхъ, превосходно вооруженная, прекрасно вышколенная и дисциплинированная, армія, находящаяся подъ командой любимѣйшихъ вождей и пользующаяся восторженной любовью всего народа; сосѣднія государства—разбиты и унижены; сухопутная граница переброшена черезъ Рейнъ; у Франціи отняты двѣ цвѣтушія провинціи; героическая слава французскаго народа, которая со времени революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ точно волшебная сила держала всю Европу въ оцѣпененіи,—эта слава отнята у Франціи, укрѣплена за германскими знаменами.... Казалось, наступило время, когда Германія смогла бы осу-

*) Послѣдующее представляетъ статью, которую я пять лѣтъ тому назадъ написалъ для одного итальянскаго журнала. Для настоящей работы я только измѣнилъ статистическія данныя соответственно бюджету 1906 г. Съ тѣхъ поръ, какъ впервые написана эта статья, возникла большая сенсаціонная литература о разложеніи германской арміи.

существовать слова, произнесенныя Мольтке въ 1868 году,— когда Германія смогла бы положить начало *уменьшенію бремени милитаризма*.

На дѣлѣ оказался совершенно не то. Уже 1874 годъ принесъ увеличеніе размѣровъ арміи въ мирное время; 1881 годъ принесъ новое увеличеніе арміи. Съ тѣхъ поръ ни одинъ легислатурный періодъ рейхстага не прошелъ безъ увеличенія наличныхъ силъ арміи и безъ утвержденія новыхъ суммъ на военныя сооруженія. Не считая расходовъ непосредственно на войны, общее бюджетное бремя расходовъ на армію и флотъ разрослось съ 230 милліоновъ марокъ въ 1871 году до 1030 милліоновъ марокъ въ 1906 году. Одни возрастающіе ординарные бюджетные расходы на армію составляютъ въ настоящее время 617 милліоновъ марокъ. Еще въ 1874 году они на 98 милліоновъ были ниже соответствующихъ расходовъ Франціи; но уже въ 1898 году они превышали французскіе расходы на 27 милліоновъ марокъ. И это—не смотря на французскіе милліарды, которые Германія заставила уплатить себѣ! Побѣдители дороже оплатили свою побѣду, чѣмъ побѣжденные свое пораженіе.

Чтобы оправдать новыя военныя сооруженія, производившіяся послѣ 1871 года въ расширенномъ масштабѣ, заявили, что „Германія приобрѣла больше уваженія со стороны всѣхъ, но ни съ чьей стороны не приобрѣла болѣе любви“ (Мольтке) и что поэтому она должна быть болѣе предусмотрительна, чѣмъ прежде. Когда прошли годы, и войны не было, пришлось пустить въ ходъ болѣе сильно дѣйствующія средства. Въ 1887 году былъ инсценированъ большой воинственный фарсъ. „Желѣзный“ дѣлалъ страшно свирѣпыя гримасы, задиралъ Швейцарію и Францію, подстрекалъ биржу не давать денегъ Россіи. Мольтке тогда заявилъ: „Милостивые государи, вся Европа закована въ оружіе; куда бы мы ни взглянули—вправо или влево—всюду мы находимъ сосѣдей въ такомъ вооруженіи, какого даже богатые страны не въ состояніи долго выносить. Благодаря этому, самымъ настоятельнымъ образомъ выдвигается необходимость *немедленно же принять самыя рѣшительныя мѣры*“. Въ этихъ словахъ мы имѣемъ заколдованный кругъ милитаризма въ самой классической его формѣ: военная опасность вызываетъ вооруженія, а воору-

женія вызываютъ военную опасность. Для плательщика налоговъ этотъ заколдованный кругъ создаетъ невеселыя перспективы. Для того, чтобы провести военный законопроектъ 1887 года, оказался необходимымъ крикливый патріотизмъ картельно-капиталистическаго рейхстага. Чтобы какъ-нибудь протащить военный законопроектъ 1902 года, выставили приманкой двухлѣтнюю военную службу; но все же пришлось распустить рейхстагъ. Милитаризмъ лишился престижа и, для его возстановленія, вынужденъ искать новыхъ средствъ. И такія средства милитаризмъ нашелъ, или, вѣрнѣе, самъ создалъ—въ колоніальной политикѣ. Правда, непосредственно колоніальная политика только форсируетъ созданіе флота, но ея вліяніе чувствуется и на общемъ отношеніи къ милитаризму. Общій планъ внѣшней политики Германіи измѣнился: опасности французскаго или русскаго вторженія уменьшились, отношенія къ державамъ тройственнаго союза осложнились; возникли новыя соглашенія, основой которыхъ служить уже не равновѣсіе въ Европѣ, а поддержка интересовъ въ колоніяхъ. Въ то же время осложненія въ восточной Азіи и южной Америкѣ показали, какъ такая колоніальная электрическая проволока, вносящая массовыя убійства въ чужія страны, можетъ дѣйствовать и въ обратномъ направленіи—перенести всемірную войну и въ Европу. Такимъ образомъ, нѣмецкій милитаризмъ теперь имѣетъ своей цѣлью не защиту собственныхъ границъ, а расширение мірового могущества Германіи.

До 1871 года германскій милитаризмъ переплетался съ общенациональными объединительными стремленіями. Но объединительныя стремленія нѣкогда связывались съ идеей германской республики, которая должна положить конецъ политикѣ династическихъ интересовъ, разъединяющихъ націю. Идею германской республики милитаризмъ замѣнилъ своимъ незаконнорожденнымъ чадомъ, „чудовищемъ изъ грязи и огня“—идеею общенародной имперіи, побѣждающей всѣхъ своихъ враговъ; послѣ 1871 года милитаризмъ нѣкоторое время вполне послѣдовательно старался оправдать свое существованіе необходимостью защиты имперіи, созданной кровью и желѣзомъ. Но это была только переходная стадія, изъ которой милитаризмъ, наконецъ,

вышелъ, чтобы стать на почву капиталистической міровой политики.

За это время круто измѣнился и *духъ арміи*. Изъ Парижа германская армія возвратилась съ невѣроятно высокимъ мнѣніемъ о своей непобѣдимости. И въ этомъ самомнѣніи арміи лежитъ уже зародышъ ея разложенія. Сознаніе своего превосходства превратилось въ національную манію величія. То, чего достигли нѣмцы, казалось вершиной военного искусства. Если старые вожди и не одерживали болѣе блестящихъ побѣдъ, то они все же сохранили свои дарованія, свои большія знанія, свой громаднй опытъ. Они вскорѣ однако одинъ за другимъ сошли въ могилу и были похоронены съ большими почестями. Ихъ мѣсто занялъ второй букетъ „героевъ“—офицеры, которые во время большихъ войнъ занимали второстепенныя мѣста въ арміи. Они смотрѣли на себя, какъ на законныхъ носителей традицій старой арміи. Они берегли эти традиціи съ тѣмъ большею педантичностью, чѣмъ менѣе имъ доступны были широкія задачи и пониманіе прежнихъ дѣйствительныхъ руководителей. Но потомъ исчезли и эти,—большею частію подъ натискомъ болѣе молодыхъ элементовъ. Императоръ Вильгельмъ II планомѣрно и энергично занимался „дѣломъ оздоровленія арміи молодыми элементами“. И теперь, черезъ 35 лѣтъ послѣ 1871 года, корпусъ офицеровъ почти весь заполненъ новыми людьми.

Офицеры новаго времени видятъ въ арміи или мѣсто для спорта или учрежденіе для обезпеченія ихъ существованія. Сынки высшихъ дворянъ и богатыхъ буржуа нѣсколько лѣтъ играютъ роль офицеровъ, чтобы блистать въ обществѣ. Скучность ума и знаній они возмѣщаютъ умѣньемъ держать себя „браво“, т. е. раздутой чванливостью и нахальнымъ презрѣніемъ къ „штатскому“. Перспективы, открывающіяся предъ профессиональнымъ офицеромъ, не отличаются большимъ блескомъ: послѣ 21 года службы можно сдѣлаться майоромъ, если только карьера не потерпитъ крушенія раньше—на самомъ опасномъ чинѣ капитана. Но, чтобы добраться до чина майора, человекъ, не принадлежащему къ высшему дворянству и не имѣющему большихъ связей, надо обладать особеннымъ счастьемъ. Поэтому средній офицеръ меньше думаетъ о приобрѣтеніи военныхъ знаній, чѣмъ объ использованіи своего

званія для занятія соотвѣтствующаго общественнаго положенія. Последнее обыкновенно осуществляется путемъ *искупительнаго труда на богатой*. Корпусъ офицеровъ превратился во что-то вродѣ государственнаго завода жеребцовъ для облагораживанія крови богатой буржуазіи, въ особенности еврейской.

Chronique scandaleuse корпуса офицеровъ никогда не изсякаетъ: шулерскіе процессы, въ которыхъ офицеры изъ высшаго дворянства занимаютъ мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ рядомъ съ бывшими каторжниками; убійства съ цѣлью грабежа; дуэли послѣ ссоры между офицерами, перепившимися, какъ скоты. Изъ самаго корпуса офицеровъ не разъ раздавались громкія жалобы на упадокъ порядочности въ офицерской средѣ. Тонъ задаютъ сынки богатыхъ буржуа: пошлое модерничаніе, страстная игра, саморекламирование; безумная погоня за золотомъ, заставляющая ни передъ чѣмъ не останавливаться. Надо прибавить, что вообще профессиональными офицерами дѣлаются наименѣе одаренные элементы арміи; болѣе способные лучше обезпечиваютъ свою жизнь, дѣлаясь промышленными техниками или купцами.

Неизмѣримо большія еще измѣненія произошли въ *составѣ армейской массы*. Растущее разслоеніе классовъ перенесло и въ арміи центръ тяжести съ крестьянства на городской пролетаріатъ. Въ 1897 году въ Баваріи произведена была анкета о классовомъ составѣ арміи. При этомъ оказалось, что три пятыхъ новобранцевъ состояли изъ рабочихъ и служащихъ промышленности и торговли; а среди остальныхъ новобранцевъ, взятыхъ изъ деревни, громадное большинство составляли наемные работники т. е. опять таки пролетаріи. При такомъ составѣ политическое настроеніе арміи приобрѣтаетъ совершенно новый характеръ, ея духовный уровень переносится на совершенно новую плоскость. Военные инструктора констатируютъ, что городскіе рабочіе гораздо скорѣе выучиваются и становятся болѣе способными солдатами, чѣмъ рекруты изъ деревни. Съ другой стороны, они болѣе чувствительны къ требованіямъ тупой субординаціи: благодаря большей духовной подвижности, они критикуютъ тамъ, гдѣ крестьянинъ только жалуется или, въ крайнемъ случаѣ, приходитъ въ бѣшенство. Такимъ образомъ измѣненіе массоваго со-

става приводить армію въ конфликтъ съ ея організаціей и дисциплиной, рассчитанными на мало подвижное и мало воспріимчивое крестьянство. Общепринятый фактъ, что при введеніи двухлѣтной службы не послѣднюю роль сыграло соображеніе, что солдаты, служившіе третій годъ, прекрасно знали службу, еще лучше знали всѣхъ начальствующихъ, были самыми жестокими критиками и могли оказывать нежелательное нравственное вліяніе на всѣхъ остальныхъ солдатъ.

Если измѣненіе состава арміи требуетъ измѣненія всей системы, то еще сильнѣе требуетъ того же прогрессъ *оружейной техники*. Если прежде арміей можно было пользоваться, какъ коллективнымъ организмомъ, лишеннымъ собственной воли и слѣпо повинующимся командѣ начальствующаго, то теперь, когда армія разбрасывается на громадныя пространства, приходится дѣйствовать такъ, какъ если бы каждый солдатъ въ *отдѣльности* воодушевленъ былъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ, что и остальные солдаты. Поэтому авторитеты военной науки въ Германіи требуютъ, чтобы обученіе солдатъ приводило къ „выработкѣ изъ каждого солдата самостоятельнаго и самодѣтельнаго члена его отряда“ (генераль фонъ Блюме). Но корпусъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ по своей организаціи и по своему составу совершенно не пригоденъ для такого обученія солдатъ. Подобная задача требуетъ полной солидарности всей арміи, а, между тѣмъ, никогда еще не была такъ остра классовая рознь между офицерами и рядовыми, какъ именно въ настоящее время. Однимъ принужденіемъ нельзя осуществлять такихъ задачъ—требуется воодушевленіе. Война англичанъ противъ буровъ показала все различіе между арміей, дѣйствующей изъ воодушевленія, и арміей, дѣйствующей по принужденію. Но откуда вѣзться воодушевленію, когда пропасть между милитаризмомъ и народомъ постоянно еще увеличивается? Народъ жалуется на безконечныя вооруженія. Недовольство растетъ и вмѣстѣ съ недовольствомъ растетъ и социалдемократія. Само собою разумѣется, все это не можетъ остаться безъ вліянія и на армію.

Правительство изъ страха, что армія заразится социалдемократическимъ ядомъ, подняло травлю противъ „социалдемократическаго духа“. Но эта травля только особенно

приковала вниманіе къ социализму.

При такихъ условіяхъ социалдемократическая критика милитаризма и порядковъ въ арміи находитъ обширный резонансъ. Въ безсильной злобѣ правительство требуетъ такихъ законовъ, при помощи которыхъ можно было бы предохранить армію отъ социалдемократическаго „отравленія“. Но оно такихъ законовъ не получитъ, а парламентскіе дебаты по поводу такъ называемаго „каторжнаго законопроекта“ только показали всю слабость руководителей арміи и, не въ малой степени, поспособствовали социалдемократической пропагандѣ.

Не имѣя возможности бороться противъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ золъ арміи, правительство занято только однимъ, требуетъ только одного: побольше боевыхъ силъ! Побольше солдатъ, побольше пушекъ, лучшихъ пушекъ! А тѣмъ временемъ окостенѣлая организація арміи впадаетъ въ большее и большее противорѣчіе съ ея новымъ составомъ и съ новѣйшими требованіями стратегіи и тактики, вытекающими изъ усовершенствованія оружейной техники; а тѣмъ временемъ исчезаютъ послѣдніе слѣды національнаго интереса къ арміи и въ самой арміи; обостряется классовая рознь внутри арміи и антагонизмъ между милитаризмомъ и народомъ; а тѣмъ временемъ все болѣе деморализируется корпусъ офицеровъ, и руководство арміей переходитъ къ маріонеточнымъ генераламъ вродѣ Вальдерзее.

Я отнюдь не хочу этимъ сказать, что германская армія ниже другихъ армій на континентѣ: всѣ остальные европейскія арміи находятся подъ тѣмъ же разлагающимъ вліяніемъ капитализма. Германская армія имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что она для всѣхъ остальныхъ служитъ образцомъ, съ котораго тѣ представляютъ лишь болѣе или менѣе плохія копіи. Слабость германской арміи скажется только въ томъ случаѣ, если противъ нея выступитъ войско, въ которомъ исчезла классовая рознь и которое тѣсно связано психологически съ своимъ народомъ. Положеніе поразительно напоминаетъ положеніе, создавшееся въ концѣ 18 столѣтія. И тогда прусская армія служила образцомъ для всего міра. Очень видный австрійскій военный писатель характеризуетъ положеніе того времени слѣдующимъ образомъ: „Послѣ Губертуса личность Фридриха Великаго оказывала гораздо болѣе сильное,

болѣе рѣшающее вліяніе на солдатъ Европы, чѣмъ оказываетъ нынѣшняя Германія на развитіе военнаго дѣла. Друзья смотрѣли на Подсдамъ и Берлинъ съ благоговѣйнымъ преклоненіемъ, враги—съ суевѣрнымъ страхомъ. Со всѣхъ концовъ свѣта стекались въ Пруссію жаждавшіе научиться военному дѣлу. Офицеры изъ школы Фридриха Великаго расходились по всему міру въ качествѣ учителей военнаго искусства... И именно въ эту эпоху зародились новые формы и приемы веденія войны, которые, во многихъ отношеніяхъ, составляли прямую противоположность тому, что всѣми считалось послѣднимъ словомъ военнаго искусства. Новыя формы веденія войны создала революціонная французская армія, и она превратила въ ничто мощь и славу прусской арміи, какъ и остальныхъ армій старой Европы. Если обнаружившіеся теперь недостатки германской арміи что-нибудь доказываютъ, то только одно: что германская армія уже созрѣла для... *соціальной революціи*.

Не въ меньшихъ размѣрахъ совершается процессъ разложенія и въ средѣ германскаго чиновничества. Законченный типъ нѣмецкаго чиновника, отличающагося сильно развитымъ національнымъ чувствомъ, сознаниемъ долга и неподкупностью, тоже былъ продуктомъ эпохи великой борьбы за объединеніе всей націи. Но уже въ моментъ основанія имперіи среди чиновничества обнаружились два враждебныя одно другому теченія. Вмѣстѣ съ прусскимъ королевствомъ на первый планъ выдвинулся и прусскій—чиновникъ. Онъ принесъ съ собою сословно-аристократическое чванство и бюрократическое самомнѣніе. Для него государство вполнѣ вмѣщается въ понятіи правительства, а нація въ понятіи государство. Южно-германскій чиновникъ—который вынужденъ былъ сначала подчиниться принципу прусской централизаціи, а потомъ уступилъ первое мѣсто чиновнику прусскаго типа—ворча отступилъ на задній планъ и сдѣлался оппозиціоннымъ. Впрочемъ, его оппозиціонность не пошла дальше ресторанныхъ разглагольствованій, которыя заимствовали свою окраску отъ крикливыхъ политическихъ арлекинадъ Зиглевскаго „Vaterland'a“. Но, благодаря тому, что въ подчиненныхъ Пруссіи государствахъ централизація не успѣла окаменѣть, въ них и въ послѣдующее время чиновничество приобрѣтало болѣе

просвѣщенное и демократическое направленіе; это однако ничуть не помѣшало южно-германскому чиновничеству подвергаться воздѣйствію капитализма. Въ самой же Пруссіи капитализмъ совершенно измѣнилъ фізіономію чиновничества. Факты экономической и политической жизни приводятъ и германское чиновничество къ сознанию, что надъ міромъ властвуетъ капиталъ, а государство существуетъ только для того, чтобы укрѣпить и расширить власть капитала. Чиновникъ все осязательнѣе чувствуетъ могущество денегъ. Присяжный повѣренный, юрисконсультъ акціонерныхъ обществъ, который можетъ выстроить себѣ красивую виллу и держать собственныхъ рысаковъ, въ глазахъ чиновника приобрѣтаетъ больше блеска, чѣмъ прокуроръ или губернаторъ. Чиновникъ маленькаго городка чувствуетъ себя несчастнымъ, забытымъ Богомъ, провинціаломъ. Всѣхъ провинціальныхъ чиновниковъ неодолимо тянетъ въ большіе города съ ихъ дивидендами, сенсаціонными процессами, биржевой игрой и ночными кафе. Случаи, подобные тому, когда прусское правительство вынуждено было отступить предъ могущественнымъ синдикатомъ углепромышленниковъ, вызываютъ у чиновниковъ еще большее благоговѣніе предъ крупнымъ капиталомъ. Наконецъ, по колониальнымъ скандаламъ можно было убѣдиться, что капитализмъ своими деньгами растлѣваетъ чиновничество не въ меньшей степени, чѣмъ корпусъ офицеровъ.

Политическій азартъ.

Германія вступила въ періодъ прожектерства и дутыхъ предпріятій, похожій на тотъ, [который пережила Франція при Наполеонѣ III. Только здѣсь движеніе принимаетъ неизмѣримо большіе размѣры, потому что въ немъ участвуютъ неизмѣримо большія экономическія и политическія силы. Сравненіе можетъ на первый взглядъ показаться страннымъ; но аналогію можно провести въ очень существенныхъ пунктахъ.

Луи Филиппъ былъ королемъ зажиточной буржуазіи, которая нуждалась въ мирѣ, покоѣ и защитѣ отъ рабочихъ

массъ, такъ какъ дѣло этой буржуазіи—накопленіе капиталовъ—основывалось на непосредственномъ выдавливаніи соковъ изъ рабочихъ. Она одинаково боялась и войны и революции, и принципомъ государственной мудрости провозгласила умѣренность во внѣшней политикѣ и бережливость въ государственномъ бюджетѣ. Революція 48-го года показала, во первыхъ, что рабочіе не даютъ себя устроить отъ участія въ политическихъ дѣлахъ и, во вторыхъ, что мѣсто только зажиточной буржуазіи заняла крупнокапиталистическая буржуазія, которая не желаетъ вялой политики, а, напротивъ, хочетъ энергично использовать государственную власть для капиталистическихъ цѣлей. Отсюда и оба устоя наполеоновской политики прожектерства: плебисцитъ, съ одной стороны, расточительный авантюризмъ—съ другой стороны. Объединяющимъ элементомъ служили традиціи связанныхъ съ именемъ перваго Наполеона революціонныхъ войнъ, которыя велись вначалѣ для охраны политической независимости Франціи, а потомъ для расширенія ея могущества.

И въ Германіи мы также видимъ, что за періодомъ мелко-буржуазнаго собирательства слѣдуетъ періодъ эксплуатации укрѣпившейся государственной силы. Общенациональное государство сплотилось и окрѣпло, буржуазія экономно устроила его хозяйство. Но со времени основанія имперіи буржуазія успѣла пережить процессъ внутренняго разложенія—традиціонная средняя буржуазія исчезла, ея мѣсто заняли крупный капиталъ и современный большой городъ. Крупному капиталу чужда умѣренность: процессъ накопленія безостановочно гонитъ его на болѣе и болѣе широкія предпріятія. Крупный капиталъ не признаетъ національнаго самоограниченія, а требуетъ міровой политики широкаго размаха; онъ не признаетъ кропотливой бережливости, а требуетъ, напротивъ, расточительности; онъ желаетъ не мира, а войны. Этотъ крупный капиталъ вступилъ въ союзъ съ крупнымъ землевладѣніемъ, крестьянство подкупилъ пошлинами на жизненные припасы, населеніе большихъ городовъ увлекъ за собою колониаль-политической фата-морганой. При такой обстановкѣ прошли имперскіе выборы 1907 года. Опираясь на этотъ, своего рода, плебисцитъ, политика расточительности и

авантюризма будетъ вестись дальше съ возрастающей силой. Но для этого крупному капиталу придется путемъ всевозможныхъ обмановъ добывать для правительства новые и новые плебисциты, подобные выборамъ 1907 года,—точь въ точь, какъ это было во Франціи при Наполеонѣ III. Въ сравненіи съ нынѣшней Франціей германскій капиталистическій авантюризмъ имѣетъ одно преимущество, которое французскій капитализмъ тоже имѣлъ при Наполеонѣ III: на его сторонѣ *болѣе сильная, чѣмъ въ современной Франціи, правительственная власть*, которая пользуется *традиціонной военной славой*.

Бонапарты были выскочками, которымъ постоянно приходилось бороться за сохраненіе своего положенія и своего престижа. Правящая въ Германіи династія уже столѣтія сидитъ на тронѣ по праву наслѣдства. Но традиціи дома Гогенцоллерновъ ограничиваются одной только Пруссіей. Въ сознаніи остального германскаго населенія домъ Гогенцоллерновъ связанъ съ однимъ только историческимъ фактомъ основанія новой имперіи. Недаромъ Вильгельмъ I инстинктивно опасался принять званіе императора. Корона германскаго императора затмила собой корону прусскаго короля и, вмѣстѣ съ тѣмъ, затмила также и прусскія традиціи. Германскій народъ не знаетъ прусскаго коропевства „божіею милостью“,—онъ знаетъ только германскую имперію, которую создалъ побѣдоносной, славной войной. Отсюда—та противоположность между настроеніемъ народа и воззрѣніями придворныхъ круговъ, которая такъ рѣзко проявилась при *отставкѣ Бисмарка*. Поскольку народъ еще преданъ правящему дому въ Германіи, эта преданность связана съ идеей имперіи, съ воспоминаніями о славной войнѣ и объ основаніи имперіи; эта преданность, какъ во Франціи при Бонапартахъ, вызвана военной славой. И династія Гогенцоллерновъ, подобно Бонапартамъ, должна постоянно принимать новыя мѣры для того, чтобы сохранять свѣжимъ въ памяти народа ореолъ своей славы. Но чѣмъ больше энергіи проявляютъ короли, тѣмъ больше ихъ критикуютъ. Поэтому существуютъ два теченія: одно хотѣло бы охранять носителя короны отъ всякаго общенія съ націей, держать его почетно во дворцѣ въ качествѣ политическаго украшенія; другое же теченіе, имѣющее

особенный успѣхъ въ придворныхъ кругахъ, напротивъ, ожидаетъ отъ божьяго помазанника проявленія величайшей геніальности во всѣхъ областяхъ—въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ, религіи, спортѣ, даже по вопросамъ моды и закручиванія усовъ; ждетъ оно отъ императора также и проявленія героизма во время войны.

Всѣ слои германской буржуазіи охвачены безумной жадной денегъ и наслажденій. Съ презрѣніемъ отвергается вся доморощенная мѣщанская мораль съ ея заповѣдями умѣренности, самоограниченія, воздержанности, скромности, постепенности, посредственности, съ ея проповѣдью прелестей домашняго очага и семейнаго счастья, съ ея сърыми тонами въ жизни, въ одеждѣ, въ искусствѣ, съ ея боязнью всего яркаго, эффектнаго. Въмѣсто всего этого: отвага, дерзновеніе, смѣлость поступковъ; рискованная игра; погоня взапуски за сильными ощущеніями; стремленіе превзойти всѣхъ сенсационными подвигами; отсутствіе всякой щепетильности въ поступкахъ, способность не останавливаться ни передъ какими средствами, разъ они ведутъ къ успѣху, который все оправдываетъ; полнѣйшее презрѣніе ко всякимъ стремленіямъ, которыя не вытекаютъ изъ желанія приобрѣсти деньги; циничное поклоненіе мамонѣ въ связи съ полнѣйшимъ скептицизмомъ въ вопросахъ общественности; скептицизмъ, который отрицаетъ всѣ унаслѣдованныя нравственныя понятія о семьѣ, о религіи и объ обществѣ, который ничего не внушаетъ, кромѣ ненасытной жажды жизни, удовольствій большаго города, который гонитъ отъ одного наслажденія къ другому и ни на чемъ не даетъ остановиться, потому что индивидуумъ утратилъ всякую связь съ соціальной средой. Всѣ живутъ данной минутой безъ прошлаго и безъ будущаго. Вся Германія вовлечена въ гигантскую биржевую игру и образъ жизни биржевиковъ, какъ и ихъ мораль, становится идеаломъ всей германской буржуазіи.

Вся культурная жизнь „націи“ все болѣе концентрируется въ „міровомъ городѣ“ Берлинѣ. Даже искони прирожденная нѣмцамъ неподвижность начинаетъ исчезать; они уже не такъ тяжелы на подъемъ, какъ въ доброе старое время: сначала толпами путешествовали въ Парижъ, чтобы тамъ научиться искусству легко жить, а потомъ начали перено-

сить парижскіе обычаи въ Берлинѣ. Въ качествѣ краснорѣчиваго доказательства успѣховъ парижской цивилизаціи и декаданса, на берлинскихъ улицахъ завоевала себѣ прочное мѣсто литература скандаловъ и порнографіи.

Разложеніе государства идетъ гигантскими шагами; коррупція скоро дастъ пышный цвѣтъ.

А въ низахъ собираются и сплываются бурлящія массы пролетаріевъ, которымъ капиталистическій шабашъ въѣдѣмъ преграждаетъ путь къ счастью и культурной жизни.

Верхи видятъ все, но боятся раскрыть глаза, боятся даже передъ самими собою признать всю серьезность положенія. Они надѣются, что при помощи колоніаль-политическаго треска и шума удастся обмануть рабочихъ относительно ихъ классоваго положенія.

Но пусть верхи потрудятся поразмыслить надъ слѣдующимъ. Въ 1871 году германская буржуазія имѣла дѣло съ дѣйствительнымъ патріотическимъ воодушевленіемъ, глубоко охватившимъ весь народъ, до самыхъ крайнихъ его низовъ: тогда велась побѣдоносная война, давшая въ результатѣ національное объединеніе. Но удалось ли тогда при помощи патріотизма побѣдить социалдемократію? Нѣтъ, социалдемократія безостановочно росла, а патріотизмъ народа все болѣе притупляется. Какъ же можно думать теперь, послѣ того, какъ три четверти столѣтія мощно развивались капитализмъ и социалдемократія, какъ можно думать, что теперь удастся оглушить и надуть пролетаріатъ колоніальной политикой, которая не представляетъ ничего, кромѣ лжи и обмана, каждый шагъ которой оставляетъ кровавые рубцы на народномъ тѣлѣ!!...

Наполеоновскій періодъ французской имперіи, какъ извѣстно, завершился *Седаномъ* и *Коммуной*. Нынѣшняя Германія тоже мчится навстрѣчу нѣмецкому Седану и нѣмецкой коммуны. Развязка задерживается только потому, что въ настоящее время капитализмъ, классовая рознь и вліяніе мірового рынка—приобрѣли неизмѣримо большіе размѣры, чѣмъ это было во Франціи 1871 года, и требуютъ еще большаго обостренія противорѣчій, какъ въ производствѣ, такъ и въ политикѣ. Окончательная развязка задерживается,—тѣмъ болѣе бурный характеръ она будетъ имѣть, когда разразится.

Седанъ—крушение государства. *Коммуна*—политическое господство пролетариата

Выборы 1907 года сорвали всѣ политическія плотины. По волнамъ капиталистическаго прилива имперскій корабль на всѣхъ парахъ мчится по пути колоніальной политики навстрѣчу *соціальной революции*.

К. Марксъ.	Нищета философіи	Ц. 30	к.
„	Рѣчь о свободѣ торговли	4	„
Ф. Энгельсъ.	Людвигъ Фейербахъ	20	„
К. Каутскій.	Этика и матеріалистич. пон. исторіи	30	„
Фр. Энгельсъ.	Крест. вопросъ во Франціи и Германіи	5	„
В. Засуличъ.	Элементы идеализма въ социализмъ	20	„
К. Марксъ.	Революція и контръ-революція	25	„
„	Классовая борьба во Франціи	20	„
Фр. Энгельсъ.	Бакунисты за работой	7	„
К. Каутскій.	Автобіографія	5	„
„	и Мерингъ. Шиллеръ	10	„
В. Либкнехтъ.	Къ юбилею мартовской революціи	30	„
Г. Грейлихъ.	За 100 лѣтъ	7	„
Г. Плехановъ.	Столѣтіе великой революціи	7	„
Н. Смидовичъ.	Начало Германской с. д.	4	„
Волонтеръ.	Русско-Японская война	50	„
Н. Пажитновъ.	Положеніе рабочаго класса въ Россіи	1 руб.	„
„	Рабочее движеніе въ Россіи	20	„
С. Степнякъ.	Гарибальди	15	„
К. Каутскій.	Республика и с. д. во Франціи	30	„
„	Аграрный вопросъ ч. I-я и II-я	Ц. 1 р. 10	к.
„	Социализмъ и сельское хозяйство	20	„
„	Католическая церковь и с. д.	10	„
„	Интеллигенція и с. д.	10	„
К. Каутскій.	Аграрный вопросъ въ Россіи	5	„
„	и Бебель Патріотизмъ, война	5	„
Бебель.	Соціализація общества	20	„
„	Академики и социализмъ	5	„
П. Лафаргъ.	Женскій вопросъ	8	„
К. Цеткина.	Женщина и ея экономич. положеніе	7	„
Г. Плехановъ.	Наши разногласія	1 руб.	„
Э. Вандервельде.	Парижская коммуна	5	„
Дашинскій.	Формы правительства	10	„
Ст. Струмилинъ.	Богатство и трудъ	20	„
В. Либкнехтъ.	О налогахъ	3	„
М. Балабановъ.	Личная свобода	10	„
Шоръ.	Шахтеры	7	„
К. Марксъ.	Защитительная рѣчь	10	„
Лафаргъ.	Право на лѣнь	6	„
Ст. Струмилинъ.	Что читать с. д.	25	„
Л. Волкенштейнъ.	13 лѣтъ въ Шлиссельбургской кр.	20	„
Эрितъ.	Исторія французской революціи 1848 г.	90	„
Штампферъ и Вандервельдъ.	Религія и с. д.	25	„